

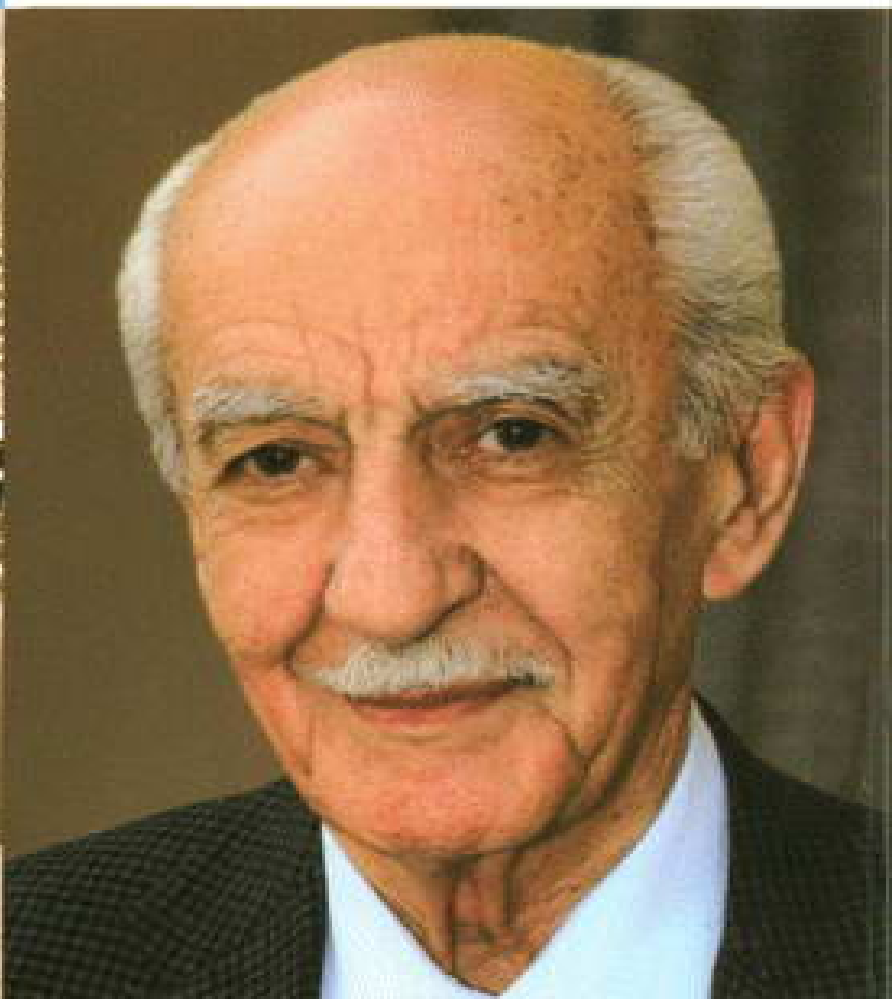
Н. Долгополов

ВАРТАНЯН

ЖЗЛ

ВАРТАНЯН

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Геворк Андреевич Вартанян (1924—2012) — первый сотрудник нашей нелегальной разведки, удостоенный звания Героя Советского Союза в период работы за рубежом в мирное время. Вместе со своей супругой, Гоар Левоновной, он 45 лет отработал в «особых условиях» — вдали от родины, превратившись, согласно оперативной легенде, в удачливого и очень состоятельного коммерсанта. Разведчику пришлось бывать и работать примерно в ста странах мира — и в ряде из них его «контактами» были высшие руководители государств, спецслужб и вооруженных сил.

До недавнего времени наши знания о работе Геворка Вартаняна ограничивались событиями обеспечения безопасности «Большой тройки» во время Тегеранской конференции 1943 года. Автору книги Николаю Долгополову удалось заметно расширить временные и географические рамки биографии легендарного разведчика. В этом ему помогли ученики, коллеги и начальники Геворка Андреевича, а также — Гоар Левоновна Вартанян...

-
- [Николай Долгополов](#)
  - [От автора.](#)
  - [ЧАСТЬ 1](#)
    - [Глава 1.](#)
    - [Глава 2.](#)
      -
      - [Борьба за место встречи](#)
      - [Почему не получилось «Длинного прыжка»?](#)
      - [Скорцени на горизонте](#)
      - [Слово — Амиру.](#)
      - [Наше посольство — общая крепость](#)

- [«Дядюшка Джо» всё же побывал на седьмом небе](#)
  - [Как приходят в разведку.](#)
  - [Монолог от первого лица](#)
  - [«Прямо какой-то Голливуд!»](#)
  - [Он служил и в английской разведке...](#)
  - [Когда отгремели пушки](#)
  - [Гоар работала совсем не за награды](#)
  - [«Им с нами никогда не справиться»](#)
  - [«Мы страну не подводим!»](#)
  - [Кто первый в битве разведок?](#)
  - [Кто виноват в провалах?](#)
  - [Своя жизнь после чужой](#)
  - [Глава 3.](#)
  - [Глава 4.](#)
  - [Глава 5.](#)
  - [Глава 6.](#)
  - [ЧАСТЬ 2](#)
    - [Глава 7.](#)
      - [Кто был командиром](#)
      - [Нелегал понимал нелегала](#)
      - [По-прежнему под грифом «секретно»](#)
    - [Глава 8.](#)
    - [Глава 9.](#)
    - [Глава 10.](#)
    - [Глава 11.](#)
    - [Глава 12.](#)
    - [Глава 13.](#)
  - [ДАТЫ И СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ Г.А. ВАРТАНЯНА, О КОТОРЫХ МОЖНО РАССКАЗЫВАТЬ](#)
  - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
  - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-

Николай Долгополов
ВАРТАНЯН

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1655

(1455)

«Молодая гвардия», 2014

От автора. ПОМНЮ, ВСЁ ПОМНЮ

Это уже не первая моя книга о героях разведки, но поверьте, ни одна из них не давалась так трудно.

Объясню почему. Писать о Герое Советского Союза Геворке Андреевиче Вартаняне мне и радостно, и в то же время больно: были мы хорошо знакомы еще с ноября 2000-го, когда впервые разрешили написать о нем и Гоар Левоновне.

Тогда, в одном из не совсем открытых документальных фильмов о разведке, я увидел сидящего за столом президиума человека с Золотой Звездой на груди. Лица его не показали, но камера остановилась на руках. Я почему-то понял, что это руки хорошо поработавшего, немолодого и — абсолютно точно — восточного человека.

Однажды мне довелось общаться с тогдашним руководителем Службы внешней разведки России. И когда в конце нашей долгой беседы хозяин огромного кабинета задал дежурный вопрос, есть ли у меня какие-то просьбы или пожелания, я рискнул ответить совсем не традиционным «спасибо, никаких». Эпизод из фильма не давал мне покоя, и я выложил всё — и о Звезде, и о руках, и даже версию о том, что герой — откуда-то с Востока. Попросил, если возможно, о встрече. Директор никаких обещаний не давал, но сказал, что просьба услышана. Через пару лет я стоял на пороге квартиры Вартанянов в тихом московском закоулке.

Неудобно писать «мы подружился» — это было бы чересчур. Но общий язык был моментально найден. Возможно, свою роль тут сыграло случайное совпадение: свой диплом иняза я отрабатывал в Иране и два с половиной года с переменным успехом учил фарси,

столь хорошо знакомый Вартаняну и мной не совсем до конца забытый.

Но это так, вершки. Притягивало иное. Желание собеседников рассказать, поведать. Встретившись и начав работу, ни Вартаняны, ни я еще не знали, до каких границ дозволена откровенность. И когда Гоар Левоновна начала: «Мы — Анита и Анри», мне сразу вспомнилась пара нелегалов из книги многолетнего начальника нелегальной разведки генерала Юрия Ивановича Дроздова, столько совершившая и уже не только в войну Отечественную, сколько в войну холодную. Впрочем, границу дозволенного нам довольно быстро закрыли на замок, ограничив рамки повествования Тегераном 1943-го и еще несколькими годами.

И все равно размах сделанного сидящими передо мной людьми понятен. Я находился в квартире пары, долгие годы спасавшей нашу страну от великих бед. И даже когда нам пришлось вернуться в сугубо ограниченный тегеранский период, интерес не пропал. Пусть так, пусть лишь это. Пока...

Вышел мой первый очерк, и его герои моментально отозвались благодарным звонком. Мы продолжали встречаться. С годами появлялись новые очерки, беседы. Кое-что всё же приоткрывалось. Детали, события, даже эпизоды, называющиеся в разведке «оперативными». Правда, никаких имен и названий стран. Однако мне, по свету поездившему, иногда чудилось, что узнаю и крутую горку в центре большого города, и опасный поворот в нескольких километрах от крошечного полусказочного княжества. Да и два-три лишь туманными мазками описанных Геворком Андреевичем персонажа виделись тоже узнаваемыми.

Однажды, накануне своего 85-летия, Вартанян преподнес подарок. Раздвинул временные границы. Никакой географии, и всё же ширина охвата, масштабы

действия, развивавшегося по всему земному шару и в сотне государств больших и малых, раздвинулись. Хотя, подчеркиваю, не приобрели конкретных географических и временных рамок.

Давно заметил, что у семейных пар разведчиков-нелегалов как раз супруга, в отличие от подавляющего большинства представительниц прекрасного пола, склонна хранить молчание. Вот и Гоар Левоновна изредка обращалась к мужу: «Жора, это ничего — можно?» На что Геворк Андреевич обычно утвердительно кивал головой.

Впрочем, о каких-то житейских, порой комичных случаях, не имеющих отношения к разведке, Гоар Левоновна сама рассказывала с удовольствием. Например, любила вспоминать, как на первых порах вживания в новый образ, еще в «промежуточной» стране, она надолго задержалась в парикмахерской. И, расслабившись под сушилкой для волос, в обществе таких же уже подстриженных, но еще не высушенных дам, увидела через большое окно чуть заскучавшего мужа и крикнула ему по-русски: «Жора, я сейчас!» Муж исчез, потом шутил, что на всякий случай искал пути к отходу. А Гоар Левоновна осмотрела ряд женщин, сидевших под хорошо памятным по тем временам здоровенными колпаками-фенами. Никто ничего не услышал. Пронесло!

Отдам должное поварскому искусству Гоар Левоновны. Она не просто готовила — творила блюда восточной кухни. Без всяких излишеств, с дисциплинированной умеренностью мы отведывали их с прекрасным коньяком, всегда из Еревана. Тосты хозяина и его юмор были незабываемы.

И еще мне очень нравилось в их квартире. Есть понятия уюта, ухоженности, вкуса, сияющей чистоты, поддерживаемой хозяйкой. Всё это относится и к жилищу Вартанянов. Всего именно в меру. Но сразу, с

порога, ясно, что двое обитателей побывали «там». На стенах несколько хорошо выписанных картин с порой узнаваемыми видами. Некоторые приятные вещицы в столовой напоминают о странах, где жили нелегалы. Преобладают, я бы заметил, ранние восточные, иранские тона. Не думаю, что это конспирация. Просто из Ирана в Советский Союз выезжали официально, собирались спокойно.

Встречались мы и на некоторых торжественных праздниках, где Геворк Андреевич и Гоар Левоновна были в роли хозяев, именно хозяев, никаких не «свадебных генералов», а я — в роли приглашенного.

Тут должен отметить, что Геворк Андреевич выступал всегда исключительно твердо. Порой приходилось становиться свидетелем определенных дискуссий о роли необычной профессии. Вартанян всегда ратовал за нелегальную разведку — как «высший пилотаж» разведывательной деятельности. Деликатно и одновременно решительно приводил доводы, против которых возражать не решались. Не то что оппоненты, а скорее имеющие иную точку зрения замолкали. И здесь нелегал Вартанян тоже продолжал одерживать свои победы...

Он называл меня «Николай, мой биограф». Порой Геворк Андреевич просил меня рассказать журналистам тот или иной эпизод из их с Гоар Левоновной жизни, дать интервью о нем в документальном или телевизионном фильме. Развернулись двухсерийные съемки документально-художественного фильма о Тегеране-43 из цикла «Поединки», и, узнав, что в соавторах сценария и его «биограф», Вартанян искренне — я это чувствовал — обрадовался. Честно скажу, таким доверием я гордился — ведь это сам Геворк Андреевич возвел меня в ранг такого специалиста, которому можно верить.

Мы часто перезванивались, виделись. Я убеждал Геворка Андреевича, что надо работать над откровенной книгой о их жизни: потихоньку наговаривать ее на магнитофон, день ото дня добавляя новые эпизоды. Ведь кто знает, что в будущем, далеком или близком, будет можно и что нельзя. Он лишь посмеивался и молчал: только он знал о своей жизни всё. Наверное, понимал, что это знание останется лишь при нем.

Потом Гоар Левоновна долго лежала в госпитале — а ушел Геворк Андреевич... Гоар Левоновна говорила: «Поразительно, но Жора никогда не болел. Даже не помню, чтобы такое случилось. И лекарств не принимал. За все годы, что мы были "там" — ни единой болезни».

Потому этот уход на 88-м году был именно неожидан, непредсказуем. Да, занедужил, но такая «глыба», как он, выделась нерушимой. Но нет...

Потом Гоар Левоновна рассказывала мне, что в канун последнего Нового для Геворка Андреевича года врачи отпустили его из больницы домой. Кажется, они уже знали, что болезнь не преодолеть. Вартаняны скромно отметили приход 2012-го. Утром Гоар Левоновна увидела мужа, собирающего вещи. Предложила: «Жора, может, останешься дома? Наденек или хотя бы до вечера?» Он сказал твердо: «Нет, надо в больницу, надо лечиться». Он верил и сражался.

Гоар Левоновна была рядом до последнего. Вот эпизод, над которым я долго думал: приводить ли его в книге? Очень уж личное, интимное, невероятно тяжелое. Но решил, что надо, чтобы знали, как биться и хранить гордое достоинство до последнего вздоха.

Геворк Андреевич уже уходил. Наступали последние часы. И вдруг он глазами показал жене на тумбочку у кровати, попытался что-то произнести. Она, всегда понимавшая его с полувзгляда и полуслова, поняла и сейчас. Взяла зубной протез, вставила. Он знал, что всё заканчивается, и хотел даже тут, в этот самый

последний момент выглядеть достойно. И еще хотел, чтобы в часы прощания люди видели его привычным, сильным, таким, каким он был всегда.

Очень горько. Понимаете? Уходила основа. Чего-то не стало хватать. Оставалась ли без него вера, которую он давал нам, его знавшим, естественно и, казалось, без усилий? Нет, не зияющая пустота, но потеря — и теперь, несколько лет спустя, понятно, — невосполнимая. Ему было много лет, которых никто не чувствовал: мы как-то встречали его с шофером, и тот, впервые увидев хорошо одетого, подтянутого, уверенно вышагивающего Вартаняна, вдруг выпалил: «Европеец. Да ему всего-то лет шестьдесят».

Его не стало. И усадить себя за книгу было тяжело. На моем компьютере я поместил фото улыбающегося Вартаняна. Есть же, должны быть люди, остающиеся для тебя примером. Мой покойный отец, работавший до последнего дня, теперь вот Геворк Андреевич...

Звонил Гоар Левоновне, спрашивал: «Как?» Она отвечала: «Сижу. Пью чай. Что я, когда ушел он...» Не хандра, но пустота. Нет героя, имеющего право поставить свою точку в любом споре. Интересно, как без него? Хотя нет — без него неинтересно.

И мне, которому повезло ближе, чем другим журналистам, писателям, историкам разведки, знать Героя Советского Союза Вартаняна, предоставлена честь поведать о нем правду. Да, это будет лишь часть правды, какая-то ее малая толика. Некоторые мои коллеги уже даже выразили свое сочувствие. Мол, все равно будешь крутиться вокруг «разрешенного» Тегерана. И нет смысла отвечать им: «Не только».

Я очень боюсь сфальшивить. Сделать что-то не так. Нарисовать «икону». Хотя в разведке он так и остался ею.

И еще важное — хочу, чтобы поняли. Даже то небольшое, о чем, бывшем после Тегерана, было

разрешено рассказать при его жизни, это всего лишь остров в море неизвестности.

Я согласился с такими условиями. Прошу и вас, дорогой читатель, принять их. Мы с вами будем играть по правилам разведки.

ЧАСТЬ 1

Глава 1.

ИРАН БЫЛ НАШПИГОВАН АГЕНТУРОЙ

В конце 1930-х, когда война была на пороге, в Тегеран стремились со всей Европы. Огромный персидский город казался той же нейтральной Швейцарией, только азиатской, до которой может и не докатиться Вторая мировая.

Правдами и неправдами добыв драгоценные въездные визы, здесь оседали в надежде переждать войну люди из разных стран, в основном, разумеется, богатые. Их не тревожили дороговизна и инфляция с невиданными — для Ирана и иранцев — ценами. Главное было пересидеть, выжить.

Целые кварталы заселяли теперь иностранцы. Среди них было много, очень много немцев. По некоторым свидетельствам — об этом говорил мне и Геворк Андреевич Вартамян, — тысяч двадцать.

20 тысяч из 750, населявших в то время Тегеран.

Да, среди немцев были и антифашисты, бежавшие от гитлеровской расправы, и евреи, спасавшиеся от неминуемого гетто. Естественно, перебирались сюда, лишь бы подальше от рейха, и просто осторожные немцы, надеявшиеся тихо переждать тяжелые времена. Однако в этом людском потоке было довольно легко затеряться и гитлеровским агентам, наводнившим стратегически важный район. Тем более что правивший страной Реза-шах Пехлеви чуть ли не открыто симпатизировал Германии.

Живя и работая в Иране уже в 1970-х, я пытался понять, что же лежало в основе такой привязанности. Откуда у верхов этой страны было подобное восхищенное восприятие фашизма, в принципе

идеологически чуждого, никак не родственного этому региону с его многовековой культурой и религией? Пожилые иранцы, пережившие войну, с которыми мне довелось беседовать, отвечали единодушно. Во всем, по мнению собеседников, был виноват Реза-шах, обманутый Гитлером. Фюрер провозгласил неоспоримое мировое главенство арийской расы. И когда иранский диктатор причислил к «высшей расе» персов, то хитроумный Адольф позволил правителю, помешанному на этой идее, наслаждаться своей придумкой. На нее тогда клюнули многие: в Германии иранцы были объявлены «чистокровными арийцами».

И ведь даже десятилетия спустя у интеллигентных персов, совсем не германофилов, иногда невольно прорывалось: «Но так оно и есть! Не зря же наша держава именовалась Арией — ее действительно населяют арийцы». Ну как тут не вспомнить: «Истинный ариец. Характер нордический».

Может, и примитивно, но во многом объясняет ситуацию. Шаха поддержали, фашистская идеология захватила страну, точнее ее верхушку. Иранский исследователь Амини свидетельствовал: «Фашистские агенты находились среди министров, депутатов меджлиса (парламента. — Н. Д.), генералов, государственных чиновников, купцов и промышленников».

Плохо излечимая зараза осознания своего «национального превосходства» распространялась, проникала всё дальше и вглубь.

По данным советской разведки, огромный интерес немцев к Ирану проявился еще в 1937 году. Приезжавшие туда фашистские идеологи пытались помочь единомышленникам организовать юношеское движение, которое бы воспитывало молодежь в нацистском духе — нечто типа небезызвестного гитлерюгенда.

Рассекречено:

Вот строки из впервые публикуемого донесения советской разведки под названием «Разведывательная деятельность оси в Иране» от 1 ноября 1942 года:

«В середине 1938 года немцы стали значительно более активны и для политической деятельности стала применяться коммерческая ширма. В сентябре этого года число немцев, прошедших курсы специальной подготовки и обосновавшихся в Тегеране, значительно увеличилось с целью возбудить беспокойство».

Люди из Берлина добрались даже до неподвластных Реза-шаху далеких племен. Демонстрируя преклонение перед иранским союзником, немецкие агенты не чурались работы и с ними. А в пятидесяти национальных министерствах и крупных государственных учреждениях обосновались руководители, чьи взгляды были близки к нацистским. Некоторых из них уже завербовал абвер.

Поверенный в делах США в Иране Энгерт сообщал в Вашингтон: «Страх перед коммунизмом привел шаха к надежде, что только Гитлер может сейчас защитить Иран от большевистского вторжения».

Возможно, что страх перед большевизмом засел в будущем иранском диктаторе еще с тех далеких времен, когда он, неприметный офицер, служил в русской казачьей бригаде, которой командовал полковник Лохов. Бригада квартировала в иранской столице. Офицеры были казаки, рядовые — персы.

Реза-шах, как считают его современники-иранцы, говорил по-русски — по крайней мере, был вынужден сразу выучить необходимый минимум команд на чужом языке. Службу он начинал с рядового. Одно это уже полностью разрушает миф, создававшийся в Иране. Народу пытались внушить, будто Реза Пехлеви —

потомок древних персидских правителей, вершить судьбами соотечественников ему уготовано свыше. Однако дисциплинированность и трудолюбие позволили ему со временем дослужиться до полковника. По воспоминаниям современников, приход в Иран корпуса генерала Баратова он, в отличие от многих персов, воспринял спокойно: ведь началась Первая мировая война, и русские пришли, чтобы обеспечить безопасность своего соседа.

Но в 1917-м грянула революция, о которой Реза-шах вспоминал с ужасом. Наступили иные времена. И вот тогда, словно бы подхваченный непонятной волной, совсем не удалой казачий офицер-перс занял шахский трон. Он поклонялся, возможно, и не самому Гитлеру — скорее фашистским идеям. С давних пор его Персия сражалась с русскими и англичанами, так что Реза-шах поставил на Германию. Известный принцип: враги наших врагов — наши друзья.

Но, кстати, и с офицерами из корпуса генерала Баратова у шаха сохранились определенные отношения. Те из людей Баратова, кто предпочел после революции остаться в Тегеране, чувствовали себя здесь относительно вольготно. Некоторые вступили в белогвардейские отряды, совершавшие бандитские налеты на советскую территорию, а затем немедленно отходившие в Персию.

В предвоенные годы, как мы сказали, Тегеран был буквально наводнен немцами. Понятно, что невозможно было отличить всякого рода коммерсантов, посредников, предпринимателей крупных и мелких — от профессиональных шпионов, которых абвер и гестапо, пользуясь благоприятной для себя обстановкой, внедряли в страну. Хотя симпатии Реза-шаха были настолько явны, что немцы поначалу работали в Иране чуть ли не в открытую. Без опаски вербовали иранцев,

выискивая нужных для себя источников среди самых-самых верхов.

С приближением Второй мировой войны военный альянс двух диктаторов — Реза-шаха и Гитлера — становился угрожающим. За три месяца 1940 года рейх поставил в Иран около трех тысяч пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки продолжались и в начале 1941-го. В эти два года на Германию приходилось 45,5 процента товарооборота Ирана. Однако, вывозя в рейх сырье, страна мало что получала взамен. За исключением оружия, разумеется.

Зато немцы всё решительнее укреплялись в Иране. Фактически все железные дороги не только контролировались, но и управлялись ими. При этом даже паровозные бригады сплошь и рядом состояли из граждан рейха.

Иран усилиями немцев превратился в плацдарм для ведения любых нужных Берлину враждебных действий против СССР. Как знать, решился бы фюрер использовать Иран в качестве плацдарма для начала боевых действий — и противостоять гитлеровской агрессии на этом южном фланге было бы некому. Историки не отрицают возможности этого варианта.

В любом случае Гитлер отводил Ирану роль важнейшую. Страна была богата нефтью, через Персию лежал путь в Афганистан и дальше в Индию, куда фюрер намеревался двинуть армию, покорив Россию. Существовали также планы использовать Иран и для прохода немецкой армии напрямик в Советский Азербайджан, так богатый необходимой фюреру нефтью, — но это уже в ходе войны.

Между тем с нападением Гитлера на Советский Союз Персия превращалась в важнейший пункт и для союзных держав: через нее в СССР шли американские и английские поставки. Немалую иранскую территорию пересекали разветвленные железнодорожные

магистралами, по которым и направлялись в Советский Союз стратегические поставки по ленд-лизу, жизненно необходимые для ведения войны.

Разумеется, немецкая разведка знала назубок, что и как перевозится — ведь многие гитлеровские разведчики и агенты работали под прикрытием транспортных контор, колесили по стране, безбоязненно проводили множество встреч с иранскими источниками. К тому же с территории соседней Персии в СССР постоянно забрасывались диверсанты.

Так что хотя еще в 1939 году, с началом Второй мировой, Иран сразу же заявил о своем нейтралитете, его реально не было и в помине.

25 июня 1941-го Германия потребовала от Ирана вступления в войну. Но шах колебался, мнения членов Высшего военного совета страны разделились, и большинством голосов всё же решили, что надо подождать.

Тогда Гитлер обратился с личным посланием к шаху, требуя, как он предполагал, не поддаваться нажиму Англии и СССР. В Тегеран тайно приезжал шеф абвера адмирал Канарис: его боевики приступили к подготовке переворота, чтобы сместить колеблющегося союзника.

Впрочем, немцы не торопились. Они собирались сначала добиться скорых и решающих побед на Восточном фронте, а вот уж потом взяться и за южное направление. Так что сроки переворота, назначенного поначалу на 22 августа 1941 года, постоянно переносились. К тому же в Берлине не теряли надежды, что Реза-шах вполне может «исправиться» и открыто перейти на сторону Германии, а потому упорно продолжали втягивать Иран в войну.

В общем, грозные события назревали. Остановить их, кажется, не помогали и трижды сделанные после нападения Гитлера на СССР официальные предупреждения советской стороны. Причем дважды

ноты передавались одновременно с союзническими — английскими...

Наконец, ранним утром 25 августа 1941 года послы СССР и Великобритании вручили Реза-шаху ноты своих правительств. В соответствии со статьей 6-й Советско-иранского договора 1921 года, Советский Союз ввел в Иран свои воинские части. Решение было согласовано с Великобританией и США.

Успели! Ведь тогда же, 25 августа, только немного позже, германский посол, он же офицер СС фон Эттель, вручил Реза-шаху ноту Гитлера, за которой могло бы последовать фашистское вторжение. Но он опоздал, о чем Эттелю с огорчением поведал сам шах.

Советская группировка заняла северные провинции Ирана, английская — юго-западные. 17 сентября войска вошли в Тегеран. Призывов шаха к вооруженному сопротивлению не услышал никто. В СССР из произошедшего делать большого события не собирались. Лишь ТАСС без всяких подробностей известил, что «17 сентября советские войска вступили в Тегеран». Потом, уже в конце 1942 года, в двух иранских портах разместился еще и незначительный контингент американцев.

Сопротивления иранцы фактически не оказывали. Так, было лишь несколько незначительных стычек с фанатичными приверженцами шаха. Англичане потеряли 22 человека убитыми, о советских потерях не сообщалось, хотя и здесь, по неофициальным данным, они были. Но столь незначительные, что можно констатировать: крупная войсковая операция прошла практически бескровно. После вступления в Иран советских и английских войск положение было взято под тотальный контроль союзников.

Согласно заключенному соглашению дипломатов Германии, Италии и Японии выслали из страны, а члены

немецкой колонии должны были быть переданы союзникам.

Реза-шах собирался отправиться в Индию, чему воспротивились англичане, и ему пришлось обосноваться на острове Маврикий. Затем — перебраться в Южную Африку. Что ж, изгнание — удел многих диктаторов, и для большинства из них это наилучший вариант. Смещенный с престола иранский диктатор скончался в Йоганнесбурге в 1944 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

На престол вступил новый шах, Мохаммед Реза Пехлеви, которому суждено было пребывать у власти аж до февраля 1979 года. Сын был гораздо осторожнее в выборе политических друзей и союзников, однако впоследствии и он повторил судьбу отца: революция, бегство, изгнание. А затем — скорая кончина на чужбине.

Припоминаю, что иногда в Париже в конце 1980-х — начале 1990-х годов на дорожке трибуны теннисного стадиона «Роллан Гаррос» появлялась в сопровождении разодетой свиты пышная дама в огромнейшем шапо — вдова шаха. Видимо, с финансами у семьи сбежавшего монарха было всё в порядке.

И еще одно интересное, на мой взгляд, замечание. После исламской революции 1979 года статья 6-я Советско-иранского договора от 1921 года была в одностороннем порядке отменена новым режимом...

Вступивший на престол в сентябре 1941 года молодой шах Мохаммед Реза Пехлеви был вынужден проводить политику более гибкую, отношения между Ираном и союзническими державами налаживались. Теперь уже сомнений в том, что советско-иранская граница на замке, не возникало — никаких серьезных возможностей для высадки немцев поблизости от наших территорий не было.

Гитлеровская разведка прозевала подготовку крупной войсковой операции союзников. Никаких мер для недопущения ввода в Иран советских и английских войск принято не было. Наверняка тут сыграла свою роль и самонадеянность фашистов. Слишком уж уверовали они в свою победу, пройдя по Европе эдакой легкой поступью.

Но всё же гитлеровская разведка сумела сохранить в стране свою мощную агентуру. Не зря в советской ноте указывалось: «Германские агенты самым грубым и беззастенчивым образом превратили территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на Советский Союз. Это требует от Советского правительства немедленного проведения в жизнь всех тех мероприятий, которое оно не только вправе, но и обязано предпринять в целях самозащиты».

Однако борьба разведок на территории древней Персии продолжалась до самого окончания войны. В ней участвовала и группа «Легкой кавалерии», возглавляемая героем нашей книги Геворком Вартаняном.

Немцы сопротивлялись упорно. Кто именно? Всё в той же августовской ноте 1941-го появился список, в котором прямым текстом назвали фамилии шпионов — и немецких, и их местных агентов. Затем еще этот список был пополнен. Любопытные в нем попадались имена: Шульц (или Шульце-Хольтус), Гамотта, Майер...

* * *

Рассекречено

Привожу документы, впервые предоставленные для этой книги Службой внешней разведки России. Из многостраничного, напечатанного мелким шрифтом списка, составленного разведкой, я выбрал лишь

десяток немецких шпионов и их иранских агентов. Я не правил и не вносил поправок в написание имен, фамилий и в своеобразные формулировки.

А так как большинство «серьезных» агентов крутится вокруг трех имен — Гамотты, Шульце и Майера, то с них и начну.

«**Майер Франц**, немец.

Родился в Баварии. Настоящее имя — Рихард Август.

В сентябре 1939-го — феврале 1940 года работал в СССР под прикрытием сотрудника компании "Рейхсгрупп Индустрии". Уже в Берлине в своем докладе о потенциале СССР критиковал утверждение русской белой эмиграции о назревании антибольшевистского восстания, утверждая, что "для этого нет никаких предпосылок". Красную армию называл "сильной", экономику страны считал "на подъеме". С докладом были ознакомлены все нацистские министерства рейха и зарубежные миссии. У нацистских политиков доклад не вызвал доверия, дипломаты сочли его объективным.

В ноябре 1940 года прибыл в Иран вместе с Рамоном Гамотта под видом служащего "Нувель Иран Экспресс", где занимал официальную должность по импорту товаров из Германии в Иран.

Являлся главным представителем VI управления Главного управления имперской безопасности СС в Тегеране. По некоторым данным — штурмбаннфюрер СС. К моменту приезда в Иран — 37 лет.

Затем был послан со спецзаданием в Ирак: должен был склонить правительство Ирака возобновить дипломатические отношения с Германией и организовать снабжение иракской нефтью на особо выгодных условиях.

После этого бывал в Иране. В советской ноте иранскому правительству в августе 1941 года упоминался как агент. Бежал 15 сентября 1941 года и не был обнаружен.

Точных инструкций ни Майер, ни прибывший вместе с ним в Тегеран Гамотта Рамон от Берлина не получили. В сентябре 1941 года после неожиданного для немцев ввода советских войск остался без связи с Берлином. Скрывался, по некоторым данным, три месяца на тегеранском кладбище под видом могильщика. Выкрасил волосы хной.

Умело уходил от наружки, менял внешность. Появлялся в городе в форме офицера иранской армии. Много общался с теми местными жителями, кто симпатизировал фашизму, чему способствовало хорошее знание языка фарси. В апреле — мае 1942 года появился в Тегеране, где нашел убежище у иранских сторонников. Развернул активную работу против СССР и Англии, опираясь и разжигая националистические движения. Установил радиосвязь с Берлином. Попытка стать единоличным руководителем всех операций, успешно оттеснив при этом представителей Абвера.

Участвовал в создании националистических организаций, партий, разрабатывал для них не только идеологические принципы, но и эмблему, похожую на свастику. Контролировал наличие оружия у иранских офицеров, готовых к совершению государственного переворота. Благодаря внедрению нашего агента "Хана" 167 иранских активистов были арестованы в 1943 году.

Словесный портрет Майера, объявленного в розыск, составлен тегеранской резидентурой: рост — высокий, лицо круглое, глаза голубые. Волосы длинные, зачесаны назад. От левого глаза до уха — шрам. Безымянный палец левой руки короткий, обрублен. На груди — след ожога. Вероятно следы ранения. Хорошо играет в местную игру нарды...

Арестован англичанами в 1943 году до начала Тегеранской конференции. Характеризуется ими как "молодой, энергичный, истеричный, отважный человек.

Типичный эсэсовец. Фанатик национал-социализма, считающий себя сверхчеловеком"».

* * *

От автора:

Тут вставлю признание, сделанное мне однажды Геворком Андреевичем Вартаняном:

— Мы две недели водили Майера. Искали и нашли. Но... Англичане вывели его уже в наручниках. Вот вы спрашиваете о неудачах. Тогда у нас в глазах прямо слезы стояли. Есть информация, что британцы не стали держать Майера в Иране. Переправили в Индию. Далее о его судьбе ничего не известно. Возможно, использовался СИС в своих целях...

«Гамотта Рамон, австриец, офицер СД.

Приехал в Вену, где сделался руководящим австрийским нацистом и диверсантом. Был арестован австрийской полицией, но бежал в Германию. Полагают, что во время польской кампании (Гитлера. — Н. Д.) служил в восточно-прусской дивизии, после чего был переведен во Францию. Прибыл в Иран 8 ноября 1940 года с Францем Майером. Поступил на работу в компанию "Иран-экспресс". Как говорят, эта фирма служила ширмой. Компаньоном стал Майер. Гамотта — один из активных агентов. Знал русский язык. Попытался посеять смуту среди южных племен.

Имел связи с русскими белогвардейцами в Иране, которым передавал инструкции генерала Витковского из Парижа. Несомненно, замешан в шпионской работе в Азербайджане и на Кавказе. Его имя упомянуто в ноте советского правительства иранскому правительству от 25 августа 1941 года. О нем упоминается, как о главе германской шпионской организации в Иране.

Бежал из Ирана и был принят на борт японского судна "Хиемару". Но когда корабль обыскали в Рангуне, на борту его уже не было.

В мае 1942 года прошел слух, будто его снова видели в Тегеране. 12 июня, по непроверенным данным, Гамотта выступал по радио из Берлина.

Гамотту знал Гиммлер, писавший о нем Гитлеру: "Хотя враги назначили большую цену за голову Гамотты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран".

Должен был принять активное участие в операции "Длинный прыжок". В августе 1943 года приземлился на парашюте близ Тегерана. Установил связь с Майером, вместе с которым начал подготовку к покушению на "Большую тройку". Координировал деятельность второй группы сброшенных им на подмогу диверсантов, подготовленных Отто Скорцени.

Гамотте удалось бежать из Ирана. Скрывался в Австрии, где и был арестован уже после войны.

Рост — 165 сантиметров, глаза голубые, шатен, приятной наружности. Возраст — около 40 лет.

Шульц или Шульце-Хольтус Бертольд.

45 лет, офицер в чине майора Абвера, урож. и житель Берлина.

Работал в краковском отделе гестапо. Выдержанный, замкнутый, привязан к семье. Фашист. Владеет русским языком, которому выучился, находясь в плену в России. Специалист по СССР. Один из руководителей германской шпионской сети.

Прибыл в Иран в начале 1941 года под именем Бруно Шульце. Представлялся экспертом по вопросам религии. Через несколько месяцев работал под прикрытием генерального консульства Германии в Тавризе. После вступления союзных войск в Иран скрылся в посольстве Швеции. Затем бежал оттуда, действовал в подполье. Обосновался в кашкайских племенах, вожди которых

выступали против центрального правительства. Шульце-Хольтус умело раздувал неприязнь между племенами и Тегераном. Разделил сферы влияния с Майером. Эсэсовец ограничил абверовца в принятии важных решений. Тем не менее получал помощь от тогда еще не закрытого посольства Японии в Тегеране: ему были переданы пять радиостанций, и Шульце-Хольтус установил связь с Берлином».

* * *

От автора:

По некоторым сведениям, Шульце-Хольтус настолько хорошо знал язык, обычаи, религию, что даже «преобразился» в муллу и читал по Джамэ — на фарси, по пятницам, молитвы в Исфагане. И здесь фашист весьма напоминает современных представителей религиозных экстремистов. Он якобы призывал к джихаду, звал народ к восстанию, изгнанию неверных — то есть русских и англичан из Ирана. (Всё же мне, прожившему в Персии несколько лет, в подобное стопроцентное перевоплощение не верится. Европейцу просто невозможно настолько глубоко проникнуть в тонкости ислама. Знаю немало иранистов, блестяще владеющих фарси. Но и их «раскусить», понять, что язык пусть и хороший, но всё равно выученный, труда не составит не то что для контрразведчика, но и для любого иранца. А уж что-то написать — вообще мука, дающаяся европейцам с трудом. — И. Д.)

Трения между ведомствами Канариса (абвер — военная разведка и контрразведка) и Шелленберга (VI Управление РСХА — внешняя разведка) осложнили деятельность двух направлений фашистской разведки. Личные отношения двух оставшихся в Иране руководителей этих служб не сложились, обоюдная

неприятель превращалась в непримиримое соперничество.

Шульце-Хольтус действовал под видом муллы. Отрастил бороду, покрасил ее хной (типичный прием для немецких диверсантов) и под таким прикрытием обосновался в кашкайском племени вождя Насыр-Хана. Попытка устроить диверсии на иранском юге. В расположение племени были сброшены парашютисты под командованием оберштурмфюрера СС Мартина Курмиса, уничтожившего еврейское гетто в Каунасе. В 1944 году Насыр-Хан, спасая собственную жизнь, выдал обоим немцев английским союзникам. Курмис покончил с собой, а майор Шульце-Хольтус предстал перед судом. Отбыв срок, взялся за воспоминания. Издано несколько его книг.

«Гастерфельд Отто, немец.

Активный член нацистской партии. В октябре 1941 г. стал сотрудником организации Гамотты — Майера. По сообщениям агентуры является человеком тупым и неловким.

Каарден, немец.

...Является агентом пропаганды и сотрудником гестапо. Связан с Гамоттой — Майером.

Хегедус Юлиана, она же мисс Люси, венгерка, 1917 г.р.

Артистка кабаре. Живет под именем мисс Люси. Считалась, что она — еврейка, но в действительности является христианкой. В течение нескольких лет работала на врага. Завербована в Стамбуле агентом Фридрихом Крафтом. В октябре 1941 г. работала по доставке писем немцам.

Ферза — полковник, иранец.

Офицер полицейского штаба в Тегеране. Находился в тесной связи с германской миссией, которую он посещал ночью.

Хегази, доктор, иранец.

Доктор гигиенической службы в муниципалитете Тегерана. Родственник по браку бывшей королеве (так в оригинале. — Н. Д.) Персии. По сообщениям от июля 1942 г. скрывал двух немцев в своем доме.

Ноджюа Шимемото, японец.

В августе 1940 г. прибыл в Тавриз якобы с целью изучения персидского языка, хотя половина населения этого города не говорит по-персидски. Завязал связи с кавказцами и был сильно заподозрен в шпионаже».

Список из людей разных стран и народов огромный, а руководителей, делают выводы чекисты, двое:

«Главнейшими германскими агентами в Иране несомненно являются Рамон Гамотта и Франц Майер. Оба они успели удрать во время оккупации. Был слух, что Майер был в Тегеране в апреле и мае 1942 г. Гамотта вел переговоры относительно возможности поднять восстание среди южных племен.

* * *

...Стало известно, что в Тегеране имеется радиопередатчик, который находится в постоянной связи со станцией на юго-западе. Полагают, что немцы применяют также другой радиопередатчик, установленный на землечерпалке в Каспийском море. В апреле 1940 г. посол и офицер СС Эттель имел радиопередатчик, установленный на пароходе. Передатчик служил для связи между пароходом и германской миссией. Сначала передатчик работал мало, однако когда поднялось восстание племен, он начал работать по 24 часа в сутки, и для работы на нем появился второй офицер Бушман, квалифицированный радист, позднее захваченный англичанами. Он следил за всеми перемещениями британских судов. На этой работе

он сумел расшифровать коды, применяемые британскими коммерческими судами.

Бушман признался англичанам, что некий Кропф, старый немецкий резидент в Иране, ездил в марте и в апреле 1941 г. в Тегеран, откуда вернулся с грузом динамита. Должны были быть взорваны 5 кораблей. Из-за порчи груза диверсия не удалась.

Со временем союзникам стало известно о большом количестве нелегальных радиоустановок.

Можно с уверенностью сказать, что значительное число германских агентов, оставшихся в Иране после союзной оккупации, скрывалось иранцами часто с помощью полиции.

Двое из таких агентов Фридрих Кюммель и Эрвин Вейсрок попали в руки британских властей в Тегеране 20 июля 1942 г. Кюммель, который был членом партии с 1930 г. и прошел курс саботажа в 1935 г., работал с 3-м немцем по имени Шульц, который все еще скрывается, вероятно, в Тегеране.

Отчеты разведки от сентября 1942 г. показывают, что еще значительное количество немцев продолжает скрываться в горных деревушках северо-западнее Тегерана. Эти деревушки связаны между собой горными тропинками и в определенных пунктах на них выставляются постоянные посты наблюдателей "на стреме". Получено также сообщение, правда, еще непроверенное, о существовании 6 радиопередатчиков. Имеется много доказательств широкой разветвленной системы германской разведки в Иране и о плане, в котором участвуют некоторые видные иранцы, дружественного настроения к германской армии в случае ее прохода в Закавказье».

А вот еще один рассекреченный документ:

«Начальнику I Управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга тов. ФИТИНУ

1. Оперативный Отдел.... НКВД по агентурной разработке сообщает, что по характеристике фигуранта разработки "Майер — один из умнейших людей, которых я когда-либо встречал, и он мне сказал, что останется на своем посту до последнего дыхания. В момент подхода союзных войск к Тегерану Майер и три его помощника спрятались в одном из небольших коттеджей за Тегераном, арендованном германским посольством. Майер с помощниками должны и сейчас находиться в Иране для выполнения разведывательных заданий. Майер остался там по приказу германского посла Эттель. Был снабжен аппаратом для подслушивания. Портативным передатчиком и автоматическим оружием".

По словам источника, дом, в котором спрятан Майер со своими помощниками, специально оборудован. Там происходили всякого рода совещания, и его можно назвать явочной квартирой для людей, связанных по разведывательно-шпионской работе с германским посольством.

(Агдонесение "Рихард" от 4.XI. с.г.)».

Агентурное дело 2198 «Голубые». Том 1-й:

«В беседе с источником М. сообщил, что в Тегеране существует группа иранских офицеров, ведущих работу в пользу Германии, причем эта группа ставит своей целью оказание всяческой помощи Германии в ее борьбе против СССР и Англии. Направляют работу группы по заявлению М. резиденты германской разведки Шульц и Майер, проживающие в Тегеране нелегально... М. заявил, что группа ставит своей целью взрывы мостов, уничтожение подвижного состава, дальнейшее создание бандформирований и т. п.

...Мы имеем сигналы о существовании здесь нескольких офицерских организаций, ставящих своей задачей содействие немецким войскам при их приближении к Ирану и борьбу с союзническими

войсками в тылу для их изгнания из Ирана или истребления.

От ряда источников имеем сведения о том, что руководство фашистской пропагандой в Иране и всей деятельностью пятой колонны идет от тайного разведывательного органа, возглавляемого якобы Майером и майором Шульце, скрывающимися в Иране. Англичане также имеют сведения по Шульцу, находящемуся в Тегеране и возглавляющему работу фашистской организации... Цели — усиление диверсионной деятельности на внутренних коммуникациях Ирана, усиливающийся саботаж на ж. д., крушения на линиях, по которым доставляется снабжение для СССР. Это фашистская немецкая организация, имеющая свою агентуру на всех иранских железных дорогах».

Из справки по агентурной разработке «Путч» за октябрь 1942 года:

«<...> Голубая партия и организация "Черная Пуговица" находятся под руководством скрывающихся в Иране немецких разведчиков Майера и Шульца».

Из меморандума I, составленного по отделу «Паром»:
«Шульц скрывается у офицера иранской полиции, местожительство и имя которого неизвестно... Майер и Шульц поддерживают регулярную связь с Германией путем посылки курьеров через турецкую границу».

Выписка из справки, находящейся в агентурном деле 2198 «Голубые». Том 2-й:

«В середине 1941 года агентурными мероприятиями I Управления в Иране в контакте с англичанами была выявлена разветвленная фашистская организация под названием "Миллион-Иран", созданная германскими разведчиками в Иране Майером, Гамотта и Шульце. Организация ставила перед собой задачу подготовки восстания для изгнания войск союзников из Ирана и проведения террористических актов. Кроме того,

организация проводила по заданию германской разведки шпионскую и диверсионную работу.

Примерно за три месяца до нападения на Советский Союз в Тавризе на должности секретаря немецкого консульства работал видный немецкий разведчик Бертольд Шульц, который так же, как Майер и Гамотта, к моменту вступления советских войск в Иран оказался неподготовленным».

* * *

Сообщение в Государственный Комитет Обороны (агентурное дело 2198 «Голубые». Том 2-й):

«Нелегально оставшиеся в Иране германские разведчики Франц Майер и Бертольд Шульц создали подпольную фашистскую организацию "Миллион-Иран" и организовали в районе Исфагана восстание племен кашкайцев. Причем Майер был недавно установлен и арестован англичанами. А Шульц укрылся в резиденции вождя кашкайцев Насыр-Хана Кашкай, участие которого в немецком заговоре было доказано.

Майор Бертольд Шульц также имел переписку с Майером. Он скрывался у кашкайцев вместе с Константином Козановским.

Целью Шульца являлось создание на юге Персии государства в государстве, которое было бы под контролем Германии.

Документы показывают, что Шульц был непосредственно связан с германским верховным командованием (оберкомандо дер Вермахт).

Можно сделать вывод, что шульцевская идея об организации контролируемого немцами племенного государства в Персии с задачей заставить союзников держать там войска и нападении на установки

союзников была принята Верховным германским командованием».

А вот уже и первые шаги, имеющие отношение к «Длинному прыжку»:

«<...> Примерно в средних числах мая 1943 г. немецкое командование выбросило на самолете в Иран в 75 км южнее Тегерана группу парашютистов, состоящую из специалистов-диверсантов, часть которых направилась в расположение бахтиарского и кашкайского племен для работы под руководством Шульца, а часть осталась в Тегеране под руководством Майера...

Одновременно с высадкой парашютистов Шульц поднял восстание племен, угрожая захвату Исфагана.

В результате восстания иранская армия понесла значительные потери в сражениях при Семируне и Фирузабаже, занятых кашкайцами».

Ясно, что сражение германской разведки с разведками союзнических держав продолжалось беспрестанно. Подготовленная фашистами операция «Длинный прыжок» превратилась в пик этой непрекращающейся битвы.

Теперь мы знаем, кто противостоял нам на той, немецкой, стороне. Пришло время рассказать и о наших чекистах, сотрудниках советской внешней разведки.

Глава 2.

ТЕГЕРАН-43 — ТОЛЬКО ПРАВДА

Для широкой публики Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян и его жена, кавалер ордена Красного Знамени Гоар Левоновна, известны лишь благодаря подвигам, совершенным в 1943 году в Тегеране.

В этой книге мы, с разрешения Геворка Андреевича и Гоар Левоновны, подробно рассказываем не только о тегеранском периоде, но и о дальнейшей жизни нелегалов.

Из досье:

«Геворк Андреевич и Гоар Левоновна Вартаняны — семейная пара нелегалов, считающаяся самой результативной в истории современной разведки. Во многом благодаря им в 1943 году в Тегеране удалось предотвратить покушение на Сталина, Рузвельта и Черчилля. А потом несколько десятилетий нелегальной работы по всему миру, присвоение в 1984-м звания Героя и только через два года, в 1986-м, возвращение на Родину. Затем — работа с молодым поколением учеников и последователей; разъезды по всей стране, где они рассказывали товарищам по оружию о самой почетной в разведке профессии — о нелегалах».

* * *

По масштабам совершенного Вартаняна можно считать в числе первых двух-трех наших самых выдающихся разведчиков. Вот лишь некоторые странички фантастической, длившейся десятилетиями карьеры нелегалов.

Начнем хотя бы с того, что во многом именно благодаря Геворку и его группе, именованной «Легкой кавалерией», удалось предотвратить покушение на Сталина, Черчилля и Рузвельта во время Тегеранской конференции 1943 года.

...Мы познакомились в 2000-м. Сколько же тогда было лет Вартаняну? А его жене? Да простит меня супружеская пара, но к дому в районе проспекта Мира приближался с чувством трепетным. Как бы не разволновать людей, наверняка весьма и весьма почтенного возраста, да еще и непривычных к журналистским расспросам. И сразу — приятный сюрприз. Красивая, моложавая женщина в модном платье, на высоких каблуках:

— Здравствуйте, я — Гоар Леоновна.

Высокий, с бесшумными, мягкими движениями хозяин по-европейски элегантен:

— Вартанян Геворк Андреевич, — и рукопожатие молодое, крепкое.

Итак, разрешено поведать о Тегеране. Неужели немецкая разведка действительно пыталась уничтожить в 1943 году «Большую тройку»? Ведь еще в конце августа 1941-го в Иран вошли с севера наши войска, с юга — английские. Реза-шах обещанного нейтралитета не соблюдал, всю помогал Гитлеру. Вот и пришлось.

— В то время в Иране находилось около двадцати тысяч немцев, — с едва заметными, однако всё же пробивающимися восточными интонациями объясняет Вартанян. — Военные инструкторы, разведчики под видом всяких торговцев, бизнесменов, инженеров.

— Геворк Андреевич, сколько вам было в 1943-м?

— Девятнадцать.

— Выглядите вы гораздо моложе своих лет.

— Это, наверное, профессия заставляет держаться. Ведь я сознательно и обдуманно в шестнадцать лет начал работать на советскую разведку. Мне присвоили

имя Амир. Под ним и работал в Иране до 1951-го. Да, с февраля 1940-го всё и пошло...

Борьба за место встречи

В ноябре 2013-го грянул юбилей. Со времени Тегеранской конференции 1943 года прошло 70 годков. Так что уже подзабыто то, почему встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля, руководителей трех союзных государств антигитлеровской коалиции, состоялась именно в иранской столице и что именно на ней обсуждалось.

Осень 1943-го — примечательное время во всемирной истории. После Сталинградской битвы стало понятно: в войне наступил явный перелом. Стратегическая инициатива перешла к союзникам, и лидеры ведущих стран — СССР, США и Великобритании — не могли не задуматься, как скорее покончить с гитлеровской Германией, какие усилия для этого следует предпринять, и даже о том, каким будет мир после Второй мировой.

Сталина больше всего беспокоило затягивание с открытием второго фронта. Американцы стремились к разгрому Японии, с которой СССР формально не воевал, и желали добиться от Советского Союза гарантий об объявлении войны Стране восходящего солнца, в обмен на обещание наконец-то открыть второй фронт. Уинстон Черчилль, хитрый старый лис, ни в коем случае не хотел допустить усиления роли Советского Союза на Балканах и в Восточной, а то, глядишь, и в Западной Европе.

Так что и политическая необходимость встречи была совершенно очевидна. Переписка между лидерами «Большой тройки» велась долго. Договориться было непросто. Президент Франклин Рузвельт, уже прикованный болезнью к коляске, не слишком стремился удаляться далеко от дома, ссылаясь на американскую

конституцию, рекомендующую президенту не отлучаться из Соединенных Штатов на длительный срок. Иосиф Виссарионович Сталин, вообще не любивший путешествий по незнакомым местам, к тому же предпочитал не удаляться от границ своей воюющей державы. Черчилль, понимая, что из-за боевых действий, разворачивавшихся в небесах, на море и даже под водой, пригласить американцев и русских на свой остров невозможно, был вроде бы не против их грядущего совместного выбора — но вот только какого?

Необходимость встречи руководителей трех союзных держав сомнений у них самих не вызывала. Еще 5 мая 1943 года президент Рузвельт предложил Верховному главнокомандующему Сталину увидеться и обсудить важнейшие события «на совершенно простой встрече». Он снова возвратился к этой идее после совещания с премьер-министром Черчиллем, прошедшего в августе того же года в канадском Квебеке.

Но у каждого тут были свои интересы. Иосиф Виссарионович, справедливо считавший, что основные тяготы войны пали на СССР, предлагал встречу на просторах нашей бескрайней родины. Рассматривались два варианта, оба — безопасные. Или северный, когда вожди собрались бы в Архангельске, или южный — Астрахань. Благодаря сообщениям информированной советской разведки Сталин был уверен, что он и сможет добиться от союзников точной даты открытия второго фронта, и сумеет обговорить с ними послевоенное устройство Европы.

Рузвельт предложил провести конференцию на Аляске. В процессе переговоров возникли еще два новых варианта — Каир или Багдад.

Остановились на Тегеране, когда к Сталину и Черчиллю, преодолев определенные сомнения, прислушался и Рузвельт, очень желавший встречаться на Американском континенте. Формально иранская

столица была не так и далеко от советской границы. Здорово помогло и то, что союзнические войска трех стран фактически оккупировали Иран согласно статье 6-й договора 1921 года.

Конечно, всем троим лидерам было известно, что в Тегеране не совсем спокойно, но в принципе город был под контролем. Все мало-мальски важные пункты — не только военные объекты — находились под охраной. Наш 182-й горнострелковый полк хорошо здесь освоился, вполне приспособился к сложной обстановке.

Не было для «Большой тройки» секретом и другое: в иранской столице прочно обосновались представители двух разведок — советской и британской. Между ними было налажено достаточно эффективное взаимодействие, так что никаких неожиданностей было быть не должно.

Значит, решили: Тегеран.

Почему не получилось «Длинного прыжка»?

В истории мировых спецслужб ничего подобного не бывало, а благодаря относительному мировому политическому потеплению вряд ли уже и будет. Гитлер одним махом намеревался покончить сразу со всеми лидерами «Большой тройки» — руководителями ведущих мировых держав. Свою операцию по физическому устранению глав трех государств гитлеровцы называли «Длинным прыжком». Об этом неудавшемся «Прыжке», как и об успешной Тегеранской конференции, написаны многие десятки книг на самых разных языках.

В нашей книге о деталях готовившегося покушения и, главное, о том, как удалось его предотвратить, рассказывает сам Геворк Андреевич Вартамян — один из активнейших участников тех далеких событий, что разворачивались вокруг знаменитой конференции:

— Считается, что первую весть о готовящемся теракте передал из партизанского отряда — точнее, отряда специального назначения НКВД, базировавшегося в лесах под городом Ровно, разведчик Николай Кузнецов. Познакомившись в Ровно со штурмбаннфюрером СС Ульрихом фон Ортелем, Кузнецов — он же обер-лейтенант Пауль Зиберт — расположил к себе эсэсовца привычными приемами. Приглашения в офицерский ресторан, совсем не банальные в военное время подношения подарков в виде французского коньяка... А когда у Ортеля возникли финансовые затруднения, его «друг» Зиберт как бы невзначай пришел на помощь. Одолжил денег, не торопился с их возвратом, чем окончательно купил фон Ортеля... В знак благодарности штурмбаннфюрер предлагает советскому разведчику бросить свою тыловую часть. Мол, к чему боевому офицеру Зиберту тратить время на все эти закупки продовольствия и снабжать каких-то тыловиков, когда есть шанс попробовать себя на службе в СС? А уж он-то, Ортель, обещает всяческую поддержку.

Конечно, рассказывал Геворк Андреевич, попасть в СС для Кузнецова было неосуществимо, первая же серьезная проверка закончилась бы его провалом. В СС «копали» глубоко, добираясь — это на полном серьезе! — до корней прадедушек и прабабушек. Смотрели, нет ли еврейских корней, проверяли на лояльность ближних и дальних родственников. Да уже одно медицинское обследование сразу же привело бы к разоблачению: на теле у Николая Ивановича не было никаких следов тех тяжелых ранений, которые значились в его подлинной офицерской книжке, найденной советской разведкой при убийстве Зиберта. Судя по фотографии, немецкий офицер был поразительно похож на Кузнецова (или Кузнецов на него?), а потому разведчик и сумел «присвоить» себе его подлинную биографию. Именно

поэтому на все приглашения искупаться в реке или пойти вместе с компанией в баню мнимый Зиберт неизменно отвечал отказом. Однако разведчик не отклонял напрямую предложений эсэсовца, выжидал — знакомство-то было многообещающее.

И действительно. Как-то раз, слегка размякнув после отличного коньяка, Ортель прямо в ресторане возвратился к всё той же теме. Он торжественно заявил, что готов представить обер-лейтенанта своему коллеге, Отто Скорцени. Ну что дает боевому офицеру Паулю Зиберту, уже, на взгляд Ортеля, полностью поправившемуся после ранения, затянувшееся сидение в глубоком тылу? Надо торопиться, ведь вскоре самому Ортелю предстоит участвовать с оберштурмбаннфюрером СС Скорцени в операции, которая ни больше ни меньше как может изменить весь ход войны. Но сначала Ортель должен отправиться в Копенгаген, где он возглавит специальную школу, в которой готовятся диверсанты...

Зиберт высказывает и заинтересованность, и осторожные сомнения в реальности подобных планов, что только раззадоривает напичканного информацией собеседника. Эсэсовец утверждает: после подготовки в Дании — Тегеран. А уже там...

Скорцени на горизонте

Спасибо Геворку Андреевичу за повествование! Вот так, по крохам, и собирается разведывательная информация, спасающая жизни. И не только «Большой тройки». Возможно — десятков и даже сотен тысяч людей.

Кузнецову так и не удалось тогда выполнить свою главную задачу: ликвидировать немецкого палача рейхскомиссара Украины Эрика Коха. Мерзавца охраняли так, что и попав к нему на аудиенцию — по

легенде обер-лейтенант Зиберт должен был испросить у того разрешение на женитьбу с «фольксдойче», в роли которой выступала подпольщица Валентина Довгер, — Кузнецов не имел ни малейшего шанса даже дотянуться до своего пистолета. Дав высочайшее добро на брак, обергруппенфюрер при этом недовольно бросил офицеру: «Хватит крутить тыловые романы с девчонками. Возвращайтесь в свою часть, обер-лейтенант, и поскорее. Она находится на участке фронта, где в ближайшее время начнется сражение, которое и решит судьбу Германии, где Советы будут разбиты!»

Вернувшись в отряд, Кузнецов слово в слово передал командиру Дмитрию Медведеву «пожелание» Коха. Моментально об этом было сообщено в Москву. Там информацию восприняли с огромнейшим вниманием. Часть, где воевал убитый еще в давних боях под Москвой Зиберт, находилась в районе так называемого Курского выступа — или Курской дуги — то есть там, где войска двух советских фронтов, Центрального и Воронежского, глубоко вклинились в немецкую оборону. Названия населенных пунктов, расположенных в районе этого выступа, значились в сообщениях еще нескольких заслуживающих доверия источников — как пункты возможного наступления вермахта. Начались передислокация сил, подготовка к битве, переломившей ход войны. Сколько наших солдат спасли Кузнецов и другие разведчики?

Однако вряд ли фон Ортель рассказывал своему другу Зиберту об операции под кодовым названием «Дуб», участником которой был отряд Отто Скорцени в Италии. Мы же, спустя десятилетия, признаем, что операция, проведенная «Человеком со шрамом», была исключительно успешна.

В 1943-м Италия намеревалась выйти из союза с Германией. Итальянский дуче Бенито Муссолини попал

тогда в руки партизан. Новый итальянский премьер маршал Петр Бадольо готовился вступить в переговоры с американцами и англичанами. Он приказал наглухо изолировать Муссолини, и того под плотной охраной поместили в отель «Кампо Императоре» — в горах возле городка Аbruццо. Проникнуть в этот отель было практически невозможно: туда из низины вела одна только подвесная дорога, все подступы к которой надежно охранялись. Но Гитлер обратился к Отто Скорцени...

«Человек со шрамом», мирно скончавшийся в Мадриде, в своей постели, 5 июля 1975 года, остается одним из наиболее удачливых и зловещих диверсантов новейшей истории. Везде и всегда он действовал дерзко, решительно и абсолютно безжалостно. Его не смущали высокие титулы намеченных жертв. В 1934-м люди Скорцени убили австрийского канцлера Дольфуса. После этого началось присоединение Австрии к Германии — так называемый «аншлюс», и Скорцени арестовывает президента страны Миклоша и канцлера Шушнига. Потом он жестоко расправляется с мирными жителями на Балканах, затем безжалостно уничтожает тысячи людей на временно оккупированных советских территориях.

Вокруг него формируется набравшийся кровавого опыта отряд убийц-головорезов. Главарю Службы безопасности, СД, Эрнсту Кальтенбруннеру было известно отношение фюрера к своему любимцу. Наверное, именно поэтому Кальтенбруннер поспешил назначить Скорцени руководителем всех эсэсовских диверсантов... И вот теперь Гитлер поручает ему выкрасть арестованного Муссолини. Это поможет затянуть выход Италии из войны. К тому же фюрер еще надеется, что преданный ему дуче сможет возглавить войска, действующие на севере итальянского «сапожка».

Скорцени принял единственно верное, пожалуй, решение. Вместе со 106 диверсантами, большинство из которых, кстати, были не эсэсовцами, а относились к люфтваффе, то есть военно-воздушным силам, он атаковал «Кампо Императоре» не снизу, а с воздуха. Специально сконструированные планеры приземлились 12 сентября 1943 года у горного отеля в массиве Гран-Сассо. Охрана не ожидала такой атаки. Скорцени и его люди выкрали Муссолини, доставив самолетом «Физелер Шторх» на территорию Третьего рейха.

Тут же Скорцени получил звание оберштурмбаннфюрера СС и Рыцарский крест в дополнение к уже имевшемуся у него кресту Железному. Рейхсфюрер СС Гиммлер назвал акцию Скорцени «кавалерийским рейдом наших эсэсовцев», забыв об истинных участниках рейда из люфтваффе...

Даже потом, когда «Длинный прыжок» не удался, Скорцени не отказался от идеи террористических актов и покушений. Он не мелочился, охотился за крупными фигурами. Так, в 1944 году его диверсанты, переодетые в американскую форму, пытались захватить генерала Эйзенхауэра — будущего президента США.

А после того как Скорцени похитил Бенито Муссолини, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, выступая в палате общин, быть может и невольно, в двух конкретных фразах очень высоко оценил операцию: «Она была проведена дерзко и энергично. Налет со всей определенностью доказывает, что в современной войне открывается множество возможностей для подобного рода действий».

Конечно же Черчилль и не догадывался, что следующей жертвой по планам гитлеровцев должен был стать он сам. Немецкая разведка узнала о встрече лидеров «Большой тройки» в Тегеране. Операцию «Weitsprung» (дословно «Прыжок в длину», хотя у нас ее обычно называют «Длинный прыжок») готовил Вальтер

Шелленберг. Разведка СД собиралась покончить с «Большой тройкой» одним ударом. Гитлер поручил Скорцени отправиться в Иран.

Фон Ортель был в курсе некоторых деталей подготовки диверсионного отряда. Действительно, самолично отобранные Скорцени террористы готовились в Копенгагене, в специальной школе. И, как проговорился Ортель, несколько групп должны были сбросить на парашютах на территорию Ирана, куда в конце ноября придут Сталин, Рузвельт и Черчилль. Руководителей СССР и Великобритании предполагалось уничтожить, а президента США — похитить. Операция, как мы сказали, получила название «Длинный прыжок» — в отличие от прыжка в Аbruццо, относительно короткого, благодаря которому освободили Муссолини.

Участником «Длинного прыжка» стал и фон Ортель. А поняв, что поездка Зиберта в Тегеран нереальна, он пообещал отдать долг обер-лейтенанту персидскими коврами.

И Кузнецов тогда моментально изменил свой планы. Вместо того чтобы еще на несколько дней остаться в Ровно, он вернулся в отряд Медведева, где сразу же составил подробнейшее донесение. В нем сообщалось о планах уничтожения «Большой тройки» диверсантами Скорцени, а также давался точный словесный портрет фон Ортеля. Любимая радистка Кузнецова испанка Африка де Лас Эрас, будущий полковник-нелегал советской внешней разведки, отойдя от партизанского лагеря на положенный в таких случаях десяток километров, отправила радиограмму в Центр.

Кстати, впоследствии с Африкой де Лас Эрас довелось поработать многим великим советским разведчикам-нелегалам, в том числе и легендарному Рудольфу Абелю — Вильяму Фишеру. Сколько же в разведке всего взаимосвязанного!

Зиберт — Кузнецов был не единственным, кто передал в Москву о готовящемся покушении. На Лубянке к похожим сообщениям нескольких надежных источников, в числе которых были и члены так называемой Кембриджской пятерки, отнеслись серьезно. При этом чекисты задались вопросом: что, если у фашистов есть еще и другие планы уничтожения руководителей трех союзных держав?

В то же время сегодня версия о сообщении Николая Кузнецова подвергается сомнению в книгах некоторых исследователей, в том числе, в прошлом, профессиональных разведчиков в немалых чинах. Возникает и другой вопрос — о роли Скорцени.

Лет через двадцать после окончания войны Отто Скорцени и сам признавал, что собирался уничтожить «Большую тройку», причем Рузвельта надо было выкрасть. Правда, при этом оберштурмбаннфюрер всячески отрекся от собственного своего участия в операции, говоря, что она только планировалась, но, мол, дальше туманных перспектив дело не пошло. Это почему-то дает основания некоторым историкам отрицать участие главного диверсанта Третьего рейха в «Длинном прыжке».

Генерал-лейтенант СВР Вадим Алексеевич Кирпиченко, с которым мне довелось не раз встречаться, был абсолютно уверен, что «Человек со шрамом» в операции участвовал. Да и сам Скорцени все-таки подтвердил это в своем интервью, данном в 1966 году. В августе 1943 года его небольшой диверсионный отряд парашютистов был сброшен в Кум. От этого города мечетей не так далеко и до Тегерана, куда и добрался Скорцени. Он осмотрел возможные объекты нападения, обратив внимание на удаленность посольства США от английского и советского. Может, именно поэтому и было решено похитить американского президента Рузвельта? Скорцени прокладывал маршруты движения

групп немецких парашютистов, искал точки возможного проникновения своих головорезов в посольства союзных государств.

Чуть позже в Иран отправился и уже упоминавшийся в этой книге Рамон Гамотта. В августе 1943 года его тоже сбросили на парашюте близ Тегерана. Гамотта тогда возглавлял небольшой отряд диверсантов-эсэсовцев, среди которых был Ульрих фон Ортель, чье присутствие в Иране осенью 1943-го подтверждено документально. Все группы постепенно стягивались к Тегерану.

Почему же тогда долгое время участие Скорцени и фон Ортеля в «Длинном прыжке» подвергалось сомнению? Во-первых, лишь в 2000 году было разрешено подробно поведать о роли советских спецслужб в срыве той операции. Даже фамилия Вартаняна тогда впервые появилась в печати — в моей статье о Тегеранской конференции. Во-вторых, Скорцени, видно забыв о своем признании 1966 года, стал открещиваться в мемуарах от участия в «Длинном прыжке».

Ложь! После того как Скорцени побывал в Иране, что он признает в своей книге «Неизвестная война», фюрер вызывает его в Ставку. Информация конкретна: Рузвельт, Черчилль и Сталин соберутся в Тегеране на три-четыре дня в конце ноября.

Уже потом Скорцени предположил, что это сообщение поступило от агента «Цицерона», он же камердинер английского посла в Стамбуле, некоего Базна. Автор идеи уничтожения «Тройки» — Вальтер Шелленберг.

Скорцени переходит непосредственно к делу. Его агент в Иране, до сих пор остающийся неизвестным капитан абвера, сообщает выясненные им некоторые подробности грядущей встречи. Намечаются планы. Готовятся десантники, изучается местность.

Во всем этом чувствуется твердая рука Отто Скорцени. Вадим Алексеевич Кирпиченко подтверждает, что оберштурмбаннфюрер получил от Гитлера задание уничтожить «Большую тройку». Однако советская разведка сорвала планы Скорцени и, по выражению генерал-лейтенанта, «на дальних подступах». А разве такой человек, как Скорцени, сознается, что был начисто обыгран еще в самом дебюте? Уже само его проникновение в Тегеран оказалось попросту бесполезным. Проведенная главарем диверсантов стратегическая разведка сумела определить объекты возможного нападения — посольства трех союзных стран. В них, как правильно предположил Скорцени, и должны были развиваться главные события. Однако сброшенные вслед за своим главарем диверсионные группы до них не добрались, а сам он предпочел под разными предлогами уклониться от операции, явно не сулившей успеха. Чего же удивляться, что в своих неоднократно изданных-переизданных мемуарах главный диверсант рейха всячески открещивается от «Длинного прыжка». Сознаться в провале операции, сорванной советской разведкой прямо в зародыше, совсем не в его духе.

Когда Гитлеру доложили о провале группы, он отказался от мысли вновь посылать в Иран своего любимца и главного участника предполагаемого «Длинного прыжка» Скорцени — того ждал явный провал. Операцию отменили, однако вполне естественно, что ни наша, ни английская разведки об этой отмене не знали. О том стало известно из захваченных документов только после войны. Поэтому союзники так опасались покушения. И совсем не зря!

Ведь даже когда немецкие диверсанты были арестованы, Скорцени не собирался сдаваться. Для уничтожения «Большой тройки» требовался летчик-смертник. И такой камикадзе в люфтваффе нашелся. Его

самолет, начиненный взрывчаткой, должен был подняться в воздух и, долетев до Тегерана, врезаться прямо в советское посольство. Но тут фашисты просто-напросто опоздали: пока командование подыскивало легкий самолет, пока перебрасывали его и летчика поближе к Ирану, четырехдневная конференция закончилась.

Существует также версия, что фашисты с помощью своих иранских агентов собирались совершить нападение на кортеж президента Рузвельта во время его переездов из американского посольства в наше и английское. Помимо одной основной засады на вероятном пути следования удалось организовать еще две — на всякий случай. Однако такой случай не мог представиться: Рузвельт, заранее предупрежденный Сталиным не об этой конкретной засаде, а вообще об опасности нападения, согласился — после понятных колебаний — остановиться в небольшом доме на обширной территории советского посольства.

Но Скорцени не забыл и о дне рождения Уинстона Черчилля. По идее, 30 ноября английский премьер должен пригласить Сталина и Рузвельта к себе, в английское посольство, на 69-летие. Немцы узнали даже о том, что диверсанты могут проникнуть туда через старинный водопровод...

О человеке, который отказался помогать гитлеровцам, рассказали мне иранские коллеги-журналисты. Русский священник православной церкви, кажется — так вспоминают мои знакомые — его звали отцом Михаилом, служил в ней чуть ли не с дореволюционных времен. Вот уж кого никак нельзя было отнести к сторонникам большевиков! В 1920-е годы он вообще предавал их анафеме. Но когда уже во время Второй мировой на святого отца вышли то ли немцы, то ли их агенты с просьбой помочь, отец Михаил

решительно отказался, отвергнув и предлагавшуюся ему солиднейшую мзду.

Далее, по версии иранцев, он через одного из своих прихожан, которого не без оснований подозревал в связях с советской разведкой, дал знать об этом представителям Советов. Каких-либо подтверждений описываемого мной сейчас эпизода найти не удалось. Однако такая вот легенда, скорее — версия о русском патриоте, передавалась из уст в уста и в начале 1970-х годов. Она была известна многим нашим соотечественникам, заходившим — нет, не помолиться, тогда на это могли посмотреть косо, а просто посмотреть на казавшееся музейным убранство православного тегеранского храма.

Зато версию проникновения к британцам через древний водопровод подтверждал в беседах со мной и Геворк Андреевич Вартамян.

Слово — Амиру

Амир — это первый оперативный псевдоним Геворка Вартамяна:

— Да, донесение о возможном покушении на «Большую тройку» пришло от Николая Кузнецова. В Москве здорово встревожились! Поэтому Тегеранская резидентура начала принимать все меры, работала с напряжением немислимым. Подключила и нашу группу. Мы очень активно взялись...

В Иран, в район Кумского озера, в конце лета 1943-го немцы сбросили Отто Скорцени с командой проверенных парашютистов-диверсантов. Доверили операцию лично любимцу Гитлера. Но Скорцени в дело вступить так и не дали. А вот шестерых радистов-парашютистов, которых немцы сбросили недалеко от Тегерана, поблизости от города Кум, обнаружили мы.

— Но Кум — городок небольшой, весь в мечетях. Женщины всегда в парандже. Я в тех краях бывал: на каждого европейца глядят с заведомым подозрением. Так что засветиться можно мгновенно.

— У фашистов там была могучая агентура. Существовало мощное прикрытие, советской разведкой еще не разгромленное. Но мы туда доступа не имели. А вот насчет европейцев... Приземлившись в районе Кума немцы переоделись в местные одежды. Перекрасились. Они хну в Иране всю использовали. Кто-то с перекрашенной бородой даже под муллу работал.

Так начался их «Длинный прыжок». Немцы на десяти верблюдах начали передвигаться к Тегерану, должны были встретиться там с Майером. Уже потом, из дневника их арестованного старшего радиста эсэсовца Рокстрока, всё это было установлено документально. Везли они с собой на тяжело навьюченных верблюдах рацию, оружие, снаряжение. Осторожничали, так что путь длиной километров в сто прошли за десять дней. Около Тегерана пересели на грузовик, набили его снаряжением и добрались-таки до города. Засели там на конспиративной вилле, прямо на одной из центральных улиц — Надери, недалеко от посольств СССР и Великобритании. Агентура им всё здорово подготовила.

— Эти шестеро и должны были убить Рузвельта и Сталина с Черчиллем?

— Нет. Задача той передовой группы радистов была установить контакт с Берлином. И затем, с помощью иранской агентуры, которую мы не добились, подготовить условия для высадки десанта террористов. Радиосвязь с Берлином они установили, но только попали в пленгацию. Так что нашей группе поставили конкретную цель найти в огромном Тегеране эту радиостанцию. Задание мы выполнили. Нашли.

— Именно ваша «Легкая кавалерия»?

— Да. Отыскали, где эта группа находится.

— Но как?

— День и ночь, по четырнадцать—шестнадцать часов, по улицам бегали. Я домой уходила, только когда совсем темнело, — решительно вступает в разговор Гоар Левоновна. — Холодно было, жарко, страшно — все равно искали.

— Гоар — молодец, — посмеивается Геворк Андреевич. — Такая была девочка с косичками, а смелая! И мы немцев-радистов нашли. Нам очень хотелось вместе с нашими бойцами пойти на штурм дома, где они скрывались. Но Иван Иванович Агаянц запретил категорически. Это тоже был для меня урок. Разведка заканчивается там, где начинается стрельба — так говорил мой учитель. Опытные люди, специально для этого подготовленные, взяли фашистов тихо, очень тихо. Так что потом они работали уже «под колпаком» нашей и английской разведок: передавали в Берлин сведения под чужую диктовку.

Но не стоит думать, что немцы — такие уж простаки. Кому-то из их радистов удалось передать в эфир условный знак: работаем под контролем. В Германии поняли, что операция началась с сокрушительной неудачи. Основную группу во главе со Скорцени посылать на верный провал немцы не решились. Так что никакого «Длинного прыжка» не получилось.

— Так все-таки был Скорцени в Тегеране?

— И под Кумом был, и в Тегеране дважды, но до того, раньше. Изучал обстановку, крутился около посольств Великобритании и СССР. Они рядом, в центре. И особенно около американского посольства, что гораздо подальше, в пустынном тогда месте.

— Правильно ли я понял, что наибольшему риску из-за этой отдаленности подвергался президент США?

— Конечно! Он должен был, как и полагается по протоколу, остановиться в своем посольстве. Но потом

согласился с предложением Сталина: безопаснее пожить в советском.

— Это предложение было сделано благодаря вашей группе?

— Я так думаю. Мы подсказали, что если террористический акт так или иначе готовится, то в американское посольство, которое охранять очень сложно, ехать никак нельзя. Сталин и наша разведка сумели в этом Рузвельта убедить.

— Еще несколько вопросов. Вы наверняка смотрели фильм «Тегеран-43» с Аленом Делоном в главной роли?

— Смотрели.

— Как там насчет правды жизни?

— Есть в картине правдивый момент: диверсанты собирались проникнуть в английское посольство через водопровод и совершить теракт как раз в день рождения Черчилля — 30 ноября. Действительно, через старинную систему каналов это было возможно. Остальное здорово накручено: Ален Делон, Париж, бандиты и красавицы...

— Иногда рассказывают, что в подсобном помещении одного из посольств обезвредили бомбу.

— Такого мы никогда не слышали! Честное слово! А вот то, что между посольствами СССР и Великобритании, которые находились совсем рядом, наши с англичанами проббили стенку, это правда. Натянули шестиметровое брезентовое полотно, устроили нечто вроде коридора. На всякий случай там занимали позиции их и наши автоматчики и пулеметчики: всем участникам Тегеранской конференции безопасность перехода туда и обратно была обеспечена.

— Если можно, то все-таки поконкретнее. Как вам удалось выйти на тех шестерых радистов?

— Кузнецову спасибо за раннее предупреждение о возможном покушении! И одновременно было замечено, что в Тегеране активизировались немецкие агенты-

иранцы. Начались бурные встречи, выходы на иранских военных. Ну, просто чувствовалось: что-то готовится. Стали пресекать. Однажды пришлось брать агента прямо на свадьбе. Были сведения, что в покушении может быть замешан именно он...

— Это кто же был? Немец?

— Иранец. Нам тихонько подсказали, что у него уже есть опыт участия в терактах. Тут вступила в дело военная разведка — довольно часто наши с ГРУ сотрудничали.

— Каким же образом?

— В ГРУ работали иногда очень жестко, — в один голос выговорили мои собеседники. А Геворк Андреевич продолжил: — Пошел я на эту свадьбу. Собираюсь как-нибудь незаметно вызвать опасного, а может, и вооруженного человека. Постучал, открывают мне дверь: заходи. И тут вдруг наш капитан, да прямо в форме, как свистнул. На свист прибегает взвод автоматчиков. Они чуть не впрыгивают во двор, а там гуляет свадьба — человек двести. Поднимается жуткая кутерьма. Зачем? Я бы этого бандита незаметно увел. А у него, как я и думал, пистолет. Начинают выкручивать ему руки, с головы у какого-то солдата падает шапка, и я ее подбираю. Забрасывают эту личность в грузовик «студебеккер», везут в военную комендатуру... И чуть ли не вся свадьба за нами: люди возбуждены, требуют освободить гостя. Что и кому тут объяснять? Я стою в толпе, наблюдаю. В руках у меня чужая шапка. И так продолжается до двух часов ночи. Хорошо, что взяли потенциального участника теракта. Но не так, не так же...

— Но были же операции и более филигранные?

— Естественно. Агаянцу дали знать, что владелец книжной лавки Ганс Вальтер...

— Извините, перебью. Прямо классическое имя для немецкого агента.

— Так он им и являлся: типичный агент немецкой резидентуры, обосновавшийся в Тегеране, выучивший фарси и наладивший множество нужных для германской разведки связей. Но и Вальтер ошибся. Уж слишком зачастили к нему в букинистический магазин иранские офицеры, да всё больше из Генерального штаба, как раз находившегося поблизости, — неспроста он именно в этом месте лавку открывал. Словом, контингент покупателей привлек к себе наше внимание. Тем более что любители литературы оставались в магазине подолгу. Копались в стоящих на полках книгах, что-то у немца покупали, какие-то тома продавали. Агаянц предположил: а не почтовый ли это ящик?

Наша «Легкая кавалерия» засекла шестерых постоянных посетителей. Все офицеры. Зайдут, купят книгу и быстренько обратно, к себе в Генштаб. Но всё по-прежнему оставалось непонятно: к чему это? И пришлось нашим ребятам тоже пристраститься к чтению. Заходили, примелькались. Познакомились с хозяином. К нашему удивлению, оказался он человеком приветливым, любил поболтать, да и кружку пива пропустить был иногда не прочь. И тут язык у Ганса распускался. Или слишком мы были юны, чтобы вызывать подозрения, или хотелось немцу облегчить душу, но откровенность его так и была. Не верил он больше в победу Германии, а уж нападение на Россию и вовсе считал ошибкой катастрофической: «Увязнет на этих просторах наш вермахт, точно увязнет».

Как было не сообщить о таких разговорах и скептическом настроении Ивану Ивановичу Агаянцу. И тут в игру вступили наши старшие. Короче, Ганса Вальтера перевербовали...

— А что на самом деле происходило в его лавке книжных древностей?

— Обмен самыми современными разведсведениями. Офицеры, прикупая для вида какие-то книги,

закладывали принесенные ими документы в стоявшие на полках фолианты. Ганс Вальтер передавал эту информацию своим начальникам. Те с ней знакомились и в свою очередь давали генштабистам новые задания. Потом, когда Вальтер работал уже на нас, эта игра еще некоторое время продолжалась. Выявили всех ее участников, а потом лавочку, как говорится, прикрыли. Вальтер был среди тех немецких агентов, кто подтвердил: да, в Тегеране готовится важная операция, возможно, что и покушение на глав государств трех союзных держав. Это его признание восприняли серьезно, оно подтверждалось донесениями других источников. И мы, и англичане взялись за дело еще более активно.

— Если говорить языком современным, то к Тегеранской конференции проводилась решительная зачистка? Извините за термин из другой эпохи.

— Мы должны были всё это расчистить. Работали вместе с агентурой, искали подходы. Появлялось малейшее подозрение — человека временно арестовывали. Не подтверждались сомнения, и после Тегеранской конференции его отпускали. А до самой конференции, во время нее мы работали день и ночь.

Иногда кое-что не удавалось. Надо было брать в городе Казвине опасного человека. Он в терактах участвовал, в поджогах. Пытался вербовать наших солдат. Долго его наши искали, а адрес установил мой отец. Поехал я в Казвин. Два дня вертелся около дома этого агента — и ничего. Тут меня и задержали.

— Иранцы?

— Наши. В городе полно советских военных, а рядом крутится какой-то парень в гражданской одежде. День просидел под арестом. Как говорится, до выяснения обстоятельств.

Наше посольство — общая крепость

Не раз бывал я в нашем посольстве в Тегеране в те годы, когда оно именовалось советским. Уж не знаю, какие еще принадлежавшие СССР, а теперь России представительства составят ему конкуренцию! Как же приятно было вступить на его огромную, хорошо ухоженную территорию. Особенно — изнурительным бесконечным летом, когда городская жара выматывающе мучительна.

Рассказывают, что прежний владелец, персидский богач, высадил здесь кедры, ивы и платаны, вырыл аккуратные пруды, где вода, в отличие от грязноватых тегеранских арыков, прозрачна и напоминает милым своим журчанием весенние подмосковные речушки. Вымахавшие деревья дарят прохладную тень. И тебя охватывает благодать, наступает спокойствие души, а на третьем году жизни в чужой, непривычной стране чудится, будто попал в родной сад. И только крики вещающего о своем муллы, от которых в Персии никуда не уйдешь — нигде не скроешься, возвращают тебя к действительности. Нет, брат, ты в Иране, держись, будь начеку!

А в годы войны тут вообще было не до расслаблений. И уж в те четыре дня 1943 года, что проходила в посольстве СССР важнейшая конференция, и подавно. Впрочем, лучшего места для ее проведения было не отыскать — по крайней мере в Тегеране. Хотя посольство находится в центральной части большущего города, оно неким образом обособленно, отделено, просторно и к тому же обнесено высокой каменной стеной.

На территории находится несколько зданий. В них во время Тегеранской конференции жила и работала советская делегация: Сталин, Молотов и Ворошилов заняли квартиру советского посла. Для сопровождающих делегацию были созданы все условия

в небольшом двухэтажном доме, расположенном неподалеку от здания посольства.

Но где же тогда жили посольские сотрудники с семьями? Их на эти тревожные дни переселили, как говорят в таких случаях дипломаты и прочие заграничники, «в город». Никто не роптал. Важность всего предстоящего объяснять дисциплинированным и вымуштрованным сотрудникам заграничреждения не пришлось. «Там» шла война, а «здесь» было относительно спокойно и уж точно — сытно. Детишек, жен и легкие вещи — один-два чемодана на семью и не больше — помогали перевозить непривычно вежливые и предупредительные солдаты, заранее прибывшие из Москвы. Потом они же постарались и, тщательно упаковав все личные вещи посольских и погрузив их на машины, в один день вернули всё и всех на прежние обжитые места. Говорят, ничего, ну абсолютно ничего у своих не пропало.

А «своим», образно говоря, из соображений безопасности стал на несколько деньков и Рузвельт, поселившийся в посольстве СССР.

Его путешествие на боевом американском корабле с названием заштатного американского штата (простите за игру слов) «Айова» продолжалось мучительно долго. Президент явно рисковал. Что стоило немецким подлодкам атаковать пересекавший Атлантику линкор? Даже сами фашисты признавали: самыми непримиримыми, готовыми сражаться до конца — между прочим, даже и после подписания капитуляции, — оставались немецкие моряки, особенно подводники.

За «Айовой», правда, шли корабли сопровождения. Но и это оказалось не к лучшему. Вдруг разыгрался шторм и на одном из судов произошел самопроизвольный пуск торпеды. Надо ли говорить, что она чуть не попала именно в «Айову».

Однако пронесло. Президента США благополучно высадили в алжирском Оране. Затем, по суше, аккуратно перевезли в сравнительно безопасный Каир.

В столице Египта Рузвельт встретился с Черчиллем, приземлившимся там же. Английский премьер и американский президент попытались согласовать свои позиции перед встречей с советским лидером.

А ведь эти позиции не совпадали. Рузвельт был не так уж и против открытия второго фронта. Он хотя и опасался усиления послевоенных позиций Советов в Европе, но его никак не устраивало и прежнее доминирующее положение в Старом Свете Великобритании. Черчилль же — и Рузвельту это стало понятно — больше всего боялся, что Сталин отхватит себе не только кусок Восточной Европы — уж точно с Польшей и Латвией, Литвой, Эстонией, но и попытается продвинуться еще дальше, в Европу Западную.

О разногласиях союзников Сталину стало известно благодаря разведке — как внешней, так и военной. Вот уж работали люди, так работали! Тут вполне логично напрашивалось решение поиграть на чужих противоречиях. Да, перспектива войны с Японией советского лидера никак не радовала, но она была неизбежной ради открытия второго, долгожданного фронта.

В Тегеранскую конференцию Сталин и его маленькая делегация—Молотов да Ворошилов — вступали весьма подготовленными и «подкованными» разведкой. Иосиф Виссарионович был даже осведомлен о считавшемся совершенно засекреченным Манхэттенском проекте: США и Великобритания согласились сделать процесс изготовления атомной бомбы совместным, да еще и с привлечением Канады. Вот уж был неприятный сюрприз, так сюрприз! Добрались до Сталина и другие суперсекретные сведения: если второй фронт всё же откроют, то лишь при условии, что в момент высадки

союзников во Франции Красная армия предпримет крупное наступление. Ведь тогда Гитлеру будет не до переброски своих войск с Восточного фронта. Особенно тревожило упрямство Черчилля. Он настаивал на ударах союзников по Балканам. Но что от этого выигрывал СССР? Разведка подтверждала намерения Сталина — надо давить на Черчилля, вплоть до демонстрации ухода с конференции (что однажды в Тегеране и было проделано), и опираться на более сговорчивого и несколько более реалистичного Рузвельта.

Но и с «заселением» Рузвельта возникли сложности. Еще раз: посольство США располагалось вдали от центра. Добираться туда-обратно несколько раз в день на переговоры парализованному, прикованному к коляске Рузвельту по узким, забитым тегеранским улицам было долго, да и опасно.

С этим соглашался и Майкл Рейли, один из руководителей президентской охраны. Он-то понимал, что во время поездки по городу Рузвельт превращается в живую мишень, а снайперы — найдутся.

Но американский президент поначалу предложение поселиться на территории посольства СССР не принял. Естественно, не в его планах было ощущать себя чьим-то гостем. Ведь еще раньше отклонил Рузвельт приглашение Черчилля остановиться в посольстве Великобритании. Наши предложение повторили, но тут возникли опасения чисто дипломатические: вдруг обидится английский премьер?

Советское и британское посольства располагались по соседству. Солдаты перекрыли улицу, натянули между зданиями брезент, установили высокие щиты. Получилось что-то вроде одного дома с закрытым переходом, вдоль которого расположились автоматчики. Отсюда в резиденции никаким диверсантам было не проникнуть. И наши, и англичане были защищены надежно. Американцам оставалось только завидовать:

посольства двух союзных им держав были окружены двумя, а по некоторым источникам — тремя кольцами автоматчиков и танков.

Благодарить за разрешение щекотливой ситуации с размещением Рузвельта надо и вмешавшегося в нее посла США в СССР Аверелла Гарримана. Он спросил: что будет, если по дороге в американскую миссию что-нибудь произойдет с Черчиллем или Сталиным? Надо ли их ставить под удар в Тегеране, там, где, по донесениям всех трех разведок союзников, на тройку готовились покушения?

Доводы посла и охранника убедили Рузвельта. Под его резиденцию в советском посольстве отдали здание канцелярии. Комнаты, в которых поселился президент США, соседствовали с просторным залом, где заседали участники конференции. Всегда и везде находившиеся при Рузвельте филиппинцы, служившие в военно-морском флоте США, аккуратно вкатывали в зал коляску с опирающимся на удобные подлокотники улыбающимся президентом. Закрепляли коляску и, убедившись, что с их хозяином всё в порядке, покидали помещение. Повар, тоже филиппинец, готовил для Рузвельта привычные блюда.

Конечно, не у всех в Штатах пребывание Рузвельта в чужих стенах вызвало понимание. Уже в Вашингтоне, 17 декабря 1943 года, президент объяснил на встрече с прессой: «Маршал Сталин еще до Тегерана сообщил, что, возможно, будет организован заговор с целью покушения на жизнь всех участников конференции. Он просил меня остановиться в советском посольстве, чтобы избежать необходимости поездок по городу.

Для немцев было бы довольно выгодным делом, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана, поскольку советское и

американское посольства отделяет друг от друга расстояние в полтора километра».

В дни конференции Тегеран был прочно отрезан от мира. Город лелеяли, охраняли три союзные спецслужбы, среди которых самой многочисленной и самой эффективной, но притом и самой незаметной была советская.

В иранской столице тогда вдруг перестали выходить газеты, что стало сюрпризом и в иранской провинции, где подумали, будто произошли переворот или восстание. Телеграф был закрыт, как и все почтовые отделения. «Агаи пости» — почтовый служащий из популярной впоследствии персидской песенки — получил четыре дня вынужденного отдыха. Работала лишь правительственная связь трех государств-союзников. Телефоны городские и, уж конечно, международные были нетактично и без всяких предупреждений вырублены.

Всё это только пошло на пользу Тегеранской конференции 1943 года.

После переговоров почти вся американская делегация уезжала к себе в посольство, оставляя своего президента с охраной и филиппинской прислугой в посольстве советском.

По некоторым отзывам, президентская охрана действовала своеобразно. Телохранители вышагивали около резиденции Рузвельта в пиджаках, под которыми держали наготове оружие — в основном пистолеты. Наверное, рассчитывали, что демонстрация полной готовности к стрельбе напугает диверсантов. Но выглядело всё это несколько по-голливудски.

Работа Тегеранской конференции шла своим чередом. Хотя в этой книге не ставится цели подробно о ней рассказывать, речь ведь идет о роли разведки, но всё же упомяну несколько важных решений. Была принята Декларация о совместных действиях в войне

против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех стран. Было достигнуто предварительное соглашение о послевоенных границах Польши. Союзники со скрипом, это особенно относится к Черчиллю, договорились об открытии второго фронта не позднее 1 мая 1944 года (слова своего англичане с американцами не сдержали, высадившись в Нормандии позже — лишь 6 июня 1944-го). В ответ Сталину пришлось подтвердить готовность объявить войну Японии после разгрома Германии. Три державы сочли необходимым сохранить полный суверенитет и независимость Ирана, а Сталин нанес визит вежливости молодому шаху, удивив и обрадовав того этим жестом. Рузвельт был явно озабочен созданием мировой организации, которая бы смогла включить в свой состав как можно больше стран. Сталин идею поддержал: так впоследствии возникла Организация Объединенных Наций.

Атмосфера конференции, поначалу несколько нервная, постепенно успокоилась. Роль миротворца взял на себя, признаем, президент Рузвельт. К примеру, когда Сталин, справедливо возмущенный нежеланием Черчилля обсуждать тему второго фронта, уже собирался предпринять демарш и покинуть (может, на время?) зал заседаний конференции, американец провозгласил час обеда. Как раз в это время на столе появилась огромная, длиннющая рыбина необъятных размеров, и трое вершителей мировых судеб переключили внимание на это чудо-юдо в исполнении советского повара. Напряжение было снято и алкогольными напитками. Отведав вкуснятины, Черчилль сделался сговорчивее. Понял, что надо идти и на уступки.

30 ноября вечером в посольстве Великобритании состоялся прием по случаю 69-летия премьера. Чтобы отдать дань уважения Черчиллю, Иосиф Виссарионович явился на торжество в парадной маршальской форме.

Подарки советской делегации тоже порадовали англичанина. Даже больше здоровенной скульптурной группы из фарфора на сюжет русских народных сказок ему понравилась папаха из каракуля. Рузвельт предпочел местный колорит — преподнесенный им ковер был не просто персидским, а исфаганским, что ценится еще выше. А старинная иранская чаша напоминала о месте действия.

Ближнее окружение Черчилля немало подивилось произнесенному Рузвельтом тосту: «Пока мы празднуем годовщину премьер-министра Британии, Красная армия продолжает теснить полчища нацистов. За советское оружие и его успехи!» Сталин был несказанно доволен.

Придал определенного оптимизма и жест Черчилля, когда он передал Сталину дар защитникам Сталинграда от английского короля Георга VI — почетный меч. Клинок длиной в 124 сантиметра был сделан из серебра. На лезвии надписи на двух языках: «Подарок от короля Георга VI людям со стальным сердцем — гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа». В почетном карауле за спиной Сталина стояли в момент вручения 15 солдат 131-го мотострелкового полка НКВД во главе с командиром взвода лейтенантом Лазебным. Самых высоких, стройных, боевых с виду отобрал для этой процедуры начальник штаба полка. Сталин передал меч Ворошилову, и тот в сопровождении караула перенес меч в соседнюю комнату.

Конец же Тегеранской конференции был как-то скомкан. Вдруг похолодало, в горах выпал снег. Рузвельт испугался и решил покинуть город, пока еще давали вылет.

Переводчик Сталина Бережков в своей книге описал это правдиво и с любопытными деталями. Предполагалось продолжать работу конференции и весь день 2 декабря. Однако, чтобы не застрять в Тегеране, заключительную декларацию согласовали еще накануне

вечером, в большой спешке. От обычно принятой торжественной церемонии подписания отказались. Подписи под декларацией каждый из «Большой тройки» ставил отдельно. Подписывались карандашом, листок был помятый, не парадный. Он как-то совсем не соответствовал совершенному, не гармонировал с достигнутым. Ведь, по существу, первая же встреча «Большой тройки» принесла серьезнейшие результаты. Все три главы государств-союзников заявляли: «Закончив наши дружественные совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь тирании и в соответствии со своими различными стремлениями и со своей совестью».

Бесспорно, что на Тегеранской конференции советский лидер переиграл президента и премьера. Но, отдавая дань Сталину, как переговорщику, ни в коем случае нельзя забывать и о роли разведки. Благодаря ее информации, полученной еще до Тегерана, вождь примерно знал наперед все возможные ходы Черчилля и особенно Рузвельта.

Как удалось добиться такого тотального преимущества? Пока неизвестно. Ведь не зря же Геворк Андреевич Вартанян подтверждает, что о конференции широкой публике и сегодня известно далеко не всё. Прозвучали кое-какие обещания рассекретить архивы в 2017 году. Остается ждать.

Мне же кажется, что свою роль сыграло и пребывание Рузвельта в советском посольстве. В документальном фильме «В Тегеране без чадры» об этом поведала Зоя Зарубина, в дни войны еще совсем молоденькая, 23-летняя начинающая разведчица. Она хорошо говорила по-английски, была искренне приветлива. Ей и было поручено обставить квартиру Рузвельта. Быстро наладив контакт с охраной американского президента, девушка в штатском

сделалась связующим звеном между нашими и американскими охранниками. Все мелкие проблемы решались через нее. О принадлежности лейтенанта Зарубиной к советской разведке ее иностранные визави и не помышляли. Для них она оставалась переводчицей, любезной хозяйкой, готовой всегда прийти на помощь. Немощи Рузвельта, по признанию Зарубиной, никто не замечал, ибо охранники даже коляску президента выкатывали с особым шиком, принимавшимся окружающими за своеобразный ритуал. А когда нужно было втащить Рузвельта на какое-то возвышение, охрана вставала вокруг него и прямо в коляске мгновенно перетаскивала в нужное место.

По негласным правилам Зарубина действовала не под своей фамилией. Ей присвоили псевдоним «Скворцова». Американцы прозвали ее «мисс Роббинс», на это имя Зоя охотно откликалась.

Кстати, приблизительно такую же роль заботливой посредницы Зарубиной предстояло сыграть и на Ялтинской конференции. Неясно, поняли американцы или нет, кто был в исполнительницах-«домохозяйках»? Не вдаваясь в подробности, заметим, что пребывание Рузвельта в гостеприимных стенах пошло на пользу всем, включая, скажем туманно, спецслужбы. Ведь дипломатия и разведка всегда опирались друг на друга.

В общем, Рузвельта принимали гостеприимно, и пребыванием своим в стенах советского посольства он остался доволен. Как и советская разведка. Разумеется, все четыре дня президент США находился под ее контролем. Сантименты были отброшены в сторону. Уже в военные годы технические средства позволяли осуществлять круглосуточную прослушку...

Заметим, кстати, что много баек гуляет по поводу того, будто «русские купили Рузвельта». Чушь! Страстному филателисту преподнесли лишь один крошечный подарок. Как известно, среди «марочных

королей», к которым можно отнести и американского лидера, ценятся выпущенные в свет малыми тиражами прямоугольнички с различного рода ошибками и опечатками. Так, на советской марке, посвященной знаменитому в ту пору перелету 1935 года нашего летчика Ляпидевского в США, название американского города было написано так — Сан-франциско. Отсутствие прописной «Ф» превращало марку в реальную филателистическую ценность. Рузвельт ликовал. Наши люди, изучавшие хобби главы США, и тут попали в точку...

А вообще, интеллигент Рузвельт совершенно невольно чувствовал себя обязанным, гостеприимство «хозяев» склоняло и его к соответствующим действиям. Итоги конференции виделись ему обязательно предсказуемыми, не зря же он, прикованный к коляске, совершал столь длительный и опасный вояж... Логика решений конференции была верной. Вдаваться в детали, так волновавшие Черчилля, при глобальной постановке вопросов казалось ошибочным. Победа в Сталинградской битве, даже вручение в Тегеране Черчиллем Сталину меча от английского короля Георга произвели на Рузвельта огромное впечатление. В частной беседе 1 декабря 1943 года Сталин обещал президенту при принятии решений учитывать его, Рузвельта, интересы на предстоящих выборах в США. Тот остался доволен: поляков, а также прибалтов Сталин обещал не обижать. Рузвельту это и требовалось: немало выходцев из этих стран обосновались в США и, следовательно, были его потенциальными избирателями.

И президент торопился домой. Ключевой (для меня) фразой Рузвельта при той, 1 декабря прошедшей беседе было: «Мне сообщили, что завтра будет благоприятная погода. У нас осталось немного вопросов, которые мы

сможем обсудить сегодня вечером. Завтра утром я собираюсь вылететь».

У советского посольства дежурили три американских «виллиса». Двое филиппинцев подкатили Рузвельта в его коляске к машинам. Коляску подхватили два сержанта. Они бережно, на руках перенесли президента на переднее сиденье.

Потом они быстро достали автоматы, находившиеся под пиджаками, и легли на крылья машины. Их коллеги — англичане и наши были несколько удивлены. А для президента это действие оказалось привычным. Шофер рванул с места. Вскоре уехал на аэродром и Черчилль. За ним — Сталин. Конференция закончилась без каких-либо осложнений для трех главных ее участников.

«Дядюшка Джо» всё же побывал на седьмом небе

Здесь позволю себе на короткое время отвлечься от истории Вартанянов. Обращу свой скромный взор на одного из самых сильных мира того — Иосифа Сталина. Единственного из «Большой тройки», знавшего обо всем, что происходит в Тегеране: и о Скорцени с его диверсантами, и о мерах безопасности, предпринимаемых чекистами. Можно с уверенностью сказать, что для последних Тегеранская конференция превратилась в адвое испытание. Малейшая оплошность — и полетело бы столько голов...

Похоже, Сталин твердо верил в свою госбезопасность. А ее руководители — в собственных сотрудников и агентов. Иначе бы Иосиф Виссарионович не принял решение: несмотря ни на что — обязательно ехать. Или иного выхода не было?

До сих пор спорят: неужели Сталин, никогда не летавший, все же рискнул совершить аж два перелета по маршрутам: Баку — Тегеран и Тегеран — Баку. В

спецслужбах, куда я обратился, архивных документов на этот счет мне не предоставили.

Да и не могли они сохраниться. Причина веская. Абсолютно все данные о передвижениях первых лиц государства, начиная со Сталина и до Ельцина, спецслужбы обязаны передавать в архив, который именуется сейчас Президентским. И не важно, в какой стране или республике, в каком городе побывал генсек Брежнев или президент СССР Горбачев. Так что, к примеру, все подробности столь поразившего мир путешествия Бориса Николаевича из Штатов в ирландский Шэннон и в Москву, похоже, надежно хранятся именно там, в архиве.

Вдруг всплыл и другой любопытный факт. Возможно, что и зря мы подозревали Иосифа Виссарионовича в трусости, потому как всю жизнь он передвигался по необъятной стране только на поездах да на автомобилях. Всему есть свое объяснение. 22 марта 1925 года в авиакатастрофе погиб, как пишет Большая советская энциклопедия, «верный ученик Ленина» Александр Федорович Мясников. Смерть 39-летнего члена Реввоенсовета и Президиума ЦИКа потрясла Сталина. Собрав соратников, он объявил решение, приравненное к приказу. Видным партийным руководителям и просто крупным начальникам летать на самолетах категорически запрещалось. Однажды в Белоруссии завет вождя нарушил Анастас Микоян — полетал над аэродромом на военном самолете. И, пишет писатель Николай Зенькович, не успел Анастас Иванович вернуться в Москву, как Сталину уже всё сообщили. Ослушнику был объявлен выговор за недисциплинированное поведение.

Но когда уж грянуло в июне 1941-го, стало не до устаревших формальностей. Вынужден был пересесть с поезда на самолет и сам блюститель строжайшей безопасности.

До Баку спешащая в Тегеран делегация во главе со Сталиным дотащи́лась на поезде № 501. Иосифа Виссарионовича поместили в отдельный бронированный вагон, в других вагонах расположились члены делегации. Но и броня не помогла бы, если бы атаковавшие поезд на одном из участков пути фашистские бомбардировщики были точнее. Знали бы немецкие летчики, по какой цели они промахнулись!

Прибыли в Баку и оттуда в иранскую столицу — уже на самолете.

Впрочем, как Сталин доехал до конференции и обратно, существует несколько версий. Мне бы в них, противоречивых, не разобраться, если бы сотрудники пресс-бюро СВР не вывели на профессора Юрия Львовича Кузнеця. Он, автор подробнейшей книги о Тегеранской конференции «"Длинный прыжок" в никуда», изучал архивы долго и тщательно. И хотя в его вышедшей в 1996-м книге о методах сталинского передвижения пишется немного, профессор дал мне детальную консультацию.

Сначала действительно предполагалось, что от Баку до Тегерана «Хозяина» повезут на его обычном «паккарде», в большом автокортеже. Но и такой путь представлялся опасным. Мало ли кто мог предпринять попытку покончить с «дядюшкой Джо» одним ударом. Да и дорога в районе Астуры была труднопроходимой. Вот и решилось — самолет все-таки надежнее.

В книге Александра Бучина, бывшего шофера маршала Георгия Константиновича Жукова, рассказывается, что начиная с 1943 года основным самолетом, который использовал его начальник, стал американский «Дуглас С-47», считавшийся лучшим транспортником в мире. И, как утверждается в издании, «на таком же Сталин совершил свой единственный полет в Тегеран и обратно».

В мемуарах Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов вспоминает, что он сам предложил себя в качестве пилота. Сталин вежливо отказался, пригласив маршала просто сопровождать его. Даже отвесил Голованову комплимент.

Подтверждается сказанное профессором Кузнецом и в книге личного сталинского переводчика Валентина Бережкова «Тегеран, 1943». Правда, в Тегеран Бережков добирался самостоятельно. А вот обратно в Баку вылетали на нескольких двухмоторных и, как пишет Бережков, «пассажирских самолетах». Сначала в Баку улетела группа военных. На второй машине в воздух подняли Сталина. Оставшиеся на аэродроме дождались сообщения по радиосвязи о благополучном приземлении Иосифа Виссарионовича в Баку. Затем с интервалом в несколько минут отправились домой и другие самолеты.

В Баку, пишет Бережков, Сталин «стоял перед аэровокзалом уже не в маршальском облачении, а в простой солдатской шинели и в фуражке без знаков различия». Подъехали лимузины, главного пассажира поместили во второй: рядом с шофером, а сзади — охрана. На железнодорожном вокзале кортеж уже ждал «специальный поезд из длинных и тяжелых салон-вагонов» Баку — Москва.

На всем пути остановились лишь в Сталинграде, и Сталин с несколькими соратниками осмотрел лежавший в руинах город. Остальные спутники ждали в вагонах. Утром, на четвертые сутки пути, добрались до Москвы, до того и сейчас действующего перрона, откуда бегают между Белорусским и Савеловским вокзалами электрички. Сталина ждала черная машина, на которой он отправился в Кремль.

Еще в Сталинграде Сталин простудился. Тяжелый путь, труднейшая конференция, думы о «его» разрушенном городе... В Москву приехал больным, с температурой. Проболел больше недели.

Да, иногда удивляешься и скудности архивных материалов, и той атмосфере секретности, что окружала вождя. Сколько информации еще не выплыло, да и никогда не выплывет из тайников! Что говорить, если о Тегеранской конференции, продолжавшейся четыре дня, советскому народу дали узнать только после ее окончания — 7 декабря 1943 года.

И Геворк Андреевич, обязательно повторюсь, не раз говорил мне, что «о Тегеране еще не всё известно и сказано».

Но теперь — снова к Вартанянам.

Как приходят в разведку

Тема деликатная. Говорить об этом не совсем принято, да иногда и нельзя. Но вот небольшой парадокс. В суперзасекреченной жизни Вартаняна как раз здесь-то — относительная ясность. Его отец, Андрей Васильевич Вартанян, в коммунистах никогда не состоял. Но когда в 1930 году он, бывший директор маслобойного завода, оказавшийся каким-то не совсем понятным образом иранским подданным, выезжал из станицы Степной в Иран, он уже был тесно связан с советской внешней разведкой — нелегальной. И связь эта сохранялась до самого его отъезда из Тегерана в Ереван, куда он вернулся в 1953-м, благополучно прослужив в соседней стране два с лишним десятилетия. А дома, в Союзе, он еще долго трудился на сугубо официальной гражданской должности. Впрочем, пенсию получал как офицер-чекист.

Да, жизнь Вартаняна-отца — это уже другая, своя собственная история. Всё же упомяну некоторые важные штрихи биографии. Первые шесть лет в Табризе Андрею Васильевичу приходилось тяжело. Поначалу его подозревали в связях с советской разведкой. Несколько

раз иранцы даже засаживали его в тюрьму-зندان — только доказать ничего не могли.

А большая семья — четверо детей, двое мальчиков и две девочки, — мучилась; и за отца страшно, да и безденежье жуткое. Тогда на помощь спешила советская резидентура в Иране. Мать, прихватив совсем маленького, тогда шестилетнего, сынишку Геворка, выходила на тайные встречи. Их подбадривали, подбрасывали денег.

Но проходило два-три месяца и он выходил на свободу. В конце концов от Вартаняна отвязались. И в 1936-м он с семейством перебрался в Тегеран. Здесь постепенно превратился в коммерсанта со связями и с довольно-таки высоким положением в обществе. Геворк Андреевич говорил, что помнил отца всегда хорошо одетым, в галстук.

«Крыша» была для разведчика надежная. Ну а его задачей были вербовки, прикрытие засланных в Иран нелегалов, приобретение «железных» документов... Было еще много чего, за что, кстати, Центр в Москве практически не платил ни копейки: зачем они преуспевающему владельцу кондитерской фабрики, известной на весь Иран своими сладостями? Вся двухсоттысячная армянская диаспора искренне его уважала!

Сын видел, чем занимается отец. Лет с десяти он понял: его отец — советский разведчик. Приходили и потом исчезали куда-то люди. Иногда Геворк выполнял мелкие поручения — отнести, встретить, что-то припрятать.

И отец тоже знал: сын встал на его путь. Но закон профессии суров. Никаких советов и обменов мнениями. Конспирация не позволяла, у каждого — собственная работа. Хотя, как вспоминает Гоар Леоновна, Вартанян-старший всё же изредка давал волю чувствам. Иногда, видно понимая, что сын выполняет рискованное

задание, вышагивал часами около дома, бывало, что и до самой ночи поджидая Геворка. Но как только слышались шаги сына, шуршание шин его велосипеда, Андрей Васильевич спешил домой: к чему мальчику знать, что отец волнуется, переживает?

Однажды, много лет спустя, когда Геворк Андреевич и Гоар работали уже в совсем другой стране, столкнулись они с человеком, у которого оказались документы, приобретенные еще Вартаняном-старшим. Сообщили в Центр: здесь появился такой-то, использует паспорт, выданный в Тегеране. Из Москвы успокоили — работайте спокойно, всё в порядке. Значит, наш.

— Но до чего же маленький этот шарик! — удивлялся Геворк Андреевич. — Когда мы приехали как-то в Москву, то вдруг увидели того самого человека прямо на проспекте Мира! Идет он навстречу нам с Гоар. Проходит, не поздоровавшись. Мы — тоже. Двинулись дальше, оглянулись. Оглянулся и он. Такое вот рандеву. Короче, документы те мой отец добывал для этого человека совсем не зря.

Военного звания у Андрея Васильевича не было, но кадровым разведчиком считать его можно твердо.

— На этот путь меня поставил отец, — говорил Геворк Андреевич. — Нас было два брата и две сестры. Потом все вернулись в Союз, кроме одной из сестер. Она вышла там замуж и, увы, рано ушла... Советский Союз был родиной. Ради него мы были готовы на всё. Все родственники знали, все помогали. Так нас воспитал отец. Но профессиональным разведчиком стал только я. Было мне тогда шестнадцать лет...

**Монолог от первого лица
(рассказывает Геворк Андреевич)**

4 февраля 1940 года я впервые вышел на встречу с советским резидентом. Это потом я узнал, что Агаянц

Иван Иванович — легендарный советский разведчик. Был он человеком строгим и в то же время добрым, теплым. Долго я с ним работал, до конца войны, пока не уехал он в 1945-м во Францию резидентом. И разведчика из меня сделал он. Занят был, но встречался со мною, натаскивал.

А первое мое задание — создать группу единомышленников. И я быстренько завербовал семерых ребят. Иранцев среди нас не было. Потом, правда, стали их вербовать, но только как агентов. Все мы, семеро, примерно моего возраста — армяне, лезгин, ассирийцы... Сплошной интернационал! Пацаны, мальчишки-девчонки. Кто только в школу ходил, кто учебу уже заканчивал. Общались между собой на русском и на фарси, который учили в школе. Все мы, включая мою Гоар, знали фарси — тоже помогало.

Все были выходцы из СССР. Слышали о 1937-м? Родителей почти всех этих ребят из Советского Союза или выслали, или они сами вынуждены были уехать. Но была такая тяга, любовь к родине! Давали согласие и подключались к группе без вознаграждений за работу — вербовал их на чисто идейной основе. Никакой оперативной подготовки у нас, конечно, не было, и старшим товарищам из резидентуры приходилось образовывать ребятню на ходу. Умело научили нас вести наружное наблюдение.

В 1941-м к нам подключилась симпатичная такая школьница. Ее старший брат-армянин был моим другом из «Легкой кавалерии». Я года два-три к ней присматривался, очень она мне нравилась. Это Гоар — моя будущая жена. Тогда ей не было и шестнадцати. Смелая, ни от каких заданий не отказывалась. А в разведку ее, думаю, привела скорее всего любовь...

Агаянц не побоялся дать нам непростое задание: следить и выявлять фашистскую агентуру. Руководил у них резидентурой Франц Майер. До этого он работал в

СССР, знал русский и по-фарси говорил прекрасно. Типичный немец — рослый, голубоглазый такой, майор-разведчик. Начали работать за ним... До августа 1941-го, ввода наших войск в Иран, держали его плотно. Хотя он, чтобы сбить с толку, и бороду отпускал, и одежду менял постоянно. Несколько раз вышагивал прямо по центру Тегерана в форме офицера Генштаба иранской армии. Или выходит из его квартиры какой-то незнакомый человек, но мы-то знаем — Майер. Обличье новое, а походку — как ее изменишь?

Но потом он все-таки исчез. Мы отыскали его уже в 1943-м. Отрастил бороду, покрасил хной волосы, трудился могильщиком на армянском кладбище. Немцы вообще часто маскировались под иранцев. Те, кто хорошо владел языками, выдавали себя за англичан, американцев, иногда даже за русских...

Конечно, интересовались Майером и англичане, тоже шли за ним по пятам. Люди из посольства, из группы захвата были наготове. Но пока наши запрашивали Центр, арестовали немецкого разведчика не мы — более проворные англичане и прямо на наших глазах. Где-то мы промедлили, ошиблись. Обидно было страшно! Но все же и благодаря нашим усилиям одновременно с ним арестовали двух его радистов, двух эсэсовцев, обершарфюрера Хольцапфеля и унтершарфюрера Рокстрока. И тех, кто скрывал Майера, тоже. Не знаю, уж зачем это было нужно известному в городе дантисту агаи Кодси и агаи директору публичной библиотеки Рамазани... А вот Кейхани, преподававший язык фарси в посольстве Германии, давно слыл пособником немцев.

Наши ребята помогли обнаружить и помощника Майера, Отто Энгельке. Как мы потом поняли, без Майера и радиосвязи активность немцев к концу 1943-го резко заглохла.

Это Агаянц в шутку прозвал нас «Легкой кавалерией». Так это название к моей группе и

прилепилось. Действовала наша семерка целых десять лет. Солидный, скажу вам, период для исключительно активной разведывательной группы.

На первых порах ну ничего у нас не было. Разве велосипеды. Поэтому немцы часто от нас уходили — садились на свои машины, а ребята голыми пятками на педали... Но фанатики мы были страшные! И очень упорные.

Потом, уже в 1942-м, дали нам трофейный немецкий мотоцикл «зюндаб». И я на нем гонял, и Гоартоже. Но нас было восемь человек, а мотоцикл — один. В общем, как в песне пелось — шестнадцать винтовок на весь батальон и в каждой винтовке — последний патрон.

Кстати, когда наши два парня, чуть постарше, в 1941 году подсветились в одном остром мероприятии, меня арестовали. Всё тогда оказалось серьезно. Было нами точно установлено: один из руководителей группы азербайджанских экстремистов ведет активную подрывную деятельность против СССР, устраивает теракты. Какие-либо разговоры-уговоры бесполезны, о перевербовке и речи нет. Выход такой — террориста убрать, именно ликвидировать, чтобы другим неповадно было, а не вывезти потихоньку куда-то и потом изолировать, как частенько делалось.

Вызвались те самые двое моих товарищей-добровольцев. Задание выполнили, но кое-какие следы оставили. И я попал под подозрение: ребята-то были из нашей группы. Возвращаюсь себе вечером на велосипеде, вдруг останавливают: велосипед краденый, в полицию! Я сразу, еще до того как меня начали лупить, понял, в чем дело. Бросили в тюрьму. Подвал темный, дело восточное, и потому били здорово: знал же убийц, говори! Это вам не Европа, где с арестованными обращаются все-таки почеловечнее. Я чистосердечно признался, что знаком с этими ребятами, но даже не догадывался, какие же они плохие. Выпустите — и я

быстренько помогу их отыскать. К тому времени девочка с косичками Гоар уже носила мне в тюрьму передачи и ухитрилась сообщить, что эти двое наших вывезены в безопасное место — в Советский Союз. Мы вообще с Гоар друг друга с детства понимали даже не с полуслова—с полувзгляда. Я держался своей легенды, обнаглел, стал просить освободить. Да ведь и известный тегеранский коммерсант-кондитер Вартанян требовал отпустить невинно арестованного сына! Роптали также богатые и бедные армяне — за что посадили?! И меня, семнадцатилетнего паренька, поддав на прощание ногой, после трех месяцев отсидки выкинули на улицу. Это оказался первый и последний раз за все сорок пять лет рискованной работы, когда операция закончилась для меня тюрьмой. И мы с «Легкой кавалерией», и наша резидентура извлекли из этого хороший урок. Нельзя даже в момент наивысшего риска светиться, нельзя давать ни малейшего повода.

Конечно, и после моего освобождения иранский таминат — тайная полиция пыталась нас контролировать, но с ней «Легкая кавалерия» справлялась...

Но вот почему мы уходили от немцев? Сейчас, как сугубо профессиональный разведчик-нелегал, я на сто процентов уверен, что они не могли не засечь наружки. Против нас — лучшие кадры абвера, а мы — мальчишки, некоторые еще без усиков, а уж то, что без опыта... Наверное, поэтому немцы всерьез этой слежки, этого нашего «колпака» не воспринимали. То появляются какие-то мальчишки, то исчезают. Правда, мы быстро чередовались, меняли друг друга, чтобы уж очень не примелькаться. И связи постоянно расширяли. Бывало, успевали даже фотографировать чужих агентов.

Немцы же на нас просто плевали! А разведка — дело решительно серьезное. За свое пренебрежение их разведчики и поплатились. Ведь только за полтора года

одной нашей работы у них было четыре сотни провалов сотрудников и агентов. В основном это были иранцы — причем не простые, а министры, полицейские, чиновники, немало предпринимателей. Некоторые из них выходили из шахского дворца и шли прямо на встречу с немецкой резидентурой.

Часть арестованных перевербовывали вместе с англичанами еще в Тегеране. Когда вошли советские войска, некоторых депортировали в СССР, и потом их, видимо, уже в Москве перевербованных, мы снова встречали в Тегеране. Интересный процесс: работа на одних, арест, «перевоспитание» и бывшие враги превращались в твоих же агентов.

Но работа не ограничивалась только слежкой. Иногда приходилось рисковать, действовать жестко. Висели на волоске, но никто не трусил, не ныл. Знаете, за ту операцию по предотвращению покушения мы получили единственное за все годы войны поощрение — благодарность из Москвы от одного из руководителей отделения: «Личная благодарность "Амиру", "Хану", "Горцу"...» И как мы были счастливы, как мы этим гордились!

«Прямо какой-то Голливуд!»
(рассказывает Геворк Андреевич)

Случались с нами невероятные истории. Никак в ГРУ не могли понять, чем занимается немецкий разведчик «Фармацевт». Идут агентурные сведения, что он проник в иранскую верхушку, проводит встречи с генералами, а доказательств — ноль. Целый месяц наружка за «Фармацевтом» ходит и не обнаруживает за ним ну просто ничего! Бродит он по Тегерану, часами на базаре торчит или чай в кафе пьет. И тогда наши военные разведчики обратились к Агаянцу, а он — к нам.

Работаем по «Фармацевту» — ничего интересного, но агентура-то сообщает: снова провел встречу с иранцем из Генштаба. Решили посмотреть, чем он занимается у себя на вилле ранним утром, еще до ухода. Это в северной части Тегерана, где живут в основном люди обеспеченные. Все крыши соседних домов облазили, пока не нашли идеальной точки обзора. Вдруг с чердака видим: сидят у бассейна два абсолютно, как две капли воды, похожих друг на друга человека и спокойненько беседуют. Понимаете? Немцы использовали близнецов. Прием в разведке не слишком новый, но все наши на него попадались. Один брат демонстративно уходит из дома, уводит цепляющуюся за ним наружку, а второй брат — «Фармацевт» — спокойно отправляется на встречи с агентурой. Прямо какой-то Голливуд! Мы на несколько дней к этим братишкам буквально приклеились. И быстро поняли, что тот, кто уходит первым, — чистое прикрытие, нам не нужен. А вот второй...

Немцы тоже здесь ошиблись. Могли бы хоть изредка менять порядок ухода, чтобы подбросить наружке побольше сложностей. Но оказались они людьми уж слишком дисциплинированными, и потому «Фармацевт», всегда выходивший за братом, быстренько вывел нас на всю свою агентуру.

Или тоже история из не совсем типичных. Иранский генерал завербован и передает советской резидентуре за большие деньги материалы с грифом «Совершенно секретно» — прямо из Генерального штаба. Хорошее вроде бы дело, но только уж очень много передает. И подтверждается не совсем всё.

Агаянц к нам: срочно проверить. Мы, как всегда, наружку. Нет, кроме наших, ни с кем он не общается. Идет к себе на работу, возвращается и, пожалуйста, вручает людям из резидентуры пакет с информацией. В квартиру к нему забраться никак нельзя. Пришлось по

строительным лесам залезать в строящийся напротив генеральской виллы трехэтажный дом. Прихватили бинокль, наблюдаем: достает генерал из папки, которую с собой всегда таскает, чистые бланки с грифом «Секретно» и с удовольствием набивает на пишущей машинке свои сообщения. Долгое время он, по существу, передавал нам дезинформацию. Так что пришлось этого генерала... Короче, наши его забрали.

Он служил и в английской разведке...

— Геворк Андреевич, вам приходилось заниматься и исключительно... скажем так... суровой работой?

— Мы всю жизнь на острие! И дальше мне бы комментировать не хотелось.

— К вашим донесениям всегда относились серьезно? — Да.

— И даже несмотря на юный возраст?

— Лишь однажды, когда была передана дата нападения Гитлера на Советский Союз, сообщение резидентуры проигнорировали. Написали: «Материал интереса не представляет». А ведь о сроках сообщали не только мы!

— И все-таки в те ваши юные годы у вас же совсем не было опыта.

— Но нам приходилось его быстро набирать, — почему-то улыбается Вартамян. — Иногда и с помощью англичан...

Ага, теперь понятно, почему улыбка!

— Я даже закончил их разведывательную школу, — ошарашивает Вартамян.

— Геворк Андреевич, не могу ли я попросить: пожалуйста, поподробнее!

— Наша разведка была в очень плотном контакте с английской — ведь союзники же. Потому были и совместные действия, и разработки. Но тем не менее

англичане с их резидентом Спенсером всегда вели собственную игру. Агаянцу стало известно: 1942 год, война в разгаре, а люди полковника Спенсера открыли прямо в Тегеране, под крышей любительского — да еще, вот наглецы! — и молодежного радиоклуба, свою разведывательную школу. Набирали туда молодых людей, знавших русский. Так что направление работы вполне понятно. Мне дан приказ: внедриться. Пришлось искать подходы, проходить собеседование у их экзаменаторов.

По-русски я говорил неплохо. Да и пареньком показался им смышленным. А вот то, что просидел я в 1941-м три месяца в тюрьме, они явно прохлопали — иначе какая там разведшкола?! Помогло, что мой отец был человеком состоятельным. Вообще, англичане всегда принимали во внимание набор таких благостных стереотипов: не беден, в общении приятен, владеет несколькими языками. Им понравилось и то, что на собеседовании я «честно» признался, что иду к ним ради хорошего заработка.

И еще одно, что может показаться несколько меркантильным, буквально выпадающим из общего стройного принципа построения британской разведки. Предпочтение отдавалось уже знающим русский. К чему тратить и время, и деньги на изучение трудного иностранного языка, когда некоторые кандидаты им вполне уже владеют? Вроде нашли подходящего молодого человека — и поиски еще более надежного кандидата на этом завершились. Здесь-то и получилась у них неувязка!

Зато конспирация в школе — строжайшая, обучение парами, чтобы будущие агенты не знали друг друга. Расписание составили так хитро, что «курсантам» не предоставлялось никакой возможности встретиться, пересечься между собой. Армян готовили к заброске в

Армению, таджиков — в Таджикистан... Короче, цели — Средняя Азия и Закавказье.

Но мне все же удалось познакомиться с шестью соучениками. Подключилась наша «Легкая кавалерия», выяснила, кто где живет, чем они дышат. Установочные данные на курсантов, а через несколько недель — и дела на них были переданы в Центр.

В школе была прекрасная профессионально поставленная подготовка. Английские агенты работали с нами, не жалея сил. Шесть месяцев меня учили тому, как проводить вербовки, шифровки и дешифровки, тайниковые операции. Двусторонняя связь, радиосвязь, фотографирование... Курс напряженнейший, ускоренный. Пожалуй, в те годы я бы нигде не смог получить такой серьезной подготовки. Британцы формировали из нас настоящих диверсантов. Мне это здорово помогло в дальнейшем. Такие давали основательные навыки. Я англичанам до сих пор благодарен!

Но, как вы понимаете, после моей учебы у этой школы возникли определенные сложности. Кстати, после шести месяцев обучения агентов посылали в Индию — там они тренировались еще полгода, учились прыгать с парашютом. Мне это уже мало чего бы дало, и отправки в Индию удалось избежать, не доехал я туда...

Всю эту публику, на которую наши союзники потратили столько времени и денег, сбрасывали в республики Средней Азии и Закавказья. Однако английских агентов в СССР почему-то быстро ловили. А некоторые, как оказалось, изначально действовали под нашу диктовку: были уже и перевербованы.

— Вами?

— И другими тоже. «Школьные учителя» заволновались, поняли, что пошло дело не так. Англичане провели по школе поголовную проверку. Нескромно говорить, но я прошел ее с необыкновенной

легкостью. Еще раз предположу: может, потому, что квалифицированные, сугубо профессиональные преподаватели, они же проверяющие, придерживались определенных стереотипов, мыслили грамотно — однако традиционно.

Короче, пришлось англичанам лавочку закрывать. Да еще наш Агаянц окончательно добил Спенсера. Напрямую сообщил ему: мы знаем о школе.

— Это зачем же? Ведь английские шпионы шли нашим контрразведчикам прямо в руки...

— Так ведь в этой ситуации они могли просто перенести школу из Тегерана в другой иранский город, куда-нибудь на юг, где действовали только англичане, и нам было бы ее не отыскать... Но Агаянц поступил дипломатично. Когда Спенсер попытался было убедить его, что школа — фашистская и что агентуру там готовят недобитые немцы, причем сокрушался, что «они совсем обнаглели, действуют прямо под нашим носом», то Иван Иванович ему вроде бы и поверил. Сказал решительно, что если немцы прямо на наших с вами глазах готовят диверсантов, то «любительский молодежный радиоклуб» необходимо поскорее ликвидировать. Полковнику Спенсеру ничего не оставалось, кроме как согласиться с русским коллегой-союзником.

Англичане в течение стольких лет, до сегодняшнего дня, — самые тяжелые оппоненты. Но должен вам сказать, что наша разведка — впереди. На протяжении десятилетий с какими только спецслужбами я не встречался! И одно то, что мы спокойно вернулись, уже говорит само за себя. Я уверенно могу заявить, что наша разведка — самая лучшая. Никак и никому с ней не справиться. Такой Службы, как у нас, ни у кого в мире нет. И не будет! Счастливы, что отдали нашей профессии всю свою жизнь. И, знаете, нам давали силы любовь к родине, чувство, что за нами — мощная,

громадная страна, которая никогда нас не оставляла и не оставит. Сколько было трудностей — но мы справились, преодолели.

— Сколько же точно лет «прогарцевала» ваша «Легкая кавалерия»?

— Около десяти. Отношения между Ираном и СССР постепенно ухудшались. А после покушения на шаха Мохаммеда Реза Пехлеви — за этим покушением стояли религиозные фанатики — обстановка в стране еще больше обострилась. Местная контрразведка начала проявлять повышенный интерес к некоторым ребятам из нашей семерки. Приблизительно в апреле 1949 года мы прекратили активную работу. По приказу Центра «Легкая кавалерия» была законсервирована.

Когда отгремели пушки

— Геворк Андреевич, если я не ошибаюсь, из Тегерана вы приехали в Советский Союз в 1951-м?

— Не ошибаетесь. После войны, в 1946-м, мы с Гоар поженились, обвенчались в армянской церкви и работали в Иране еще пять лет. Попросили у нашего руководства разрешения вернуться на родину. Хотелось получить высшее образование. И в 1951-м, в Ереване, взялись за учебу в институте иностранных языков.

— Сколько же языков вы знаете?

— Да даже родных языков у меня много! Русский, армянский и фарси — на этом языке я говорил двадцать один год, и мне его не забыть. Хотя я и армянин, но долго жили мы в Ростове-на-Дону; фарси и армянский я выучил в Тегеране.

— А еще какие? Всего, наверное, языков семь-восемь?

— Приблизительно. Я знал достаточно языков, чтобы жить в самых разных странах мира и вести работу разведчика.

— Сколько же лет вы находились на нелегальной работе? И когда вернулись в Советский Союз?

— По нашим меркам не так давно — в 1986-м. А дома нас не было в общей сложности, считая и Тегеран, лет сорок пять.

Гоар работала совсем не за награды

Гоар Левоновна улыбается мне с каким-то даже чувством извинения или сочувствия к неудовлетворенному писательскому любопытству. Многому, видимо, пока суждено так и остаться недосказанным. И она старается разрядить несколько напряженную обстановку нашей долгой беседы:

— За эти годы я трижды выходила замуж. Первый раз в Тегеране, а потом в законный брак пришлось вступать еще дважды... Как-то я рассказала об этом на встрече с молодыми разведчиками, и зал вдруг затих: ничего себе работенка, три раза меняла мужей! Пришлось добавить, что всегда сочеталась с одним и тем же человеком — Геворком. Только под разными именами и в разных странах. А единственное, о чем мы жалеем, — не было возможности завести детей. Зато друзей у нас столько! И в Москве друзья, и в Ереване, куда мы приехали из Тегерана, как уже рассказал вам муж, в 1951-м.

— А свою первую свадьбу помните?

— Как такое можно забыть? Геворк еще до свадьбы очень красиво за мной ухаживал. Всегда дарил цветы — розы, хризантемы. И броши, разные украшения. Мне это нравилось. Он уже в юности был очень серьезным человеком. И я его уважала, как и все наши ребята из «Легкой кавалерии». А потом появилось и чувство. Взаимное. Вышло как-то естественно. Иногда мы на задания ходили вместе: идут парень и девушка, сцена типичная, никого не смущает. Мы не очень-то понимали

тогда разведывательные термины, да и слово «разведка» не произносилось.

— Что же вы говорили, как называли свою работу?

— Помогаем родине — вот как. Дома у Георгия была карта фронтов, он сделал такие маленькие флажки и их передвигал. Но даже когда флажки приблизились к Москве, мы всё равно верили, что родина победит. Мечтали, война закончится, мы тут свое сделаем и уедем на родину, я с Геворком — в Армению. Хотели учиться.

— Не страшились разговоров о лагерях, о кромешной бедности?

— Об этом и не думали. Будет так, как будет. Правда, стоял у нас дома сундучок, куда собирали вещи для переезда. Жора ко всему этому относился с иронией, мой брат — серьезнее. Но ничего из собранного в Ереване не понадобилось. Как-то не в вещах заключалась наша жизнь.

— А если вернуться к свадьбе, к 1946-му?

— Мне двадцать лет, и Геворк сделал мне предложение. Потом его отец пришел к моему и попросил выдать меня за сына.

— Вполне официально.

— А как вы думаете? В армянской церкви священник спрашивает жениха, согласен ли он. И Жора сначала сказал «да» тихо-тихо, а потом прямо выкрикнул: «Да!» Вот так и стали мужем и женой. Свадьбу устроили на крыше нашего дома.

— Ну, это я хорошо представляю. Сколько раз видел в Тегеране такие заасфальтированные крыши. Для иностранцев — необычно.

— Нам было привычно. Мы с друзьями, соседями долго носили наверх ковры, покрывали им асфальт. Поднялся на крышу даже оркестр, нет, даже два. Один играл в основном персидские мелодии, а второй —

современные. Тут и танцы, и столы с угощениями. Мы их ухитрились по всей крыше поставить.

— И вы всех восхитили помимо всего остального вашим поварским искусством...

— Искусство, признаюсь вам, развивалось с годами. Но гости, их пригласили очень много, остались довольны. А мы еще больше. И, вот вы спросили, помним ли мы нашу свадьбу? Еще как! Когда исполнилось двадцать пять лет бракосочетания, мы в одной стране в память об этом снова вступили в брак — день в день.

— А где еще вы выходили друг за друга?

— Потом в Ереване в 1952 году сходили в загс и официально расписались. Отметили это с друзьями. И еще два раза в странах, где работали. Иногда менялись имена, фамилии. Но это — уже специфика.

— О ней, пожалуйста, хоть немножко.

— Мы уехали вместе, но по легенде еще не были мужем и женой, просто знакомыми. Вместе везде бывали. И только потом подходило время вступать в брак.

— А конфликты «производственные» не возникали?

— Никогда! Может, был обмен мнениями — но всегда дружеский, именно профессиональный. У Жоры хороший характер — уравновешенный. И всегда он меня берег, старался, чтобы не переживала, ни в коем случае не нервничала.

— Я слышал, что у некоторых нелегалов, особенно у женщин, после нескольких лет «работы в особых условиях» сдавали нервы. Даже начинались головные боли, приходилось лечиться, порой уезжать домой.

— Есть от чего нервничать! Напряжение — огромное. Но это — не наш случай. Если муж о чем-то и сокрушался, то от меня он пытался это скрыть. Часто удавалось.

И тут в беседу вступил Геворк Андреевич:

— Все равно за Гоар я волновался. Старался всячески оградить ее от риска, от опасности. Но как без них? Это же неизбежно. Жена мне так помогала. Вся связь с Центром на ней, и от этой важной части работы она меня освободила. А сколько благодаря Гоар было знакомств с женами тех, кто мог приносить — и приносил, благодаря и ее стараниям, — важную информацию. Но тут я не только о работе. Она и друг, и советчица. Это не отношения между начальником и подчиненным. Да в разведке так быть и не должно. Тут нечто иное — понимание, вера в полную надежность, в то, что мы всегда вместе. Гоар Леоновна кивает головой:

— Мне и с мужем, и с работой повезло. Может, это вас и не заинтересует, но у Геворка — вся семья добрая, дружная.

— Гоар Леоновна, почему же не заинтересует? Это же частичка вашей жизни.

— Еще какая! Когда учились в Ереванском институте иностранных языков, я иногда не успевала навестить маму. И тогда отец Геворка, Андрей Васильевич, мне об этом напоминал. Отношения были идеальные. Вы, надеюсь, верите?

— Конечно. А сейчас вы навещаетесь в Армению?

— А как же! Мы же армяне. Раз в год обязательно отправляемся в Ереван. Там наши родные — брат, его жена, их дочка. Всех их очень любим, особенно племянницу Маргольку. Она у нас и в Москве часто бывает. В Армении с друзьями нам всегда тепло. С некоторыми из них мы ровно полвека вместе. Мы с Геворком любим и в гости ходить, и у себя дома близких людей принимать.

— Гоар Леоновна, вы, как и ваш муж, тоже родом из Ростова?

— Нет, из Ленинакана, теперь — Помри, родилась в 1926-м, мои родители выехали оттуда в Иран, мне тогда

было пять лет. Я, когда в Тегеран приехала, по-русски вообще не говорила. А Геворк не знал армянского. Но постепенно выучились, хотя в начале знакомства общались чаще на фарси. Жили мы в самом центре Тегерана, там, где селились тогда армяне. Были мы ребятами общительными, знакомых у нас хватало.

В годы войны Тегеран был переполнен людьми. Как мы уже с вами говорили, сюда бежали от войны многие, в основном — обеспеченные люди из Европы. Сейчас во многих художественных фильмах о той поре вижу женщин в парандже. Но их-то как раз было немного. Наоборот, тон задавали хорошо одетые дамы в ярких одеждах. Бросались в глаза их цветастые, часто облегающие наряды, даже мини-юбки носили. Тегеран не был, конечно, законодателем мировой моды, но, можно сказать, следовал за ней. Понятно, что эта некая европеизированность почти не встречалась на бедных окраинах.

Узкие улочки города были забиты современными машинами, которые двигались со скоростью запряженных осликами тележек. Постоянные заторы, запруженные улицы, на которых застревали любые, даже самые охраняемые эскорты, и, конечно, легендарный базар, где продавалось абсолютно всё, непонятно каким образом в Иран попавшее.

— Но все-таки вы с Геворком были тогда совсем молодыми, юными. Помните, как познакомились?

— Конечно. Мне было тринадцать, и старший брат уже работал в группе Георгия. Георгий долго, года три, наверное, ко мне присматривался. Сначала давал какие-то легкие задания — пойти, принести, посмотреть. Потом предложил войти в его «Легкую кавалерию».

— Как удавалось вести наблюдение и выходить на фашистских агентов — понятно. Но вот как вы добывали важнейшие секретные сведения? Например, о точной дате нападения Гитлера на СССР?

— Относительно точной — это просто «вторая половина июня» 1941-го. В Тегеран в 1940-м понаехало столько немцев. Большинство из них трудилось на разведку. А квартиры, виллы, комнаты — уютные и чистые — многие снимали у наших армян. Если говорить языком разведки, мы «работали по немецкой колонии». Бывало, что отношения с хозяевами у постояльцев складывались самые доверительные. И у некоторых тут начиналась своя работа. У нас — с ними, а у них — с нами. Немцы всячески перетягивали нас на собственную сторону, заигрывали: не беспокойтесь, скоро не станет этих Советов. Мы приходили в гости к приятелям, соседям. Знакомились с их жильцами. И как тут, выслушав немцев, не задать наивный вопрос: «Ах, герр майор, скорей бы! Но почему вы так уверены в этом?» И получить вполне аргументированный ответ: всё произойдет летом 1941-го и закончится очень быстро — блицкригом. Если беседа складывалась, можно было осторожно копнуть и чуть глубже, осведомиться: почему не сейчас, не зимой? Нам терпеливо объясняли, что в жуткий мороз цивилизованные государства не воюют и потому германский рейх предпочитает покончить с русскими летом. Некоторые, которые уж очень любили прихвастнуть собственной осведомленностью, называли даже более конкретные даты — третья декада июня. Всеи этой информацией мы обменивались с нашими друзьями, а затем передавали по назначению. Жаль, в Центре именно на эти предупреждения реагировали слабовато. Впрочем, об этом мы узнали гораздо позже.

— А как вы общались с немцами? Ведь с языками у них обычно не слишком.

— Только не у тех образованных, профессионально подготовленных людей, которые наводнили Тегеран в 1940-м и 1941-м! Многие говорили на английском, на фарси, даже на русском. Да тут и не обязательно было быть первоклассным лингвистом. Даже объяснений на

ломаном языке, иногда на пальцах, вполне хватало. Некоторые любят поговорить — а разведчик обязан уметь слушать, поддерживать беседу и анализировать.

— Гоар Левоновна, а какими наградами награждены вы за это умение?

— Несколькими. Но не только за это. Любимая награда — орден Боевого Красного Знамени. Есть орден Отечественной войны II степени, боевые медали...

— Не припомните какой-нибудь эпизод из прошлого? И, если возможно, не иранского.

— Ну, как-то в одной стране приглашают нас с мужем на большой прием. И вдруг вижу, стоит там дама, с которой я встречалась тридцать лет назад — причем не только в другой стране, но и на совершенно ином континенте. Но у меня-то теперь уже совсем другая легенда, другая фамилия. Что делать? Я мгновенно поворачиваюсь — и на улицу. За мной сеньор, который нас всех и пригласил: «Куда же вы?» Я отвечаю, что мне плохо, разболелась голова, зуб... А он меня тащит в квартиру, уверяя: посидите в другой комнате, вам полегчает. Но я твердо стою на своем, добираюсь до машины и тут уж по газам. Какой там прием!

Теперь вы понимаете, провал в разведке может произойти и по независящим от нелегала причинам. Но очень часто мне припоминается случай, скорее эпизод, напрямую с разведкой не связанный. 1943 год. Идем мы с Геворком мимо советского посольства в Тегеране, и вдруг оттуда выходит худенький паренек, совсем мальчишечка в солдатской форме. Лет ему максимум четырнадцать, вся голова перебинтована, а на гимнастерке — звезда героя. Мы все восхищались, гадали, что же можно в таком возрасте сделать, чтобы получить такую награду. Тогда в Тегеран привозили раненых бойцов Красной армии — отдохнуть, подлечиться. И гордились мы этим парнем, и восхищались. И мысли нас посещали: вот, люди еще

моложе нас, совершают подвиги, а мы в свои восемнадцать... Так хотелось к этому мальчику подойти, поговорить. Только никак было нельзя. Потом нам рассказали, что где-то в партизанском тылу он взорвал немецкий штаб с шестью генералами.

— А другая мысль, может и слегка крамольная, вам в голову не приходила? Подвиг, действительно смелый, рискованный, даже героический поступок можно совершить раз, ну, два в жизни, а ваша работа на самом острие длилась больше четырех десятилетий.

— Да, срок «командировки» у нас был действительно длительный...

«Им с нами никогда не справиться»

Геворк Андреевич весь в разговоре. Но иногда я замечаю его мимолетный взгляд, чуть приметный жест, пойманный Гоар Левоновной, — и тотчас наша беседа переходит в несколько иное, более отвлеченное русло. И хотя фамилий, точных дат и географических названий мы договорились не упоминать, все же пытаюсь узнать мнение моих компетентнейших собеседников о разведке сегодняшней. Делаю далекий заход: ведь не совсем понятно, когда присвоено звание героя. И, насколько понимаю, не только за Иран, за предотвращение покушения на «Большую тройку» осенью 1943-го?

— Нет, конечно, — довольно сухо соглашается Геворк Андреевич, — об указе нам сообщили в 1984-м. Но мы находились еще вдалеке, и потому документы о награждении были выписаны на другую фамилию. И только после возвращения всё встало на свои места.

— А где, если не секрет, вам вручали героя?

— Уже дома, в 1986-м. И ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, военные медали и другие тоже.

— И все эти награды вам разрешено надевать? Или не совсем рекомендуется?

— Нет, можно. Но ношу, как правило, только мою звездочку, а Гоар — орден Боевого Красного Знамени. Это когда мы встречаемся с молодежью.

— Такое бывает?

— Почему нет? Поначалу выступали только перед слушателями Академии внешней разведки, Академии ФСБ России. Встречи эти, сами понимаете, были закрытые. Иногда выезжали в регионы. Был однажды забавный случай в Сочи. Проводилось там, еще при советской власти, в 1991 году, кустовое совещание. А потом нас пригласила к себе местная администрация. И набросилась тут с упреками на разведчиков сочинская дама-руководительница. До чего же она была занудистая: и деньги, мол, налогоплательщиков мы проедаем, и не нужна сейчас, когда наступила общемировая дружба, никакая разведка! Я ей спокойно так объясняю, что мы для граждан своей страны зарабатываем миллионы. Нелегал может действительно потратить сто тысяч долларов на приобретение сведений по научной информации, по технике, а чтобы сделать такое изобретение, понадобились бы миллионы и миллионы. Так что даем чистую прибыль. Все равно не убедил. И дама опять вопрос: почему же тогда ни у англичан, ни у американцев не было нелегальной разведки? Тут я оппонентке своей признаюсь — готовьтесь, сейчас выдам государственную тайну! Не было у них нелегалов потому, что ни один американец больше года советской жизни выдержать не смог бы. Смех, атмосфера не такая напряженная, и даже моя собеседница-упрямица осталась довольна, преподнесла нам букет прекрасных сочинских роз.

— В каждой шутке есть доля шутки. А если их — то есть шутки — в сторону? Как вам жилось в Стране Советов, когда вас, как подозреваю, вывозили из

зарубежья на отдых в СССР? Ведь там вы были людьми, если правильно понимаю, весьма состоятельными и обеспеченными. А здесь — дефицит. Поход с кошелками за продуктами. Очереди...

— Приезжали домой, и одно это уже было глотком чистого воздуха! Скажу, что стоять в очереди приятно — все равно не поверите. Но мы не принимали такие неудобства близко к сердцу. Приспосабливались. Мы ведь в своей стране, на родине! Было спокойно на душе. Ей-богу, о бытовых неудобствах как-то не задумывались. Не в них дело...

— Вы оба вообще производите впечатление людей спокойных и исключительно уравновешенных.

— Как разведчику без хороших нервов? Мы оба спокойны. И знаете почему? Никогда не вспоминаем плохого. Вы же понимаете, что, кроме успехов, случались и неудачи. А сколько было переживаний! Но мы просто отбрасываем всё плохое. Живем хорошим. Это тоже рецепт выживания. Наверняка именно такой здоровый, естественный, а совсем не бодряческий оптимизм помог продержаться нам больше четырех десятилетий. И, конечно, повторяю, не боясь высоких слов, помогли патриотизм и вера в родину.

— Вы этих слов не боитесь, но сегодня они далеко не всеми воспринимаются с энтузиазмом.

— Я часто задумываюсь: почему у нас в Иране, где сеть агентуры была такой разветвленной, почти не случилось провалов, предательств, которые в основном и губят разведчиков? Там десятки вербовок проводились на идейной основе. К нам шли на работу и помогали с гордостью, довольно часто обижаясь на предложение принять в качестве благодарности деньги. Наша легальная резидентура действовала активно: люди передавали сведения добровольно, сами искали встреч с нашими сотрудниками, предлагали свои услуги.

— Может, чтобы избежать знакомств, за которыми может последовать провал, есть сегодня смысл ограничиться только использованием чисто технических средств?

— Радио, спутники, компьютеры... — всё это действует, и успешно. Но без человеческого фактора, назовем это так, разведки не было и никогда не будет. То, что можем мы, разведчики, одной техникой не получить. У представителя нашей профессии должно быть отличное обаяние, аура. Он должен уметь расположить к себе. Нет этих качеств — значит, трудно приобрести связи. Очень часто нужный тебе человек, носитель секретной информации, на вербовку не идет. Но благодаря установившимся личным отношениям она может и не потребоваться. Столько он тебе всего по дружбе нараскажет, что и деньги тратить не надо.

— В вашей практике такое было?

— Конечно! Человеческий фактор играет очень большую роль. Техника будет модернизироваться, совершенствоваться, а это — остается навечно. Ведь если ты даже вербуешь на материальной основе, ты должен убедить человека, расположить его к себе. Иначе он может не довериться, побояться провокации. Иногда, когда проводишь вербовку, человек не сразу сознает — куда, кто, зачем и чего от него хотят? Случается, что потом всё становится на свои места, но он все равно будет прикидываться, что не понял. Так некоторым легче. Часто, если агент почувствовал, что работает за хорошее денежное вознаграждение, то сам старается больше принести, чтобы и больше получать...

— А как вы передавали информацию в Центр?

— Через тайники. Использовали связь — радио и электронную. У нас связь была четко налажена и никогда не прерывалась. Потому что разведчик без связи — это никакой не разведчик.

«Мы страну не подводим!»

— Геворк Андреевич, значит, Страна Советов распалась, за идеи иностранные ваши агенты рисковать не собираются, а разведка, несмотря ни на что, здравствует?

— Тут громадная заслуга руководства Службы внешней разведки. Сумели достойно выдержать все нападки, особенно в 1992—1993-м. И выстояли, сохранили костяк. А уж как нападали на разведку!

— Как вы все-таки думаете — почему?

— Да потому, что американцам, англичанам да и другим нашим исконным «друзьям» она сидит костью поперек горла. Не могут они с нашей разведкой справиться! И как же они жали, чтобы с нами покончить! В некоторые периоды совсем недавней российской истории они даже выходили на МИД, на наших послов: мол, кончайте вы с этой вашей разведкой, закрывайте резидентуры. Сейчас с этим поутихло, теперь спокойнее стало, поняли, что не получается. Но еще сравнительно недавно работа такая была в полном разгаре. Для меня всё это объяснимо: действительно, технические возможности сейчас безграничные...

— В каком смысле? У разведчиков? Поясните, пожалуйста!

— Не только у разведчиков, но и у контрразведчиков тоже. И резидентуре работать стало исключительно сложно. Она все время «под колпаком» и очень мощным. Но если разведчик соблюдает все правила конспирации, если у него безукоризненное поведение и он успешно выполняет все свои обязанности по прикрытию — поверьте, контрразведке установить его непросто.

Кто первый в битве разведок?

— Геворк Андреевич, вы полагаете, в России действуют их нелегалы? Несмотря на все ваши шутки, что больше года им у нас не протянуть?

— Тут уж шутки в сторону. Думаю, такие чужие люди у нас есть. А вот такой службы, какой была наша нелегальная разведка, созданная еще в 1922 году, ни у кого нет. Может, только израильский МОССАД здесь в определенном смысле исключение. У них ведь практически во всех странах очень сплоченная диаспора. Могут ее использовать. На практике это выглядит так: МОССАД вербует своего соплеменника, и в этой зарубежной стране он уже как бы нелегал.

— А есть ли нечто подобное в других разведках? У англичан, к примеру, колонии были разбросаны по всему миру. Связи же наверняка остаются...

— Насколько мне известно, западные спецслужбы используют своих нелегалов в основном для выполнения разовых заданий. Посадят его на три месяца, ну, на шесть — и всё. А наши десятилетиями работали, мы оседали надолго. Потому и результаты получали. Служба была очень толково поставлена. Про англичан вы правильно спросили. У них разведка всегда была сильной и сегодня такой же остается. Пожалуй, они после нас вторые. Мы — впереди. Я вам честно признаюсь, что Гоар и мне со многими спецслужбами приходилось встречаться. Одно то, что мы спокойно вернулись нераскрытыми, говорит о моей правоте.

— А американцы?

— Что американцы? У них на разведку тратят миллиарды долларов! Только этим они во многом и берут.

— Геворк Андреевич, я задам вам тот неприятный вопрос, который в разговоре по нашей теме не задать все-таки нельзя: в чем состоят причины провала наших разведчиков и их агентов?

Кто виноват в провалах?

Прежде чем перейти к болезненной теме, приведу мнение одного из руководителей Службы нашей внешней разведки. Так вот, он, десятилетия работавший и в штаб-квартире СВР, и, как говорят разведчики, «в поле», не сомневается, что причина большинства провалов — в «кротах», которые пробрались в святая святых. Он не предъявляет юридических обвинений экс-генералу Калугину, но тем не менее почти полностью уверен, что именно этот человек сыграл зловещую роль в деле суперагента Эймса. Да и в делах менее громких — тоже. Потому и интересно мне было узнать, что же думают по этому поводу люди, на себе испытавшие все тяготы жизни разведчика. И свидетельство Героя Советского Союза Геворка Вартаняна здесь исключительно ценно:

— Конечно, причина прежде всего в предательстве.
— И Эймса тоже предали?
— Безусловно.
— Кто бы рассказал, как наша разведка вообще на него вышла...

— Выходят. Без таких агентов никак нельзя ни им, ни нам. Жаль, что пока невозможно рассказать о том, как это происходит. Давайте вернемся к теме предательства. Пока существуют разведки, такие люди были, есть и будут. Последние в этом ряду — Гордиевский и Калугин.

— Геворк Андреевич, вы ставите Калугина в один ряд с Гордиевским?

— Без всяких сомнений! Он — явный предатель. И не надо было его последний раз отпускать в США. Не исключено, что и к делу Эймса он тоже приложил руку. Но предатели — существа отпетые. В спецслужбах, куда они перебежали, на них смотрят как на людей второго сорта. Раньше подобные пытались делать из себя борцов

против коммунизма — мол, выдавали своих на идейной основе. Сейчас эта мода ушла, под кого теперь окрашиваться? И оправдываться-то нечем. Я только одно скажу: среди нелегалов предателей практически не было.

— Как же «не было»? А подполковник Рейно Хейханен — «Вик», который жил в США и предал Фишера—Абеля?

— А, это тот пьяница и разложившийся человек? Его нелегалом можно назвать лишь с огромной натяжкой. Разведчик должен почувствовать, если его помощник, агент встает на дорожку, которая может привести к печальным, трагическим последствиям. Абель это понял, просил об отзыве «Вика». Центр менял связника, но человек, отправлявшийся на смену, до места не доехал: произошел несчастный случай, трагическое и редчайшее стечение обстоятельств, а обернулось — трагедией для Абеля... И ни в коем случае нельзя держать при себе ничего компрометирующего! Всегда надо помнить, что если у вас даже при случайном обыске найдут письма на чужом языке, то это — провал.

— Геворк Андреевич, но ведь человек годами в отрыве от родины, от любимых и близких! И когда раз в году на чужбину тебе пишут отец с матерью или сын, дочка, что, такую весточку нельзя сохранить, носить, простите за сентиментальность, на сердце?

Тут уже осуждающе хмурится Гоар Леоновна:

— Ни в коем случае, никогда! Мы читали и перечитывали письмо дважды, трижды и сразу же его сжигали. Правила такие. Жалко? Да, даже больно! Но сделать ничего нельзя — и всё тут. Это чувство надо в себе воспитывать и уметь справляться с иными позывами и желаниями. Иначе сразу ставишь под удар и себя, и других. Поверьте, маленькие, совершенно ничтожные вещи способны нанести ущерб

непоправимый. Береженого Бог бережет. Нас он сберег...

Своя жизнь после чужой

— Геворк Андреевич, судя по тому, что у вас есть и рабочий телефон, вы отдел не отходите?

— Тружусь.

— И ездите на работу каждый день?

— Стараюсь.

— Так далеко ведь.

— Не так уж. Помогает держать форму.

— Вы — полковник?

— Полковник. Поздно получил. Я до этого вопрос однажды поднимал, чтобы звание присвоили. Но кадровик не понял, говорит: «Зачем вам звание? Ходите свободно». Обидно! Спасибо, Андропов присвоил.

— Он, если не ошибаюсь, тогда уже был председателем КГБ. Ваша информация доходила и лично до него?

— Доходила, и, как мне рассказывают, регулярно. Однажды Юрий Владимирович очень заинтересовался одним сообщением — чисто политическим. И спросил у кого-то из руководителей Первого главного управления, который и делал доклад: «А в каком звании "Анри"?» Тот объяснил: не аттестован. Андропов удивился, предложил исправить положение. И в 1968-м, мне тогда было уже сорок четыре года, присвоено первое мое воинское звание — капитан. Но уже вскоре, через семь лет, я стал полковником. Это произошло одновременно с награждением меня орденом Красного Знамени.

— Орден за что-то конкретное?

— Именно: «за конкретные результаты в работе». Скажу так, что два руководителя — Юрий Владимирович Андропов и первый директор Службы внешней разведки России Евгений Максимович Примаков — сыграли

большую роль в нашей с Гоар судьбе. В 1994 году, при Примакове, я получил пять боевых наград — как участник Великой Отечественной.

— Разве за Тегеран-43 вы ничего не получали?

— Как не получали? После предотвращения теракта наша «Легкая кавалерия» получила благодарственную телеграмму от начальника отдела из Центра. Телеграмма, полученная резидентурой из Москвы! Представляете?! Мы были счастливы.

— И это — всё?

— На то время — да. Но меньше всего в военные годы мы думали о наградах. Надо было помогать родине.

— Геворк Андреевич, а можно спросить: членом партии вы были?

— Да, вступил в 1958 году. А Гоар — позже, в отпуске, во время одного из наших приездов домой.

— Владимир Путин назвал распад Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века». А как бы вы оценили события 1991 года?

— Тяжелый момент в истории! И разведка переживала тогда исключительно нелегкие времена. Но теперь-то ясно, что мы выстояли. А события 1991 года оцениваю с горечью...

— Гоар Леоновна, а вы по званию кто?

— А я так и не была аттестована. Чебриков, правда, в 1986 году, когда я формально на пенсию выходила, назначил мне пенсию полковника — 250 рублей, по тем временам немало. Но сейчас, понятно, обыкновенную пенсию получаю. Плюс — дотацию небольшую. Работником сейчас не считаюсь. Но помогаю, чем могу.

— Позвольте вопрос, возможно, и не совсем деликатный. Столько десятилетий в зарубежье и на такой смертельно опасной работе. Вы материально хотя бы обеспечены нормально? Ведь «там» нажитое,

догадываюсь, ушло безвозвратно, а здесь есть хоть что-то? Может, осталось от отца?

— У него был большой дом в Ростове, — сказал Геворк Андреевич и даже показал мне фотографию особняка. — И купчая отцовская сохранилась. Теперь в этом двухэтажном доме живут двенадцать семей. Мы с Гоар ездили, смотрели. Естественно, на дом мы не претендуем. Когда вся семья вернулась в начале пятидесятых из Тегерана, нам хотели дать квартиру в Ереване. Но отец отказался. Сказал, что мы — люди относительно обеспеченные, построим всё сами, и квартиру попросил дать нуждающимся. Только вот дали или не дали — этого я вам уже не скажу.

— Вы считаете себя людьми обеспеченными?

— По нашим меркам, конечно.

— Дача, машина?

— Дачу нам дала Служба. Машину — продали. Да и была она у нас тут в солидном двадцатилетнем возрасте. Счастье-то совсем не в том. Мы сделали всё, что только могли и вернулись домой, на родину. Вот в этом — счастье!

Глава 3.

БОЛЬШЕ 120 ЛЕТ В НЕЛЕГАЛАХ

И снова — большой разговор с Вартанянами. На этот раз накануне 85-летия Геворка Андреевича. Конечно, мы встречались и до этого, беседовали довольно регулярно. Но сейчас решили немного расширить тему, и если получится, коснуться не только Тегерана, но перевернуть и другие странички.

Гоар Левоновна в строгом платье и умело, со вкусом, подобранных к нему туфельках на высоких каблуках. Смеется: «Вы же тогда написали про эти каблочки, вот и приходится держаться». Блюда на столе не по-нашему, не по-московски, вкусны. Но главное, бесспорно, это рассказчик — Геворк Андреевич.

— Геворк Андреевич, юбилеи — юбилеями, восемьдесят пять — это уже серьезно, но, судя по тому, что удалось вас застать только по рабочему телефону, вы по-прежнему на службе? То есть — в Службе?

— Отъезд на работу каждое утро — в девять, и минут через сорок я уже на месте. Вот обратно, иногда на час-полтора, — стоим в пробке. А на работе — все свои, обстановка и деловая, и дружеская. Пока приношу пользу, мне самому приятно. Для нас с женой работа — это наш кислород.

— Если можно, в общих словах, чем сейчас занимаетесь?

— В общих: с молодежью встречаюсь, с сотрудниками наших управлений, с теми, кто находится на подготовке по нашей линии — готовим их к такой же работе, как моя. Рассказать есть о чем. Плюс много езжу по России, и один, и с Гоар — стараемся не отказывать, когда приглашают. Недавно был в Астане.

— До Казахстана часа четыре с половиной лёта — тяжело.

— Когда видишь, как люди ждут, о тяжестях не вспоминаешь. Бываю не только в специальных наших вузах, но и в различных институтах, университетах. Недавно снова заглянул в Московскую финансово-юридическую академию: выступал в ней года два назад. Теперь студенты музей открыли, есть наши с женой фотографии, стенды...

— После стольких лет безвестности — такая популярность! Вас, наверное, и на улице узнают? Не давит?

— Узнают и в Ереване, мы туда стараемся пару раз в год обязательно выбраться, и дома, в Москве.

— Вы же со звездочкой...

Гоар Левоновна тут же возражает:

— Нет, Жора со звездочкой — редко!

— Популярность, может, чересчур, но после того, как нас «открыли» и «приоткрыли», многие, даже незнакомые, подходят: извините, вы тот разведчик — Вартанян? Позвольте пожать вашу руку, спасибо за то, что сделали, гордимся вами... На праздники прямо на улице поздравляют. Соседи радуются: мы и не знали, что живем рядом с разведчиками! Конечно, это никак не давит. Приятная популярность.

— Не утомляет?

— Это — приятное утомление. Ощущаешь, что какой-то след мы с Гоар оставили. И спасибо вам, Николай, за то, что вы, неплохо нас с женой зная, ни разу не задали нам банального вопроса: пошел бы я снова в нелегалы, если бы представился шанс всё начать заново? Клянусь, у меня никаких сомнений — мы выбрали свой правильный путь!

— А я в этом не сомневался, Геворк Андреевич, и если вы работаете с молодыми ребятами — значит, есть

и продолжатели вашего дела? Та часть разведки, к которой принадлежите вы, остается?

— Конечно. И дает результаты. Люди, которых мы годы назад готовили, возвращаются с боевого поста. Хорошие ребята—у нас отличная смена!

— Догадываюсь, вы с ними сегодня занимаетесь не языками...

— Нет. Просто напутствия, пожелания. Иногда у них возникают вопросы — отвечаю. А так — есть у нас, можно сказать, тренеры, которые дают им всё, что надо...

— С какого, примерно, времени вы в разведке?

— Почему примерно? У меня свой праздник: 4 февраля 1940 года — и по сегодняшний день. 45 лет, считая иранский период, в нелегальной разведке в зарубежье. Со льготами, которые полагаются, выходит больше 120 лет.

— А я на два года меньше, — уточняет Гоар Леоновна. — Вокруг нас все помоложе, говорят: вы столько лет в разведке! Мы еще не родились, а вы уже работали...

— Я знаком со многими разведчиками и радуюсь их долголетию. Герой России Алексей Николаевич Ботян в девяносто два года снялся в фильме и на премьере своей картины тактично, но здорово отбрил иностранного журналиста, задававшего некорректные вопросы. Сейчас ему девяносто шесть, и по субботам он играет в волейбол. Джордж Блей к накануне своего восьмидесятипятилетия написал книгу «Прозрачные стены», выпущенную издательством «Молодая гвардия». Корифеи разведки Борис Игнатьевич Гудзь, Михаил Исаакович Мукасей, Илья Григорьевич Старинов ушли, когда им было за сто лет! Помню, как Борису Игнатьевичу, уже когда ему стукнула сотня, я как-то помогал выбирать лыжные палки. У столетнего Михаила Исааковича память была поразительная. Расскажет мне

эпизод-другой, а наутро звонок — мол, давайте эту деталь исключим, еще не время, зато вот эту прибавим. Долгую жизнь прожили герои Российской Федерации Александр Семенович Феклисов и Владимир Борисович Барковский — светлейшие головы разведки, до конца дней остававшиеся потрясающими собеседниками... В свои солиднейшие годы поражали глубочайшей культурой американцы Леонтина и Моррис Коэн, легендарный Павел Анатольевич Судоплатов, связник «полковника Абеля» — Юрий Сергеевич Соколов, Зоя Васильевна Зарубина... Это только те, кого я знал — кроме, к сожалению, Судоплатова — лично. Ну, неслучайно такое. В чем-то же, но есть секрет плодотворного долголетия?

— Ответ простой. Наша работа. Она увлекательная. Тебе хочется жить, чтобы работать, работать... Видишь: твой труд приносит пользу, значит, нельзя останавливаться. Сомневаюсь, что долгий отдых идет на пользу. Мы вам рассказывали: Служба сделала нам с Гоар отличный подарок — построила дачу. Никогда у нас здесь ее не было. Но за три года мы надолго, то есть на неделю, выбрались туда лишь однажды. И хватит. Вот, десять дней этих «зимних каникул» — кажется, многовато. Надо держаться в тонусе. И нельзя давать себе расслабляться. Ни в коем случае!

— Иногда в книгах даже ваших бывших начальников проскальзывали какие-то намеки на вашу работу — ту, что вы вели после Тегерана. Но эта стадия — без сроков давности?

— Есть вещи, которых вообще не откроют — никогда! Кое-что, быть может, чуть-чуть. Даже в операциях по Тегерану, о котором мыс вами подробно в свое время беседовали, столько всего, о чем не сказано и что совсем не тронута... Хотя сняты фильмы, написаны книги.

— И вы с этим живете. Но разве не хотелось бы кому-нибудь рассказать, поведать?

— Мы к этому привыкли. Лишнее — не говорим.

— А воспоминания — не для публики — для будущих учеников, для истории, извините за пафос, для вечности? Берете магнитофон, наговариваете. Представляю, что вы можете рассказать.

— А если каким-то образом это попадет в чужие руки? Такое исключить нельзя. Скольких людей подставим! Ну, что-то, понятно, для пользы дела пишем. Вернувшись очень и очень давно из, скажем так, одной страны, Гоар, по просьбе Службы, написала некое пособие. Как себя в этом не совсем обычном государстве вести, о традициях, манерах, способах общения. Столько лет прошло — а коротким этим путеводителем до сих пор пользуются. Ну а дела наши, и подробнейше изложенные, хранятся в архивах. Так надежнее.

Но что-то выходит, вылезает. Вот вам — о последнем эпизоде. После съемок английского телефильма о покушении на «Большую тройку» — их вела в Москве внучка Черчилля, Селия Сандис, с которой мы познакомились, появилось в прессе немало статей, и ваши тоже... И семья, с которой мы дружили в одной из далеких дальневосточных стран и не виделись с 1960-го, нас отыскала, прочитав эти статьи. Мы выехали из Ирана под своей фамилией — Вартаняны, и они нас по ней знали. Сейчас они живут в Лондоне и увидели в газете фото — мы в ту пору — и сегодня...

— Точно! Это из «Российской газеты».

— И друзья нас, конечно, узнали. Обращались к знакомым, искали номер нашего телефона, и мы с Гоар решили: пусть звонят. Тут же через неделю приехали со слезами на глазах в Москву всей семьей, и мы провели с ними целую неделю. Теплые люди, горевали, думали, мы погибли.

— Знали, чем вы по-настоящему занимались?

— Нет! Даже не догадывались. А сейчас — не спрашивали. Гоар Левоновна добавляет:

— Но прорвалось все-таки: «Кто бы мог подумать!»

— Они — наши друзья. Почему у разведчика-нелегала не может быть в чужой стране близких друзей, с его работой никак не связанных? У нас по всему миру много знакомых, товарищей.

— И они помогали вам в работе?

— Не в оперативной. Понимаете, мы всегда чувствовали себя надежно в компании нормальных людей. Но и в их обществе нельзя терять чувства осторожности. Потому что и среди вроде бы своих могут попадаться провокаторы. Надо распознавать людей — ведь сама наша профессия заставляет быть психологами. А когда приходилось уезжать, то наверняка друзья потом интересовались: куда же эта пара пропала, исчезла? Не думаю, что и сегодня они знают, где мы сейчас, кем были. Если только видели фильмы, читали статьи. Здесь нет цинизма, но это — жизнь разведчика, и нам важно было иметь такое вот окружение. Потому что если полиция вдруг проявляет заинтересованность, то начинает всегда с твоих близких. А друзья всегда отзываются о тебе хорошо...

— Но почему?

— Опасно. Мол, чего же ты тогда дружил с плохим человеком?

— Вы всегда работали под армянскими фамилиями?

— Под разными. В зависимости от обстановки.

— Расскажите, пожалуйста, о своем восприятии Армении и армян.

— Мы с Гоар — армяне. И гордимся нашим талантливым народом. Он к тому же и добр, и гостеприимен.

— Блюда на вашем столе не по-московски вкусны... И коньяк — тоже!

— Я же говорю, что мы армяне. Блюда — это, конечно, Гоар, а армянский коньяк не перестал быть — спасибо нашим друзьям из Еревана — отличным коньяком.

— Вы так хорошо говорите, что я с вами сижу и слушаю, — тут же отзывается Гоар Левоновна. — А надо чай принести.

— Геворк Андреевич, вот и Гоар Левоновне интересно. Может, еще что-то из нерассказанного?

— О случайных встречах, которые для нелегалов смертельны, мы уже говорили. Но вот еще об одной. В 1970 году мы выбираемся в отпуск из нашего нелегального зарубежья — и отдыхаем в Ереване. Гуляем по центру, вдруг прямо на нас идут знакомые! Объятия, поцелуи искренние, люди-то они хорошие. Ясно, не догадывались, кто мы. Помогли нам в одном государстве легализоваться. Их дом — как наш родной. Через них мы создали свое окружение, вошли в общество... Когда мы покидали ту страну, то уезжали, с ними не попрощавшись. Такова жизнь нелегала. И вот в Ереване пошли вопросы: где вы, как вы? Почему из такой-то страны уехали?

— И мы неделю — с ними, — дополняет Гоар Левоновна. — В Ереване нам тогда пришлось трудно! Всюду знакомые — ведь мы там после Тегерана учились, и эти знакомые могли при них подойти, расспросить...

— Но были и друзья иного рода?

— Те, которые помогали или были нами завербованы? Или не были завербованы, но все равно, как у нас говорят, из которых «качали информацию»? Некоторые делились ценными для нас новостями просто на доверительных началах. Это уже чисто человеческий фактор. Когда есть что рассказать и найден хороший внимательный собеседник, хочется излить душу. А если вы вовремя задаете еще и наводящий вопрос, то не надо никакой вербовки. Бывает достаточно знакомства с

компетентным человеком. Да и вообще: вербовка — дело тонкое.

Если я вербую кого-то, значит, я себя раскрываю. Откуда у меня полная уверенность, что завтра он меня не выдаст?

— Вы вспоминаете о друзьях, которые вас нашли после того, как вас слегка рассекретили. А люди вашей профессии, из других разведок, с которыми вы общались, как-то проявлялись?

— Нет, никак. Думаю, многим из них это просто невыгодно. Особенно — профессионалам из спецслужб и спецорганов. Полагаю, узнав о нас, кое-кто лишь с огорчением почесал затылок. Им ведь невыгодно признаваться, что общались с нами, были хорошо знакомы и упустили нас, точнее — не раскусили. В таком случае, вообще-то, положено прийти к руководству и доложить — но за такие «знакомства» и со службы погнать могут... Так что мы здесь, дома, они — по-прежнему там и молчат, и мы друг друга теперь никак не касаемся.

— Геворк Андреевич, а нельзя ли еще рассказать об эпизодах, пусть и не оперативных? Примеры ваши — они всегда наглядные.

— Ну, Николай, льстите! Но вы заговорили о случаях, об эпизодах, и мне припомнилось, что однажды в одной стране...

— О, эта «одна страна»!..

— Так именно в ней, далекой или близкой, похитили опять-таки одного руководителя. И все силы государства были брошены на поиски преступников. Остановили на полицейском посту и меня, проверили документы — откройте багажник! Не выходя из машины, даю ключи. Открыли, посмотрели, и я поехал дальше. Следующий пост — всё точно также. И вдруг: «Выходите из машины!» Выходим и видим наставленные на нас стволы. «Что это?!» — говорит полицейский, показывая

на открытый багажник. И я вижу, что там лежит автомат... Меня спрашивают: «Это чей?» Спокойно говорю, что, мол, это вы туда бросили — не мой же. Но ситуация, сами понимаете, напряженная. Похищен крупный государственный чиновник, его ищут... И тут вдруг к нам на мотоцикле, с сиреной и блестящими огнями, летит полицейский с первого поста! Оказывается, он при осмотре положил свой автомат в мой багажник да так его там и забыл. Понимаете?! Вопиющая полицейская небрежность: забыть оружие, когда шуровал при досмотре! Случай, конечно, анекдотичный. Но я-то сначала подумал, что разыгрывают провокацию! Вот где можно было засыпаться... Правда, потом мы бы доказали свою непричастность. Но скольких нервов это бы стоило, какого времени и какое к нам бы тогда внимание было? Совсем, как вы понимаете, нежелательное для разведчика.

— А бывало, что, грубо говоря, вам приходилось смываться?

— Нет, если смоешься — то уже всё! Но вот что произошло в другой стране, где в ту пору находились серьезные военные учреждения. Мы в том городе работали и не безрезультатно. Были у меня на связи важные персоны. И вдруг наши меня вызывают на встречу. Говорят: за вами увязалась наружка. Надо срочно в Москву. Ваш захват произойдет в таком-то аэропорту такого-то числа. И когда он назвал дату, то сердце мое ёкнуло. Потому что именно на этот день у меня и был заказан билет. Думаю, скажу ему про это, он вообще перепугается — хана. Но надо же, какие в жизни бывают совпадения! И спокойно, поверьте, исключительно спокойно объясняю нашему товарищу, что два раза в день проверяюсь, никакой наружки нет, произошла ошибка. Прошу передать в Москву, что это какая-то путаница, недоразумение. Нельзя из-за нее

бросать налаженное дело и, как вы говорите, смываться. С трудом, но, однако, убеждаю в этом. Успевая и укорить: вот там-то, рядом, стоят двое ваших — их за версту видно, откуда они в этот цветущий город прибыли! Вот кто может меня засветить. Спокойно прощаюсь, оставляя раздосадованного соотечественника в глубоких переживаниях.

Проверяюсь, всё чисто, за мной не следят, прихожу в скромную свою гостиницу, и тут администратор передает мне повестку: завтра в десять часов утра меня вызывают в полицию. И тут у меня от сердца отлегло.

— Как отлегло? Ведь вызывают в полицию!

— Если бы действительно меня решили брать, то уж в полицию точно бы не вызывали. Чтобы не спугнуть. Пошел я в полицию, а там — мелкая формальность, которую быстро уладил.

— Но откуда тогда было такое беспокойство за вашу жизнь? Почему решили, что вы под «колпаком»?

— Если коротко, то лишь потом удалось выяснить, что за восточным человеком моего возраста, роста и наружности действительно ходит наружка. Кто он и что наделал, так и останется неизвестным. И подумали, что это я, хотели меня обезопасить, бросились срочно спасать. Если бы в тот раз нервы у меня сдали, то мы бы много чего не сделали. А так еще долгое-долгое время очень неплохо работали. Но мы терпели всё это спокойно. Потом привыкли. С годами пришел опыт, появилась натренированность.

— Приходилось ли сталкиваться, общаться с разведчиками других государств?

— Всякое бывало. Тут и легальные разведчики под прикрытием сотрудников посольств. И официальные представители ФБР, ЦРУ. Мы бывали с ними в компаниях, и когда они начинали спорить, иногда сталкиваться в разговоре между собой, то и вопросов задавать не приходилось. Надо было только слушать — спокойно

слушать. Иногда ко мне, вполне легализированному в этой стране, скажем, бизнесмену, делались подходы. Что ж, черт с ними, и я мог что-то дать им по экономике, по бизнесу. Чаще всего мне задавали вопросы по инвестированию денег. Ты советуешь, но и тебе дают некоторые политические прогнозы, ведь эти ребята имеют в стране влияние, а в результате получаешь исключительно ценную информацию.

— Вы с Гоар Левоновной рассказывали, что приезжали домой в отпуск. А это не рискованно? Пересечение границ, показ документов... Момент деликатный.

— Технически это не очень опасно. Но тогда, вообще-то, это было сложнее: не было такого потока людей. И внимания на всех хватало. Мы всегда смотрели, к какому окошку идти. Видишь же, как человек работает. Быстро схватываешь: этот придирается. Потихоньку переходишь в другую очередь. Опытный работник тебя пропускает быстро. А молодые — скрупулезно. Так что у приезжающего есть свобода выбора. И оценки тоже.

— Даже такие мелочи?

— Из них тоже и состоит жизнь нелегала.

— Сегодня всё настолько компьютеризировано...

— Да, кое в чем стало сложнее. Но против всякого нововведения есть и противоядие.

— Но теперь вводится биометрия. Ее же не обманешь?

— И как же тогда? — спрашивает у Геворка Андреевича Гоар Левоновна. Ей тоже интересно.

— Выход есть! Наука, техника работают, развиваются... Но давайте о другом: если ты становишься гражданином этой страны, значит, ты прошел всю проверку — и специальных служб тоже. Тебе нечего бояться. У нас было официальное гражданство и документы — совершенно официальные, реальные, никакой «липы».

— Однажды даже мэр города нам документы вручал!
— не без гордости уточняет Гоар Левоновна.

— Мы гражданство получали, когда нужно было.

— Но я повторюсь: а если нажатие на кнопку компьютера?

— Пусть они хоть на двадцать кнопок нажмут. У тебя же всё правильно. Бывали случаи, что какое-то время приходилось работать и по «липовым» паспортам. Но у нас всё умеют делать очень красиво и качественно. Тут учитывается всё.

— Случалось, надо было быстро менять паспорта, — вспоминает Гоар Левоновна. — Но это уже техника.

— Вы, вообще, считали страны, в которых пришлось побывать?

— Доходит, наверное, до ста. Но это не значит, что в каждой из них мы работали. Бывали проездом, или неделю, пару недель, месяц. Но под сотню за сорок пять лет — точно. В одной-единственной стране так долго, сколько прожили в зарубежье мы, нельзя: неинтересно для разведки. Основная работа была в нескольких десятках стран.

— В тех, где я вновь выходила замуж. Когда однажды вместе с группой женщин мы встречались с Владимиром Владимировичем Путиным под 8 Марта, он задал мне вопрос: в каких странах вы были? Я честно ответила: во многих. И он, мгновенно всё поняв, посмотрел, засмеялся.

— Геворк Андреевич, я слышал, как свободно говорили вы с внучкой Черчилля на английском.

— Ну, не очень свободно! Всё же два десятка лет прошло. Но языки сидят в нас с Гоар крепко.

— Иногда я предлагаю: давай поговорим на других языках, чтобы не забыть, — улыбается Гоар Левоновна.

— Не соглашается!

— Надоели они мне. Хочется на своих.

— Встречались мы с Игорем Костолевским — он играл главную роль в «Тегеране-43», — рассказывает Гоар Левоновна. — Актер — прекрасный, человек — милый, и он не знал, что за встречу готовят ему в театре. Когда нас увидел, сразу встал, обнял. Так хорошо поговорили... Но я спросила: почему у вас Тегеран в фильме такой обшарпанный? В ту пору был красивый город! И Костолевский ответил, что снимали в Баку. Я ему: но и в Баку ведь могли подобрать что-то попримечательнее...

— А я заметил Костолевскому, что зря он там все время стрелял. Разведчик перестает быть разведчиком, если начинает применять оружие.

— Геворк Андреевич и Гоар Левоновна, вы оптимисты, но были же и трудные моменты, которые переживались тяжело?

Гоар Левоновна соглашается:

— Когда первый раз после Тегерана мы уехали далеко и надолго, мне не давало покоя то, что мы расстались с родителями. Я очень любила маму, без нее тосковала. Так, чтобы обидеть ее, сказать ей что-то не так — в жизни моей даже близко не было! Но три года мама моя плакала из-за нас. И у Жоры отец тоже мучился. Переживал и каждый день ходил к моей маме.

— Но мой отец знал нашу работу... Хотя каждые два-три года мы вырывались в отпуск.

— И еще письма мы им изредка писали. — Гоар Левоновна чуть усмехнулась. — Но какие? Всегда одно и то же: чувствуем себя хорошо, не волнуйтесь, у нас всё нормально, желаем, чтобы у вас тоже всё было хорошо. Вот и всё. Потом уже сами над собой начали смеяться. И решили, что больше посылать этих писем не будем: ну что мы пишем?

— А что получали в ответ?

— Ответ по радио получали такой: дома у вас всё нормально.

— А дома все о вас знали и знают?

— Ну, что-то и знают, многого — нет, — с улыбкой отвечает Гоар Левоновна. — Конечно, жить вдали от близких — очень непросто...

— И все-таки почему вы решили возвратиться: устали, требовался отдых?

— В 1984 году мне присвоили звание Героя Советского Союза. Выдали удостоверение, здесь, в Москве, на другие документы и фамилию, чтобы никуда не просачивалось. «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1984 года товарищу .... за мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий, присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда"». Гоар — орден Красного Знамени. Когда нам об этом сообщили, то мы собрались быстро, энергично и заказали в ресторане отличное вино. Радость — огромная и нежданная. Никто нам ни намеком, ни полусловом! Я потом догадывался, что тут многое исходит от Юрия Ивановича Дроздова.

Но тогда, в 1985—1986 годах, были уже и предательства. И мы с Гоар подумали, что проработали столько лет. Перешагнули за шестьдесят годков. Мы не то что устали, но решили, что хватит скитаться, когда подходит такой возраст. Что, если пожить спокойно? Ведь получить звание героя — это не только высшее счастье, но и, поверьте, некоторая потенциальная опасность. Весть эта как-то всё же могла просочиться... Неизвестный герой, разведчик-нелегал, — кто он, откуда, что это за шишка? Тут уже контрразведка любой страны могла начать искать, наводить справки. И во время очередного отпуска, когда мы приехали сюда в 1984-м, мы попросили о том, чтобы потихоньку возвратиться. Тогда во главе разведки стояли Чебриков, Крючков, Дроздов. Нам разрешили, дали пару лет на спокойное завершение дел. И мы вернулись...

Звездочку вручал мне Чебриков, уже после нашего окончательного возвращения. Указ был подписан 28 мая 1984-го, а удостоверение — от 26 декабря 1986-го и теперь — на мою фамилию. Нас берегли. На удостоверении о моем награждении орденом Красного Знамени от 13 декабря 1977 года, выписанном на мою фамилию, вместо моего фото — штамп «действительно без фотокарточки».

И чтобы закончить тему о наградах, то 11 марта 1985-го вышел указ о награждении меня очень дорогим для меня орденом Отечественной войны II степени.

— Выражение «награда нашла героя» в данном случае более чем уместно...

— Я своими наградами горжусь: медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией»... В 1992 году мне вручили знак «За службу в разведке», а в 2004-м — орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Вообще-то, за границей нам можно было бы поработать еще лет десять. Потому что нам везло: не было вокруг предателей. И мы, не разрушая за собой мостов, приехали в Советский Союз. Прошло еще полтора десятка лет. Никто нами не интересовался, никто нас не искал. И только в конце 2000 года появилась ваша статья о нашем тегеранском периоде, пошли телепередачи. Но, по словам многолетнего руководителя нелегальной разведки Дроздова, «все эти цэрэушники и контрразведчики, которые дружили с вами десятки лет, не пойдут и не скажут, какие же мы дураки! Оказывается, эти советские разведчики работали у нас под носом!».

— А позвольте житейский вопрос... Всё то, что было нажито вами там, в чужих странах — это всё осталось по ту сторону?

— Мы вернулись с двумя туристическими чемоданами... Гоар Леоновна говорит без тени

сожаления:

— Все вещи, нажитые честным трудом, остались там — и машины, и телевизоры, и обстановка. Виллы у нас не было: ведь два-три года в одной стране, и нужно было уже ехать в другую. Вот из Тегерана в 1951-м мы кое-что привезли, потому что возвращались официально. Посмотрите, эти воспоминания молодости — они с нами. Вот подстаканники, из которых мы с вами пьем чай, — свадебный подарок. Шесть штук с подносом. А ведь скоро будет шестьдесят с лишним лет со дня нашей свадьбы!

Глава 4.

СОЛДАТ ТОГО САМОГО ПОЛКА

Нередко после публикаций о Вартанянах я получал читательские письма, электронные послания, немало было и телефонных звонков. В основном в этих посланиях звучали слова благодарности и просьбы, — увы, неосуществимые! — познакомиться с героями, пожелания удач. Лишь одно из почти сотни посланий — завистливое, недоброе, прямо резануло выплеснувшейся ненавистью...

Бывали в письмах и некоторые фактические поправки, которые я учитывал. Бывали воспоминания — к сожалению, в основном повторявшие уже написанное и опубликованное. Пришел и аккуратный пакет от Николая Петровича Голева.

Начну с короткого письма: «С большим интересом прочитал в "Российской газете" ваши краткие вести о Герое Советского Союза Геворке Андреевиче Вартаняне и его супруге. Об их деятельности в Тегеране в 1943 году. Я — один из тех, кто в то время был в составе полка НКВД по охране участников Тегеранской конференции. О чем впоследствии написал воспоминания...»

Дав письму хорошенько отлежаться, я решился позвонить автору по приложенному телефону. По любым подсчетам выходило, что Голеву в любом случае вкруг девяносто. К телефону подошла вежливая женщина: «Николай Петрович вышел. Вернется скоро, минут через двадцать-тридцать. Звоните, пожалуйста».

Позвонил. И разговорился с Голевым...

У каждого — своя судьба. Ивана Голева, 1921 года рождения, призвали в армию в сентябре 1940-го. И отправили девятнадцатилетнего паренька из рабочего

поселка Пласт, что на Южном Урале, на далекую дальневосточную границу — три года он служил там в пограничных войсках. Потом попал в Тегеран. Был затем в Грузии. Прослужил всю войну до 1945-го. Награжден медалями. Скромно сказал, что особых подвигов за собой не числит. А служил — честно.

После войны предложили пойти в милицию. 12 лет работы, во время которой успевал еще и заочно, с 1945-го по 1950-й, учиться. Ведь он еще до войны окончил рабфак, мечтал поступить в институт — но тогда не успел.

Мне по разговору, спокойному, интеллигентному, очень достойному, казалось, что близок Николай Петрович к нашей журналистской, писательской профессии. И точно, уйдя из милиции, десятки лет проработал библиотекарем. И сейчас много читает...

Посетовал, что тогда, в 1943-м, даже и не предполагал о существовании Вартаняна. Заметил: «Может, и видел его где-то мельком. Но всё о нем читаю». А написанные им воспоминания «Стальные сердца. Кое-что из воспоминаний рядового 131-го мотострелкового полка НКВД по обеспечению охраны участников Тегеранской конференции» разрешил использовать в сокращении в этой книге.

Они простые, искренние. Лучше, чем рассказал старый солдат, все равно не напишешь. Договорились, что, если выйдет книга, передам ее Николаю Петровичу.

Ну и с Богом!

* * *

...Я, как солдат 131-го мотострелкового полка НКВД, специально скомплектованного для выполнения конкретной задачи — обеспечения безопасности участников конференции и действующего под

командованием Героев Советского Союза полковника Кайманова и подполковника Руденко, — поделюсь своими воспоминаниями очевидца.

<...> Службу нес в Гродековской погранкомендатуре Гродековского погранотряда Приморского округа. Обстановка в то время на маньчжурской границе, занятой японцами, была очень тяжелой.

Осенью 1943 года в составе десяти человек я был отправлен в Москву. Признаться, я вообще большого города еще никогда не видел, — и вдруг прямо в Москву.

Но Москвы-то мы и не увидели. Прибыли в школу пограничников, что на северо-востоке столицы. Двор школы был заполнен солдатами из различных подразделений пограничных и внутренних войск, ОМСБОНа, спортсменами из общества «Динамо». Нам было приказано сдать свое обмундирование и получить другое — новое, с красными околышами, шинели, сапоги, а также котелки и фляжки — и быть готовыми к внезапному подъему.

Команда прозвучала только ночью. Марш по каким-то проулкам, огородам до железнодорожной станции Мытищи, посадка по теплушкам с нарами... И состав отправился в неизвестном направлении, почти без остановок.

Куда? Мы терялись в догадках. Проезжали мимо развалин какого-то большого города. Возникла догадка: это, наверное, Сталинград. А поезд всё шел и шел дальше. Появились горы Кавказа, затем Баку, Астара — и мы на границе с Ираном.

После двухдневной передышки, изъев из наших карманов фотокарточки, документы, деньги, опять же ночью, нас распределили по «студебеккерам» с зачехленными тентами и повезли через пограничный мост. При тридцатиградусной жаре состояние многих оказалось весьма плачевным. Весь путь мы преодолели в секретных условиях, и даже остановки колонн, как

говорят, «по нужде» проводились с выставлением дозоров и ликвидацией следов. И только к полуночи следующего дня мы доехали до Тегеранского аэродрома. Отоспавшиеся на двухъярусных нарах в кирпичных казармах, отдохнувшие, мы были готовы выполнять приказы командования.

Первое основное задание: нашей саперной роте предстояла подготовка территории советского посольства для проведения конференции. Надо было выселить всех работающих там. Почистить территорию и ограждения, оборудовать помещения для деятельности членов конференции. Работы по переоборудованию территории посольства мы проводили под руководством художников и начальства. В ходе оформления помещений нам какую-то часть имущества приходилось привозить из различных мест города: ковры, кресла, картины...

Потрудились мы добросовестно. Начальство благодарит за службу. Мы покидаем территорию посольства. Появляются десятки стройных, физически крепких молодых людей в серых костюмах.

В день прибытия участников конференции нас, солдат полка, расставили на аэродроме, в нескольких метрах друг от друга, в значительном отдалении от взлетной полосы. В ангарах находились наши танки, а около ангаров — американские танки и наши самолеты, охрана которых была совместной.

Прилетели один, затем второй самолеты. Шасси их еще и не успели коснуться взлетной полосы, как на ней неожиданно появились автомашины, которые, покружив у остановившихся самолетов, быстро разъехались в разные стороны: кто был в какой машине — неизвестно.

<...> Основные задачи обеспечения безопасности были возложены на наш полк. Весь состав полка был распределен по особо важным объектам. И только наша саперная рота находилась в казарме, выполняя

отдельные приказания и готовая в любой момент подняться по тревоге.

Конечно же, за время прохождения конференции при строжайшем режиме никто ничего не мог знать... Необычную новость нам в казарму привезли мотоциклисты: якобы утром самолетом с Каспия доставили в посольство большущую рыбину. Однако зачем, для чего — никто не знал. И весь «рыбий секрет» открылся уже позже.

Конференция проходила при больших разногласиях. Не получив конкретной даты вторжения в Европу, Сталин, не выдержав, резко встал и, обращаясь к Ворошилову и Молотову, сказал: «Идемте. Ничего путного, я вижу, не получится. У нас много дел на фронте...» И тогда Рузвельт, чтобы разрядить обстановку, сказал, что надо сделать перерыв. Обед для членов делегаций был дан советской стороной и, как говорили обслуживающие этот обед сотрудники, проходил в непринужденной обстановке. Обстановка разрядилась, пошли разговоры на различные темы. Вот тут-то и появилась та знаменитая рыбина, о которой говорили мотоциклисты.

В полдень 2 декабря, как и несколько дней назад, мы были выставлены кольцом на значительном расстоянии от стоящих самолетов. Снова кружили около них автомашины. В небо поднялся один самолет, затем второй — и мы разошлись по казармам.

Территория посольства во многом опустела. Наступила пора работы солдатам в основном нашей роты. Мы привозили сотрудников и жителей посольства на их места, развозили ковры и прочее имущество к их хозяевам.

После конференции намечалось увеличение потока грузов в Союз, охрана которых была возложена на наш полк.

Выехал полк из Тегерана осенью 1945 года, немало удивив жителей города наличием выстроившихся вдоль шоссе танков, пушек и другой военной техники. После прибытия в СССР состав полка был расформирован.

Глава 5. «ЖАДНЫЙ РАЗВЕДЧИК — ЭТО НОНСЕНС»

В «Очерках истории российской внешней разведки» «тегеранскому периоду» отводится специальная глава в четвертом томе, на которую я и ссылаюсь. Да, разведывательной работе в Иране «уделялось первостепенное внимание». 22 сентября 1941-го и 5 марта 1942 года руководители НКВД специально рассматривали предложения внешней разведки «Об усилении оперативно-чекистской работы на территории Ирана».

В Тегеране создали главную резидентуру. Ей очень повезло с руководителем — молодым, однако уже исключительно разносторонним, инициативным разведчиком Иваном Ивановичем Агаянцем. О нем расскажем устами его учеников: в этой главе — Геворка Андреевича Вартаняна, а в следующей — полковника разведки Виталия Викторовича Короткова, людей, искренне, я бы даже сказал — восторженно, почитавших своего наставника.

В Иране тогда работали 120 советских оперативных сотрудников. Все они были разбиты по периферийным резидентурам и разведпунктам, которых насчитывалось в разные годы войны от тридцати пяти до сорока одного.

Задачу сформулировали — опять-таки сошлюсь на четвертый том «Очерков» — четко: создание «агентурной сети в целях выявления агентуры иностранных разведок, враждебных СССР организаций, предотвращения возможных диверсий и иной подрывной работы, направленной на срыв военно-хозяйственных мероприятий, проводимых СССР в Иране». Требовалось

«своевременно выявлять немецких и японских разведчиков и их агентуру». Отдельных из них перевербовывать. Создавать боевые группы из опытных работников НКВД. Они же, эти работники, должны были и подбирать агентуру из местного населения, способную выполнять специальные задания — выявлять и предупреждать проникновение в СССР шпионов, диверсантов, террористов и эмиссаров враждебных организаций.

Помимо этого, надо было собирать политическую, экономическую и военную информацию, а также активно работать «по закреплению всеми возможными способами общественного и служебного положения людей, ориентирующихся на СССР» (а как вы думали? — Н. Д.).

Самодетельность не очень приветствовалась: «Все наиболее значимые операции должны были осуществляться только с санкции НКВД».

И еще один исключительно важный пункт, свидетельствующий о том, что в Центре понимали: действия в одиночку, пусть и самоотверженные, полного успеха не принесут. В мае 1942 года были приняты предложения внешней разведки о «контактировании нашей работы в Иране с англичанами».

Ну и справедливая констатация: «Происки и мероприятия немецких спецслужб в Иране были в основном сорваны, и в этом, несомненно, большая заслуга оперативного состава резидентур».

Поблагодарив авторов «Очерков», обращусь к главному герою этой книги — Геворку Андреевичу Вартаняну. Вот что он рассказывал мне о руководителе главной резидентуры Иване Ивановиче Агаянце.

— Геворк Андреевич, где и как вы познакомились с Агаянцем?

— Я предполагаю, что еще до своего приезда в Тегеран будущий резидент в Иране Иван Иванович

Агаянц знал и о деятельности моего отца, который на долгие годы связал судьбу с советской разведкой, и, возможно, о существовании моей скромной персоны. А на первую, как мы говорим — личную встречу с моим будущим руководителем я вышел вскоре после начала Великой Отечественной войны.

— Это сколько же вам было лет?

— Не исполнилось и семнадцати. Тогда я, конечно, даже не предполагал, что мне предстоит до конца войны работать с Иваном Ивановичем — одним из тех, чей вклад в советскую разведку, поверьте, просто неоценим.

Обстановка в Иране была крайне тревожная. В планах Гитлера этой стране отводилась очень важная роль, ибо Иран — это прежде всего нефть и стратегические коммуникации. Через него лежал путь в Афганистан и далее, в Индию. Именно туда Берлин намеревался двинуть войска вермахта после планируемой победы над СССР.

Чем ближе была Вторая мировая война, тем сильнее Реза-шах тяготел к нацистской Германии во всех областях, и особенно в военной. Вот кто был настоящим диктатором страны!

При этом гитлеровцы, через свою разведку и ее агентурную сеть, включая многочисленных агентов влияния, давили на политические круги Ирана, на командование вооруженных сил, жандармерию и полицию. Разумеется, Кремль и Лубянка не могли оставаться безучастными к такому развитию событий.

— Можно ли теперь рассказать, как строилась работа резидентуры Агаянца в тот самый сложный период?

— Попробую. Отвечу вам конкретно с использованием наших профессиональных терминов. В Тегеране действовала главная резидентура советской внешней разведки. Ей были подчинены периферийные

резидентуры и разведпункты в различных иранских городах.

Что, на мой взгляд, относилось к несомненным достоинствам резидента Агаянца? Он обладал высшим мастерством разведчика-профессионала. Досконально знал методы работы. Его реакция казалась поразительной. Был блестящим вербовщиком. Умел ориентироваться в обстановке и анализировать ее. А еще Иван Иванович — человек высокой культуры и редкой интеллигентности. Созданная им в Тегеране сеть агентов продолжала работать без провалов еще долгие годы после его отъезда.

И заметьте — Ивану Агаянцу, приехавшему в Тегеран, было всего тридцать лет. Он сразу же детально ознакомился с положением дел на месте. Вскоре предложил руководству в корне перестроить всю деятельность резидентуры: реорганизовать ее в соответствии с условиями военного времени и перевести на рельсы наступательной разведывательной работы.

Инициатива молодого резидента вызвала в Москве реакцию неоднозначную. Задача виделась слишком сложной и объемной. Ведь только в Тегеране у нас действовало несколько десятков оперативных работников. Да и времени на реорганизацию было катастрофически мало. Тем не менее основные предложения Агаянца одобрили.

Получив из Центра согласие, Агаянц провел четкий анализ доставшегося ему в наследство агентурного аппарата. Агентурная сеть была многочисленной, состояло в ней до четырех сотен агентов. Были среди них и по-настоящему ценные источники — влиятельные, хорошо информированные, занимавшие определенное положение в сложившейся местной иерархии. Разведке они приносили пользу немалую. Но попадался и народ случайный, некоторых привлекли для выполнения разовых заданий, и на большее рассчитывать не

приходилось. Однако по инерции они числились агентами, что-то изредка сообщали — как правило, не очень ценное. Тогда, по решению Агаянца, многих иранцев, которые больше не могли приносить ощутимую помощь советской разведке — то есть утративших разведывательные возможности, исключили из агентурной сети. Проводили, я бы сказал, своеобразные «чистки». И одновременно активно искали более ценных кандидатов на вербовку. Так агентурный аппарат начал пополняться новыми источниками важной политической и оперативной информации. Удалось приобрести агентов влияния в руководстве ведущих политических партий, государственного аппарата и даже в ближайшем окружении шаха.

Особое внимание Агаянец уделял созданию надежных агентурных позиций в высшем армейском эшелоне. Новые источники появились в военном министерстве, в армейской разведке, в других спецслужбах, среди советников шаха. Отныне в Москву регулярно поступала достоверная информация о планах и намерениях иранского правительства, о высокопоставленных чиновниках, связанных с немецкой или английской разведками.

В результате проделанной работы была получена важная политическая информация. А также — в значительной степени парализована деятельность немецких спецслужб в Иране, пресечены попытки заигрывания Берлина с Лондоном. Обезврежены профашистские иранские националистические организации, сотрудничавшие с немецкой разведкой. Предотвращены диверсии немецкой агентуры в Советском Закавказье, выявлены каналы переброски немецких агентов из Ирана в СССР.

Грамотно разработанный комплекс разведывательных мероприятий позволил приобрести новые, хорошо информированные источники на важных

государственных объектах Ирана. Как отмечало руководство Центра, работа резидентуры сыграла существенную роль при принятии военным командованием и руководством страны политических и военно-стратегических решений.

Был также внесен существенный вклад в обеспечение безопасности трансиранской железнодорожной магистрали, по которой в СССР доставлялись военные грузы по ленд-лизу. Созданный Агаянцем агентурный аппарат позволил обеспечить безопасность и сохранность стратегических поставок олова, каучука, ну и других материалов, следовавших в Советский Союз из района Персидского залива через местные порты. Надежный контроль был установлен над всеми ключевыми пунктами на границах Ирана с Советским Союзом, Турцией и Афганистаном.

— Геворк Андреевич, в конце августа 1941 года, абсолютно неожиданно для иранского руководства, Красная армия фактически без сопротивления вошла в эту страну. Сыграла ли здесь свою роль разведка?

— Должен твердо сказать, что именно сообщения Ивана Агаянца в Ставку Верховного главнокомандования и обусловили ввод советской военной группировки в северные провинции Ирана 25 августа 1941 года. А в августе 1943 года Агаянец предотвратил осуществление разработанной немцами операции «Франц».

— Вообще-то об этой операции мало известно...

— Да, о ней как-то не говорят. Немцы намеревались инсценировать стихийные восстания иранских племен вдоль железнодорожного маршрута доставки американских и британских грузов в СССР. Планы фашистских спецслужб были сорваны: племенные старейшины, якобы контролировавшие эти районы и получившие от гитлеровцев щедрые дары за будущее «содействие», вдруг неожиданно исчезли.

Под руководством Агаянца был проведен и ряд других блестящих операций, вошедших в историю не только советской, но и мировой разведок.

— А какое первое задание поставил перед вами главный резидент?

— Ну, об этом я вам уже рассказывал: подобрать надежных ребят, моих сверстников, и организовать группу для оказания помощи старшим коллегам в выявлении германских пособников в Тегеране и других городах. Мне для создания более целостной картины придется повториться, что удалось привлечь к сотрудничеству своих друзей и единомышленников, выходцев из СССР, готовых бороться с фашизмом. Оперативной подготовки — никакой. Ивану Ивановичу и другим сотрудникам резидентуры приходилось на ходу учить нас грамотно вести наружное наблюдение, выполнять другие специальные задания. В период формирования и подготовки нашей группы Агаянец в шутку назвал ее «Легкой кавалерией»: мы же в основном передвигались на велосипедах. Это название прочно закрепилось за группой на добрый десяток лет.

За два года мы выявили не менее четырехсот человек, так или иначе связанных с германскими разведслужбами. Во многом нам удавалось устанавливать немецких агентов за счет тех преимуществ, который давал нам наш возраст. Действительно, какому, пусть даже исключительно опытному разведчику придет в голову мысль отрываться от каких-то мальчишек на велосипедах?

Агаянец сыграл очень большую роль в моем профессиональном становлении!

Кстати, спустя многие годы, когда после возвращения на родину я сам начал участвовать в подготовке молодых разведчиков, я с благодарностью вспоминал бесценные уроки Агаянца. Например, это он придумал план моего внедрения в английскую

разведывательную школу, разработал легенду. Следуя ей, мне удалось внедриться в разведшколу и получить ценную информацию. Я вам уже рассказывал, как потом Иван Иванович деликатно довел до сведения английского резидента полковника Спенсера, что в Тегеране действует некая разведывательная школа, а мы об этом знаем. И британский коллега счел за благо ее прикрыть.

А я, пройдя полный курс обучения, приобрел очень ценный опыт разведывательной работы, что мне весьма пригодилось в дальнейшем. Скажу честно — тем, что у меня в жизни никогда не было провалов, я во многом обязан и той английской школе.

— Какую же роль в предотвращении покушения на «Большую тройку» в 1943-м сыграла резидентура Агаянца?

— Считаю, что Иван Агаянец переиграл нацистского диверсанта номер один, начальника секретной службы СС в VI отделе Главного управления имперской безопасности оберштурмбаннфюрера Отто Скорцени. С 1943 года был он специальным агентом по особым поручениям Гитлера. Проведение операции «Длинный прыжок» поручили Скорцени, которого нацистская пропаганда называла идолом германской расы...

Я тех дней никогда не забуду. Во время конференции с 28 ноября по 2 декабря 1943-го тегеранская резидентура работала в круглосуточном режиме. Использовали и весь агентурный аппарат. Вся заслуживающая внимания информация незамедлительно докладывалась Агаянцем Сталину.

— Какие личные качества Агаянца вы бы выделили особо? Чувствуется, что вы очень цените своего учителя.

— Прежде всего — его патриотизм, его стремление быть полезным родине. Он жил так сам и нас учил жить так же.

Работал он на износ, себя не щадил. А ведь у него была тяжелая форма туберкулеза... Иван Иванович был для своих коллег лучшим примером настоящего чекиста-разведчика.

Сейчас идет много разговоров о том, что в наше время именно деньги решают всё. Но я готов утверждать обратное. Не только во времена моей юности, но и сейчас люди в разведку идут именно из соображений патриотизма.

Мы, например, никаких денег за свою деятельность не получали. А когда началась Великая Отечественная война, даже сами находили средства, чтобы передать их в фонд обороны.

Вообще говоря, материальная выгода для настоящего разведчика отнюдь не является главной составляющей. Иначе любого, даже очень хорошо оплачиваемого резидента могла бы перекупить вражеская сторона.

Так что главное в нашей профессии — родина, и даже независимо от идеологии.

Агаянц сам был убежден в этом и учил нас, молодых: разведка — это не способ зарабатывания денег и иных материальных благ, а прежде всего один из самых эффективных путей защиты отечества. Это работа для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. Такую работу нельзя выполнять по-настоящему, не будучи действительно искренне влюбленным в свою страну, не понимая необходимости этой деятельности для нашего государства, для наших людей.

В противном случае профессия разведчика превращается в ремесло по типу: я служу тому, кто заплатит больше денег. Жадный разведчик — это нонсенс!

— Вы говорили о крупных достижениях резидентуры Агаянца в целом и вашей группы. А были ли у вас случаи

провалов, предательства?

— Слава богу, у нас провалов не было. Если разведчик, и в том числе разведчик-нелегал, соблюдает все необходимые меры безопасности и конспирации, правильно ведет себя в обществе, то никакая контрразведка его не вычислит. Наша с супругой Гоар Левоновной многолетняя «безаварийная» работа за рубежом — тому наглядный пример. У нелегала, как и у сапера, одна ошибка означает гибель. У нас потом было много очень больших успехов, которые, честно скажу, по своим масштабам даже сравнивать нельзя с Тегераном-43. Но и за это мы тоже благодарны тому опыту, который был приобретен нами в резидентуре Ивана Ивановича.

В основном же провалы наших разведчиков происходили вследствие предательств. Американский случай с обмененными потом российскими нелегалами — яркое тому доказательство.

— В то время когда вы работали в Иране, да и в некоторые другие периоды истории нашей разведки, изменников и перебежчиков из числа сотрудников Службы подчас наказывали весьма сурово, вплоть до их физической ликвидации.

— Я считаю, что предатель убивает себя сам. Он и так живой труп, он мертв для бывших коллег, родственников, знакомых.

И могу вот что еще сказать. С Иваном Ивановичем мы работали в очень тяжелые и суровые годы войны и после. Но противостояние спецслужб в той или иной форме не прекращается никогда. На этой войне бывают и потери. Но я уверен, что наша разведка была, есть и будет востребована для выполнения самых ответственных задач по обеспечению безопасности нашего отечества. На смену нам приходят молодые ребята. Хочется мне пожелать успеха этим продолжателям дела Ивана Ивановича Агаянца!

Глава 6.

УЧИТЕЛЬ БЫЛ ЧТО НАДО!

Полковник разведки Виталий Викторович Короткое отзывается о наставнике Вартаняна — генерал-майоре Агаянце — с особенной теплотой. Впрочем, как и многие другие, кому довелось работать с Иваном Ивановичем. И сейчас мы поговорим именно с ним. Но вначале — короткое и крайне необходимое отступление.

В разговорах с Геворком Андреевичем Вартаняном фамилия Агаянца возникала очень часто — именно его, резидента в Иране, считал Вартанян своим первым учителем.

Раньше я почему-то думал, что наставником для него был все-таки отец, тоже профессиональный разведчик-нелегал. Однако в этой суровой среде — свои правила. Да, Геворк помогал отцу Андрею Васильевичу, брал у него какие-то пакеты, передавал бумаги возникавшим буквально из ниоткуда людям. Они приходили обычно ночью, останавливались в доме и наутро бесследно исчезали, будто призраки. В основном — навсегда. Воспоминаний о ком-то конкретном, осязаемом, вернувшемся из того иранского прошлого, у нашего героя не сохранилось.

Как мы помним, еще совсем мальчишкой Геворк с матерью носили передачи в тюрьму, куда поначалу, сразу после переезда из СССР, забирали отца. Это ли была не связь, и сразу чисто родственная, с разведкой? Известно, что на первых порах переехавшего в Иран из Советского Союза коммерсанта Вартаняна подозревали в том, что он — советский агент.

Но отец выстоял во всех отношениях — он создал крупную фабрику по производству и продаже шоколада, прочно обосновался в Тегеране. В армянской диаспоре

удачливого и щедрого бизнесмена Андрея Вартаняна уважали. Его шоколадки расходились по всей стране, слава и доходы помогли добиться уважения у властей. Постепенно отстала от него и иранская контрразведка.

А она была уж какая цепкая! И жалости не знала. Могла намертво прилепиться к заинтересовавшему ее объекту, месяцами упорно сопровождать повсюду, иногда нарочито, для устрашения маячить перед глазами, а порой вести наблюдение незаметно, меняясь и «передавая» ведомого. Любимый прием: устраивать в отсутствие «объекта» чуть ли не демонстративные обыски у него дома, в гостиничном номере. Допекать знакомых и соседей, заставляя их сообщать о любом подозрительном шаге, контакте, знакомстве «объекта».

Любой иностранец в Иране попадал под подозрение без всяких оснований, автоматически. САВАК, служба безопасности, опекал и наседали так, что приехавший в страну иностранный агент или разведчик порой просто-напросто не имел ни малейшей возможности работать.

И всё же этот самый всемогущий САВАК в конце 1970-х мощнейше проморгал антишахское движение! И шах, чье положение виделось незыблемым, а поддержка верных союзников-американцев казалась надежной, вынужден был бежать из страны. Как выяснилось, навсегда.

Но не о том сейчас речь...

У Вартаняна-старшего еще до войны была своя агентурная сеть, были и собственные задачи, о которых даже сегодня говорится глухо...

Думаю, что Андрей Васильевич поддерживал связь и с молодым резидентом в Тегеране — Агаянцем. И опять-таки это другая история, иная линия...

Ну а Агаянец после Ирана работал и во Франции, и в Центре, дослужился до генерал-майора, что в те годы в разведке удавалось немногим. Был период, когда всей советской разведкой руководил — и как уверенно! —

полковник Сахаровский. Отсутствие больших звезд не трогало и не мешало.

Иван Иванович много работал. Он истязал себя безжалостно. И тяжелая болезнь, с которой он долгие годы сражался не только лекарствами, но и молчаливым мужеством, оказалась сильнее.

О тегеранском периоде общения с Иваном Агаянцем успел рассказать мне сам Вартамян. Но о последнем периоде жизни Агаянца известно мало: «успешно выполнял ответственные задания».

Полковник Короткое — человек в разведке очень известный. Судьба у него получилась гораздо сложнее, чем у многих сверстников. Да, сюжет был закрученный! В пятнадцать с половиной лет он уже служил в армии, в 1943 году попал на фронт. Бои, холодные осенние ночи в болотах, тяжелое воспаление легких и госпиталь. После — направили в танковое техническое училище на Урал. Десять месяцев учебы, и в мае 1945 года он на 2-м Дальневосточном фронте.

Потом война закончилась, личный состав многомиллионной армии демобилизовывался, так что в 1946 году отправили в запас и молоденького офицера Короткова. И тогда он, сдав экстерном экзамены за десятилетку — до фронта ведь успел окончить только восемь классов, — приехал в Москву, поступил в юридический институт. А в 1951-м, после окончания вуза, фронтовика пригласили в ЦК КПСС. Юристом ему потрудиться не пришлось — его направили в Комитет информации, объединивший тогда структуры и внешней, и военной разведок.

Рассказывать о Виталии Викторовиче можно долго, но я ограничусь информацией о том, что это именно Коротков опекал в зарубежье, а потом и «с позиций Центра» одного из руководителей БНД — Федеральной разведывательной службы ФРГ — Хайнца Фельфе, поставлявшего СССР секретнейшую информацию.

Именно Фельфе, считавшийся особо приближенным к начальнику БНД генералу Рейнхарду Гелену, руководил контрразведывательной работой против Советского Союза.

После ареста Фельфе 6 ноября 1961 года Виталию Викторовичу пришлось на время сменить поле деятельности. Напомним, что наш ценнейший агент получил 15 лет, затем был обменян на двадцать одного западногерманского агента и мирно скончался уже в XXI веке, через два месяца после своего девяностолетия.

Но тогда, в 1961-м, Виталию Короткову за границей оставаться было никак нельзя. В Москве, в Центре, попал он в управление для себя несколько новое, возглавлявшееся как раз Агаянцем.

Хорошо зная и высоко ценя Вартаняна, Коротков начал рассказ издалека:

— Возникла в последние годы такая легенда, что именно Геворк Андреевич и сделал тот самый «Тегеран-43», обеспечивал безопасность Тегеранской конференции и всей «Большой тройки».

Скажу так — заслуги в этом деле юного тогда Вартаняна были бесспорны. Действовала его группа «Легкой кавалерии» результативно.

Но давайте воздадим должное именно тем, кто координировал всю ту операцию в целом, с высот государственных, стратегических. Ведь основные задачи решались совсем на ином уровне, другими оперативными работниками. В том числе и Агаянцем, который во многом осуществлял всё руководство.

С Иваном Ивановичем я работал, искренне его уважаю. Встретился я с ним в период для меня непростой. В декабре 1961-го, после ареста нашего суперагента в БНД Хайнца Фельфе, начальник моего отдела пригласил меня на откровенный разговор. Сказал то, что, в принципе, понимал и я сам: «Виталий Викторович, Фельфе арестован, вам у нас будет сложно.

Тем более что вы уже расшифрованы». Действительно, меня знал предатель Голицын, ушедший в Финляндию, так что перспективы мои на дальнейшую активную работу значительно сузились. И мой начальник предложил мне перейти в другое подразделение, то самое, которым руководит Иван Иванович Агаянц.

Скажу честно: не хотелось начинать незнакомое для меня дело, ведь то направление в работе разведки было для меня новым. Я был очень расстроен, но в подразделение перешел. Об Агаянце я слышал только очень добрые отзывы, а потому и решился.

Прежде чем рассказать о своей работе под его руководством, позволю себе как бы представить вам этого человека. Он умер 12 мая 1968-го, не дожив до пятидесяти семи. Сколько уже лет прошло, сколько поколений чекистов сменилось, но память о нем хранят все, его знавшие, хоть раз соприкасавшиеся с ним. И молодые ребята, приходящие нам на смену, о нем слышали. Есть при входе в просторный Музей истории внешней разведки в Ясенева большая мемориальная доска. На ней золотыми буквами — имена наших выдающихся разведчиков. Удостоившихся такой чести не так много — за все годы существования нашей Службы, с декабря 1920-го, меньше ста человек. Иван Иванович Агаянц занимает среди них место достойное.

Он родился в Елизаветполе, ныне город Гянджа, в Азербайджане, в большой армянской семье. Отец его был священник, потом стал учителем.

Для нашей профессии, скажу вам, корни не совсем обычные. Но три сына этого человека пошли работать в ЧК. Сначала уехали в Москву и начали работу в ОГПУ старшие братья, Александр и Михаил. Иван окончил школу, и его, совсем юного, взяли на партийную работу. В 1930-м, после окончания экономического техникума, девятнадцатилетний Иван присоединился уже в Москве к старшим братьям.

А до этого, так уж получилось, воспитывала его в основном старшая сестра, врач по профессии. Именно в ее семье набирался он знаний, взялся за изучение иностранных языков, так потом ему пригодившихся.

В заявлении с просьбой принять в ряды чекистов он написал: «Готов исполнять в органах любую работу». И в Москве этого грамотного паренька взяли на должность старшего делопроизводителя Управления по борьбе с экономическими диверсиями. Трудился он на этом скромном месте, где до оперативной героики было очень далеко, старательно. В характеристиках замелькало «добросовестный, преданный, деятельный», «хорошо развит», «инициативный толковый работник». Ивана избрали в комитет комсомола, потом секретарем комитета...

К Ивану Агаянцу начали приглядываться. Да и ему, понятно, хотелось оторваться от бумаг, мечтал он об оперативной работе. Помогал ему и старший брат, Александр, к тому времени набравшийся опыта работы в органах. Повезло и с главным учителем — Артуром Христиановичем Артузовым, одним из основателей советской разведки, руководившим Иностранным отделом ОГПУ в 1930-е годы. Были и личное общение, учеба — ученик даже сохранил конспекты его лекций. От Артузова Агаянц перенимал не только чисто профессиональные навыки, но и манеру работать с подчиненными, умение четко ставить задачу. Несмотря на молодость Агаянца, к нему вскоре стали прислушиваться и коллеги постарше.

Помимо прочего ему легко давались иностранные языки. Ведь занимался он ими с детства — не полиглот, но свободно владел французским, турецким, персидским, испанским. Когда понадобилось, он выучил еще английский и итальянский. Интересовался юриспруденцией, изучал историю.

И в 1936-м Иван стал сотрудником внешней разведки, в 1937-м он — младший лейтенант, который характеризуется как «крайне добросовестный работник». В этом же году первая закордонная командировка во Францию, где он трудится в резидентуре под прикрытием торгпредства, а потом становится заведующим консульским отделом. Рост по всем линиям.

Вскоре Агаянца направляют в Испанию. Вот где советская разведка проходила серьезнейшие испытания! Битва с Франко закончилась поражением республиканцев. В тяжелые дни их отступления молодому разведчику была поручена ответственная миссия: спасти руководителей испанских коммунистов, уже тогда легендарную Пасионарию — Долорес Ибаррури и Хосе Диаса. Агаянц справляется с заданием достойно, доставляет их в Москву, ставшую для обоих пристанищем на долгие годы.

Знания и опыт Ивана Агаянца оказались нужны в Париже. И в двадцать восемь лет он назначается заместителем резидента в этой важнейшей стране Европы. Нападение гитлеровской Германии на Францию не стало для него неожиданностью, как и быстрое падение Парижа. Он и его товарищи по службе это предвидели, что нашло отражение и в тревожных сообщениях в Центр.

Возвращение в Москву было predetermined ходом истории. И хорошо проявившего себя в зарубежье Агаянца назначают заместителем начальника, а вскоре и начальником отделения одного из отделов Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. Проходит еще немного времени, и он уже заместитель начальника отдела 1-го Управления НКГБ СССР — советской внешней разведки.

За семьдесят два часа до начала войны Иван Агаянц, на основе оперативных донесений, докладывает

руководству о точном времени перехода фашистами границы СССР. Данные были получены от верных источников антифашистского подполья. Но, к его удивлению, реакции на эту информацию не получено.

Грянула Великая Отечественная, и последовало новое назначение. Летом 1941 года, по приказу начальника разведки Павла Фитина, тридцатилетний Агаянц должен был отправиться в Иран, чтобы возглавить все работающие там резидентуры внешней разведки. Вместе с женой Еленой они вылетают в Тегеран на армейском бомбардировщике. Супруга, кадровая сотрудница НКГБ СССР, беременна, но это не останавливает ни ее, ни мужа: Елена Ильинична всю свою жизнь оставалась верным и, обязательно отмечу, профессиональным помощником Ивана Ивановича. В посольстве Советского Союза в Тегеране появляется новый советник Иван Авалов (псевдоним Агаянца), проработавший там до лета 1945 года. Был у него и другой оперативный псевдоним сугубо для своих — «Форд».

Здесь я сознательно опущу «иранский» период — знаю, что в этой книге о своем первом учителе рассказывают и сам Геворк Андреевич Вартамян, и другие разведчики.

Должен добавить один штрих к биографии генерал-майора. Иван Иванович не просто разведчик — он и дипломат, политик. 1 августа 1943 года он вылетает из Тегерана на самолете союзников в Алжир, где начинает действовать созданный генералом Шарлем де Голлем пока еще совсем непонятный для Кремля Французский комитет национального освобождения — ранее он именовался Национальным комитетом сражающейся Франции (НКСФ). При этом некоторых московских стратегов волнуют трения комитета с французскими коммунистами. Или это просто разногласия, возникшие на первых порах? Можно ли их преодолеть? Будут ли

приняты коммунисты в новое правительство, дадут ли им право на представительство? Между тем союзники из Англии и США видят в де Голле всего лишь высокомерного выскочку, открыто предпочитая ему другого, уже известного генерала — Анри Оноре Жиро.

Но Агаянцу поручено организовать при Французском комитете национального освобождения представительство СССР.

В Алжире, мгновенно оценив обстановку и действия многочисленных важных и второстепенных лиц, Иван Иванович возобновил личные взаимоотношения с генералом де Голлем, с которым судьба коротко свела его еще в Тегеране. И хотя, как мы уже сказали, в ту пору многие сомневались в молодом французе, считая его калифом на час, — но только не Агаянц.

Высшему руководству нашей страны надо было понять, что представляет из себя этот высоченный французский генерал. Может ли он превратиться в национального лидера? Откуда это было знать в Центре! Только прямые контакты с Шарлем де Голлем могли позволить Агаянцу сделать правильные выводы об отношении лидера французского Сопротивления к американцам и англичанам и о том, каким тот видит пути борьбы с фашистской Германией. Было очень важно понять, не пойдет ли де Голль на сотрудничество с теми германскими кругами, которые предлагают, физически уничтожив Гитлера, объединить свои силы с США и Англией, а затем — всем вместе навалиться на СССР. Предстояло также понять, как представляет себе генерал послевоенное устройство Европы.

И, одновременно, была еще одна, чисто разведывательная миссия: выяснить, чем конкретно занимаются в Алжире разведки союзников. Эти задачи, поставленные Сталиным, были решены.

Агаянц смог глубоко развить контакт (вот он, профессиональный термин! — И. Л.) с де Голлем,

провести с ним несколько встреч. Отношения сложились доверительные. Беседы продолжались долго. Познакомился Иван Агаянц и с ближайшими помощниками генерала — выслушал их оценки ситуации, узнал о планах. Выяснилось, что и американские, и английские спецслужбы к де Голлю и его сподвижникам относятся негативно, никакой веры в его комитет не проявляют.

Разобравшись в своем собеседнике, оценив его искренность, французский генерал прямо через Ивана Авалова поставил важнейший вопрос о визите в Москву и о переговорах со Сталиным. Де Голлю понравился посланец Москвы — культурен, блестяще образован, глубоко знаком с принципами внешней политики его страны. Возможно, понимая, с кем он ведет откровенные беседы, генерал хотел поскорее дать понять Москве свою готовность к сотрудничеству.

Агаянц сумел донести до Сталина: у СССР есть вероятные союзники во временно оккупированных гитлеровцами крупных странах Европы. Последующая встреча де Голля и советского руководителя была организована Агаянцем. Московский диалог Сталина и де Голля, к обоюдному удовлетворению сторон, состоялся в начале декабря 1944 года и продолжался гораздо дольше намеченного. Но это, как мы понимаем, будет несколько позже...

Информация из Алжира была учтена советской стороной как на Тегеранской конференции, чему де Голль был искренне рад, так и при выработке наших с французами послевоенных отношений.

По окончании Тегеранской конференции Агаянц снова отправился из Ирана в Алжир. На этот раз он встречался с Морисом Торезом. Руководитель коммунистов Франции поведал посланцу Москвы, как именно видится ему участие мощной тогда партии в том

правительстве страны, которое будет сформировано после победы...

Отвлекусь немного от французской темы. Человек, взваливший на себя немислимый объем работы, успевал проводить оперативные мероприятия не только в Иране, но и работал против немцев в нескольких странах Северной Африки и Ближнего Востока. Особенно важны были его командировки в Египет, Алжир, Ирак. Он наладил взаимоотношения и с иранскими курдами. В горных селениях «советник Авалов» появлялся в национальной одежде, в чалме, в разношенных старых башмаках. Разнообразие в методах работы поразительное! И понятно, скольких усилий, в том числе и физических, это стоило...

Постоянное напряжение сказалось на здоровье. Иван Иванович тяжело болел. Мучил, не отпускал подхваченный в Иране туберкулез. Но он продолжал работать. Болезнь терзала всю оставшуюся жизнь. После операции он долгие годы жил с одним легким. Но никто ни разу не слышал от него ни единой жалобы. Терпел. И может, и от этого он так сострадал другим, всегда приходя на помощь в ней нуждающимся.

Закончилась война, и теперь Агаянц назначается резидентом во Франции, куда переезжает в 1946-м с женой и тремя детьми. Поле деятельности для разведки широченное. Именно в хорошо знакомую разведчику французскую столицу зачастили на важные международные конференции делегации буквально со всего света. Заключались договоры — политические и экономические, а потому Париж оказался под пристальным наблюдением всех основных разведок.

Сложные задачи ставятся в то время перед разведкой советской. Не прошло и нескольких дней после приезда нового резидента, как ему, одну задругой, вручают шифровки: Центр требует активизироваться, и немедленно. И Агаянц старается

перестроить работу своей резидентуры, сделать ее еще более активной. Предстоит вступать в контакт не только с французами, но и с членами делегаций других стран, регулярно навещающих в Париж. Обстановка, по мнению резидента, для этого благоприятная.

Немало чего удастся. Сам Агаянц налаживает связи со многими иностранными дипломатами. Его примеру следуют подчиненные. Даже суровые руководители советского внешнеполитического ведомства Молотов и Вышинский, регулярно, прямо тут же в Париже или в Москве, получающие информацию, добытую разведкой, довольны. По свидетельству одного из участников тех событий, «нас неоднократно принимал Вячеслав Михайлович Молотов, и не только благодарил за полезную работу, но и ставил задачи по освещению тех или иных интересовавших советскую делегацию вопросов».

Особый успех — «План Маршалла» по послевоенной политике США и их союзников в Европе. Копия, сделанная с секретного варианта этого плана, тотчас передается членам прибывшей в Париж советской делегации. Документ этот попал в руки Агаянца благодаря его преданной и смелой агентуре. А таковая была и в кругах, специально занимающихся самыми разнообразными направлениями в отношениях с Советским Союзом, и во французской контрразведке. Кстати, именно это помогало избежать провалов, свести к минимуму количество провокаций.

И еще раз о де Голле. В те послевоенные годы генерал опять пошел на контакт с Агаянцем. Не мешала и разница в возрасте. Де Голлю было 56, советский дипломат — на 20 лет моложе. Но они прекрасно понимают друг друга, у Агаянца сложились очень добрые отношения с руководителем Франции. Я уверен, что Иван Иванович смог оказать определенное влияние на де Голля. Да, тот был настоящий кремень, но тем не

менее эти личные отношения с де Голлем сыграли большую роль в нашей внешней политике...

Не хотел бы, чтобы у читателя сложилось впечатление об Агаянце только как о талантливом разведчике. Он был настоящий эрудит, любил живопись, прекрасно разбирался в литературе. Адское напряжение, громадная ответственность — но он успевал побывать на художественных выставках, пообщаться с представителями французской культуры. Это благодаря Ивану Ивановичу удалось возвратиться домой из Парижа около полусотни полотен художника Кончаловского, передать на родину ценнейший архив композитора Рахманинова. Усилиями Агаянца в Москву «прибыли» дневниковые записи в ту пору необычайно популярного в СССР писателя Ромена Роллана.

В 1947 году Агаянец вызывается в Москву. Сначала он возглавлял одно из управлений, затем учился в Высшей партийной школе и в адъюнктуре при Военно-дипломатической академии.

А затем, с 1954 по 1959 год, преподавал и сам, став руководителем кафедры специальных дисциплин разведывательной школы № 101. Сейчас это Академия внешней разведки. Тут Иван Иванович тоже оставил свой глубокий след. Это при нем был издан учебник политической разведки — первое пособие подобного рода. И слушателям школы, знаю точно, учебник очень и очень пригодился.

В те годы холодной войны обстановка менялась быстро. Как и прежде, требовалось добывать информацию. Но чтобы на равных биться с «главным противником», как в те годы на языке спецслужб именовались Соединенные Штаты Америки, одного этого было уже недостаточно. Требовались мгновенная реакция на происходящее, быстрый и активный ответ. Наша внешняя политика нуждалась в поддержке. Действия чужих разведок надо было предупреждать и

срывать, противопоставлять им собственные решительные действия. Для этого, для постоянной координации, и было создано специальное подразделение, которым руководил Иван Агаянц.

Он начал с нуля, с чистой доски. Однако авторитет полковника Агаянца был настолько высок, что ему удалось быстро подобрать прекрасных помощников, способных исполнителей. Причем Иван Иванович предпочитал выбирать сотрудников сам, и, насколько знаю, здесь он не ошибался.

В этот отдел попал впоследствии и я.

Кабинет у Агаянца был затемненный, свет не бил в глаза. Захожу, он сидит в полутьме. И разговор пошел какой-то мягкий, спокойный. Я сразу почувствовал: Агаянц настроен по-доброму.

И стал я заниматься в новом подразделении приблизительно теми же проблемами, той же западногерманской разведывательной службой. Но в этом коллективе я почувствовал несколько иную атмосферу: доброжелательность, никаких трений между руководителями, между работниками. Всё шло от Ивана Ивановича, он смог повлиять на окружающих, настроить всех на верную волну. Определил точные направления деятельности отделов. Причем каждому ставил посильную, выполнимую задачу, каким-то своим особым чутьем понимая, кто и на что способен. И, не удивляйтесь, давал свободу творчеству.

А подразделение было любопытное, — неважно, как там оно называлось. О нем ведь и сейчас мало известно. Занимались мы и внешней политикой. Исключительно много зависело от того, как мои товарищи, коллеги оценивали поступающую информацию. Как могли, мы перерабатывали ее таким образом, чтобы было выгодно использовать в наших интересах.

Атмосфера, побуждавшая к творчеству, была невероятно сильна. Кто хотел писать — пожалуйста.

Если вы находите какие-то интересные материалы, публикуйтесь. Кстати, в то время существовал спецархив, в котором хранились трофейные документы. Было много материалов, связанных с карательными акциями гитлеровцев на временно оккупированных территориях. Пишущие сотрудники охотно пользовались его уникальными материалами...

Иван Иванович Агаянц приучал людей думать шире, не замыкаться только на каких-то своих оперативных проблемах. Но слишком распространяться я не буду — тема эта пока закрытая, о ней почти ничего не рассказывается. Разве что в редко читаемой широкой публикой специальной литературе проскакивают иногда отдельные эпизоды...

Хотя могу сказать, обращаясь к истории, что еще в 1923 году, по решению высшего партийного руководства, в рамках ЧК, МИДа и Генштаба создали специальное бюро по дезинформации. Работа в тот период шла довольно активно, но потом она постепенно затухла. Затем не стало и единого центра. Хотя Служба в этом плане что-то и делала. Но это не было чем-то по-настоящему отработанным, отдачу нельзя было считать высокой — скорее, довольно низкой.

Иван Иванович понимал, насколько подобная работа важна и нужна. Он вышел с предложением и смог создать по-настоящему новое подразделение. Сам разрабатывал структуру, методику его работы, проведение своеобразных акций. Это был новый шаг.

И работа пошла совершенно по-другому. Осуществлялись такие острые мероприятия, что наступил момент, когда ЦРУ и Госдепу пришлось ежегодно докладывать конгрессу США о деятельности советской разведки в этой сфере. Доклады публиковались, анализировались. Большинство «активных мероприятий» — такой термин был принят

для обозначения акций в этой сфере — приносили весомые результаты.

Конечно, повезло, что подразделение возглавлял Агаянц. Иван Иванович старался отслеживать рост каждого своего оперативного работника. Приглашал к себе на беседу. Обсуждал отдельные проблемы конкретно, напрямую, а не через кого-то. Наставлял подчиненных: берегите себя, разведчиков готовят на долгие годы.

Он реально заботился о каждом. Как-то я заболел, и надо же — Новый год, а я — в госпитале. Обидно! И тут под самый праздник приезжает ко мне один из руководителей нашего подразделения с новогодним подарком. Книга о скульптуре на немецком языке, поскольку я германист, и автограф Ивана Ивановича Агаянца с пожеланиями скорейшего выздоровления и поздравлениями. Тепло на душе стало...

И так бывало всегда. У одной нашей сотрудницы слегла мама. Тогда Агаянц связался с Минздравом, и вскоре было получено разрешение положить ее в Институт кардиологии.

Иван Иванович старался, чтобы мы общались семьями. Поэтому в Центральном клубе два или три раза в год обязательно собирался весь коллектив — с женами. Большой концерт, угощение, вино. Приглашались и знаменитые люди, познакомиться с которыми было не только интересно, но и полезно. Агаянц участвовал в этих встречах. Не просто по должности, как организатор и руководитель, а как товарищ. Даже один его внешний вид вызывал невольное уважение. Подтянут, хорошо, я бы сказал, элегантно одет... Понимаете, таким руководителем гордились. Старались, по возможности, брать с него пример.

Конечно, многое решал и его чисто профессиональный опыт. Он прошел такую нелегкую

школу в зарубежье. И делился он знаниями щедро. Это было видно всем — те, кто хотел учиться, набираться навыков, попадали в благоприятную среду.

Мы в нашем подразделении не занимались вербовочной работой, цели нам ставились несколько иные, но сотрудники, работавшие с Иваном Ивановичем за границей, считали его блестящим вербовщиком. Он лично приобрел немало агентов и в Иране, и во Франции. Люди, привлеченные Агаянцем, трудились вместе с ним, с его последователями не один год.

Была у него своя манера поведения. Он никогда не повышал голоса. Никогда. Тихо, спокойно высказывал свои мысли, свои соображения. И пришедшего подчиненного сам слушал внимательно. Обсуждал всё высказанное, пытался в мягкой форме обратить его внимание на те, скажем, недоработки или моменты, которые тот не учел.

Агаянц был удивительно тактичным человеком. Даже давая суровую оценку, он умел одновременно указывать верный путь к решению. Подсказывал, как выработать правильную версию. Такая манера общения с оперативным составом приводила к тому, что мы не просто его уважали, а по-настоящему любили. Он был каждому из нас примером того, как надо работать, как вести себя в коллективе с подчиненными. Если хотите, то это и была постоянная воспитательная работа. Иван Иванович демонстрировал, показывал, как надо общаться с людьми, как вдохновлять их на более успешные, результативные решения возникающих проблем.

Меня да и всех Агаянц поражал феноменальной памятью. Вообще-то у большинства людей моей профессии память развита неплохо. А Иван Иванович мог досконально воспроизвести ход какого-то события и его даты. Он помнил не только имена, но и — что не часто случается с начальниками, общающимися с

огромным количеством людей, — отчества подчиненных, с которыми ему когда-то и где-то приходилось встречаться. Это вызывало и удивление, и благодарность за такое к себе отношение.

Еще два качества — вежливость и внимательность были у него врожденными. Вошел к нему в кабинет вызванный сотрудник, и Иван Иванович обязательно вставал из-за стола, чтобы с ним поздороваться. А если заходила сотрудница, то Агаянц ждал, когда она устроится на стуле, и сам садился только после дамы.

И, знаете, как часто бывает... Человек хорошо работает, и поэтому начальник стремится его у себя удержать, не дает расти. Иван Иванович поступал по-другому. Он сам старался помочь нам, дать возможность обращаться к оперативной работе, рекомендовал своих сотрудников для поездок в очередную заграничную командировку. Он понимал: именно это дает возможности оперативного роста, позволяет товарищам набираться опыта. Совершенно не случайно, что потом, после командировки, люди в большинстве своем старались вернуться в этот же коллектив, к Ивану Ивановичу.

Но если у вас создалось впечатление, будто Агаянц был эдаким начальником-добрячком, то вы очень ошибаетесь. Оценки сослуживцам он давал прямые, честные. Надо было — критиковал, и довольно жестко. Служил у него в подразделении Анатолий Яцков. «Атомный разведчик», в 1996-м ему посмертно присвоили звание Героя России. За плечами — сложнейшие командировки, в США он работал с нашими агентами, передававшими ценнейшие сведения об атомной бомбе.

Но жизнь непредсказуема: развелся Анатолий Антонович с женой. Как в те годы было принято, решили заслушать его персональное дело на партсобрании. И, знаете, Иван Иванович был за то, чтобы строго наказать

сотрудника по партийной линии. Собрание шло нормально, спокойно. Но выступает один товарищ и говорит: за что Яцкова наказывать? Жена к Анатолию особых претензий не имеет, ну, полюбил другую — следует ограничиться тем, что «поставить ему на вид». Была такая мера партийного воздействия. Собрание к этим доводам прислушалось, работником Яцков был отличным и отделался самым легким наказанием. Но как же был недоволен Иван Иванович! Правда, промолчал, ни на кого не давил, хотя и сидел насупившись. Был он вот такой, правильный...

На каком-то первом этапе создания коллектива сложилась ситуация, что поскольку место работы здесь в основном было более-менее стабильное, кадровики старались сплавить в подразделение тех, кто по самым разным причинам не имел возможности выехать в командировки. В какой-то период это подразделение рассматривалось неким отстойником, где уж сядешь и никуда больше не поедешь, не будет у тебя дальнейшего развития.

Иван Иванович смог эту тенденцию переломить. А в результате люди пошли в это подразделение, стали охотно здесь работать, а по возвращении из командировок, как я уже сказал, опять стремились попасть сюда же. К тому же это подразделение давало очень много оперативному составу с точки зрения политического развития, политического роста.

Отмечу, что у Агаянца были очень тесные контакты с Министерством обороны, с Генштабом, МИДом и Госпланом. Он там везде был своим. Поэтому именно он, а не начальник разведки, обычно звонил, встречался, договаривался с высоким руководством самых разнообразных ведомств по всем нашим проблемам.

Иван Иванович довольно долго проработал на этом месте. В декабре 1965-го руководство разведки дало достойную оценку его усилиям: «Благодаря правильной

организации работы отделом успешно проведен ряд активных мероприятий, направленных на разоблачение планов США и оказание влияния на позиции правительств, генштабов и разведок противника по политическим, экономическим и военным вопросам. Принимал участие в выполнении заданий Инстанции (так именовался ЦК КПСС. — И. Д.) по срыву агрессивных планов США против Кубы, а также Конго и Лаоса... В настоящее время И. И. Агаянц занимает должность, которая по перечню должностей не подлежит замещению генералами. Однако, учитывая заслуги и многолетнюю деятельность И. И. Агаянца в органах разведки, а также то, что он многие годы занимал должности, подлежащие замещению генералами, считаем возможным в порядке исключения представить к присвоению звания генерал-майора».

20 декабря — наш профессиональный праздник, День разведчика. А в его канун, 16 декабря 1965 года, Совет министров СССР принял постановление о присвоении Агаянцу Ивану Ивановичу звания генерал-майора. Он и был настоящим генералом, боевым, действующим, никаким не «паркетным» и не «кабинетным».

В 1967 году Агаянц назначен заместителем начальника Первого главного управления КГБ при Совете министров СССР, ныне это Служба внешней разведки России. Но, кстати, все его последователи по прежнему подразделению очень умело сохраняли в коллективе эту же обстановку.

Семья у него была на редкость дружная. Вместе с женой Еленой Ильиничной они вырастили сыновей, Николая и Александра. Николай стал журналистом, Александр — дипломатом. А дочка, Арфеник, посвятила себя семейным делам. Благодаря ей я и узнал многие факты из биографии ее отца, о котором вам с удовольствием рассказываю.

Да, эта ваша книга о Геворке Андреевиче Вартаняне. Но, кто знает, состоялся бы он как великий разведчик без такого учителя, как Иван Иванович Агаянц? Я считаю, что выполнил свой долг, представив вам, читателям, этого замечательного человека. Не сочтите за труд, приведите в книге те награды, которыми отмечен наш учитель Иван Иванович Агаянц: это ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды, многие медали, ордена и медали зарубежных государств. Агаянц был награжден очень ценящимися в нашей среде нагрудными знаками «Заслуженный работник НКВД» и «Почетный сотрудник госбезопасности».

Вы, я вижу, смотрите на меня с ожиданием... Понимаю, хотелось бы услышать не только о Тегеране, Франции, но и о деятельности Агаянца в том самом, им же созданном подразделении. Поверьте на слово, такие примеры мне приводить непросто. Ну, скажем, в свое время наша резидентура в Париже смогла получить секретные материалы министерства обороны и военного командования США о планировании атомного нападения на Советский Союз. Наши товарищи завербовали одного американца, который работал в пункте связи. Он принимал эти донесения, пакеты с планами, с документами из Вашингтона и переправлял их дальше, в Западную Германию. Здесь всё это удавалось копировать — и передавать сюда, в Москву. Такие акции осуществлялись долгие годы. Материалы мы публиковали: доводили до сведения общественности эти планы. Рассказывая это, секретов я не выдаю. В шестом томе «Очерков истории российской внешней разведки» четко излагается содержание этих документов. Но, повторяюсь, всё, точнее почти всё, что связано с работой этого подразделения, пока что закрыто.

А возвращаясь к работе в подразделении Агаянца, скажу: горжусь тем, что общался с ним лично. Пришел туда майором — там же я стал полковником. Работал в подразделении, потом выехал на пять лет в командировку в Германию. Потом снова Москва, поработал два-три года, опять уехал в командировку, но в это время Иван Иванович уже не работал — болезнь.

Приготовил я для вас книгу генерала Всеволода Радченко. О чем она, понятно из названия: «Главная профессия — разведка». Он не только работал с Агаянцем, но и по-человечески был очень близок с Иваном Ивановичем. Когда тот болел и лежал в «кремлевке», Радченко его постоянно навещал.

Всеволод Кузьмич Радченко был руководителем оперативного направления. Умный, толковый парень, таких Агаянц и продвигал. Отправил его в Прагу, когда мы реализовывали одно мероприятие.

Тогда мы обнаружили в нашем спецархиве интересные немецкие трофейные документы, дискредитировавшие гитлеровский строй, вермахт и гестапо. В данном случае мы собрали документальные свидетельства обо всем том, что устроили фашисты с Австрией. Были документы о захвате Чехословакии.

Документы настоящие, подлинные. Нужно было привлечь к ним внимание, сделать так, чтобы заинтересовать найденным как можно больше людей. Мы решили инсценировать их затопление в одном из озер Чехословакии, а потом якобы случайно герметически упакованные ящики обнаружили подводники-любители.

На основании этих материалов я дал в 1964 году, под псевдонимом Вит. Королин, публикации в популярнейшем тогда еженедельнике «Неделя», издававшемся при «Известиях». Вот маленький отрывочек, который введет в курс дела.

Виталий Викторович протянул мне небольшую папку. В ней — вырезки из «Недели» и других изданий, оригиналы его семнадцатистраничного материала. И тут я позавидовал полковнику. Как всё аккуратно подобрано — листочек к листочку. Протянул руку, снял с полочки. А у меня дома...

Короткое улыбнулся:

— Зря вы меня захваливаете. Это все я собрал и разобрал в последние годы. А до отставки не до того было. Придет время, и вы со своими архивами разберетесь.

Но перейдем к статье Вит. Королина «Черный клад Черных озер»:

«<...> Пришел июль 1964 года. Со страниц мировой прессы прозвучали названия мало кому известных за пределами Чехословакии озер — Черного и Чортова. Сотрудники пражского телевидения приехали сюда снимать фильмы о шумавских легендах. В подводных съемках им помогали водолазы-любители из Союза содействия армии. Но вместо хоровода веселых русалок и водяных участникам экспедиции пришлось увидеть призраки Второй мировой войны — заминированные ящики. После предварительного изучения часть их была представлена общественности.

Несколько дней назад в Праге состоялась пресс-конференция, организованная министерством внутренних дел ЧССР, в ходе которой министр тов. Штроугал ознакомил представителей прессы, радио и телевидения с несколькими из многих сотен важных нацистских секретных документов, которые нашли на дне Черного озера».

Здесь же фото, на котором «стрелками обозначены места, где нашли гитлеровские документы».

Ящики вскрыли. Всё, что хранилось в них, — правда до последнего слова. И об оккупации, о расстрелах, о роли местных гитлеровских приспешников. Никаких

выдумок! Но документы, что называется, «всплыли» на поверхность таким вот таинственным образом, и потому интерес вызвали повышенный. Их проверили, признали достоверными. И на этой основе появилось множество публикаций. Не только в нашей и в чехословацкой прессе, но и в западной. Смотрите, какие заголовки: «Кулисы Третьего рейха», «Тайны Черного озера», «Совершенно секретно: тайны Шумавских озер»...

И на работе, продолжает Виталий Викторович, это было хорошо воспринято.

Агаянц — это высокий образец для подражания. Он и оперативный работник, и политический руководитель. Человек огромнейшего личного обаяния. Умел построить отношения, умел внушить доверие к себе, умел завоевать человека. Я глубоко уверен, что именно эти качества, которые в свое время еще в Тегеране, в работе с той же «Легкой кавалерией», сыграли решающую роль. Он был примером для Геворка Вартаняна и его ребят. По-моему, Геворк Андреевич невольно перенял даже его манеру общения. Агаянц знал, как заинтересовать своих товарищей решением сложнейшей проблемы, передать им свое видение ее решения. Он всегда был решителен, смел и одновременно исключительно осторожен...

* * *

И в заключение этого рассказа — несколько строк из книги ветерана разведки Всеволода Радченко «Главная профессия — разведка»:

«<...> Эту службу создавал сам Иван Иванович. При нем служба заняла важное место в ПГУ и добилась в ряде случаев выдающихся успехов. Я прекрасно понимаю, что годы работы в службе стали основой для моего роста. В первую очередь не в должностях и званиях, а в развитии эрудиции разведчика, расширении

политического кругозора. Масштаб задач, ширина и глубина проработки операций обязывали к очень большой напряженной деятельности...

Атмосфера усердия, напряженной работы, углубленного анализа возникающих проблем постоянно в службе... поддерживалась лично Агаянцем. Сам он работал, не жалея себя... Агаянцу сделали операцию на коже, небольшую, казалось бы, он уже вышел на работу, но через 2—3 месяца вновь лег в "Кремлевку". Я, как партийный секретарь службы и "старый кадр", служивший с первых дней создания службы, регулярно бывал в ЦКБ у Ивана Ивановича.

Болезнь развивалась очень быстро. Однажды Агаянц пригласил меня пройтись по парку. Было тепло. Говорили о делах. Но вдруг он остановился и сказал, что у него неожиданно появились опухоли в районе подмышек и в паху и... замолчал. Я попросил его разрешения посоветоваться в службе о возможности помочь в лечении, так как этот вопрос, как я понимал, приобретал чрезвычайный характер. Прибыв на работу, доложил о своих худших опасениях заму Агаянца С. А. Кондрашо-ву (впоследствии генерал-лейтенант СВР. — Н. Д.). Он при мне позвонил Ю. В. Андропову, председателю КГБ. Реакция была немедленной. Председатель тут же предложил организовать у Агаянца консилиум лучших врачей Москвы.

Я был при проведении консилиума в ЦКБ. Выводы были неутешительными: быстро прогрессирующий рак. Один из профессоров прямо назвал сроки жизни — 3—4 недели. Так и случилось...»

Похоронен Иван Иванович Агаянц на Новодевичьем кладбище рядом с женой. У черной приземистой стелы лежат красные гвоздики.

ЧАСТЬ 2

Глава 7.

ГЕРОЙ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

О супругах Вартанян рассказывает генерал-майор СВР Юрий Иванович Дроздов, возглавлявший с 1979 по 1991 год нелегальную разведку.

Юрий Иванович Дроздов — фигура в Службе легендарная. Разговоришься иногда с его коллегами, и при воспоминании о каком-нибудь бывшем начальстве услышишь порой сдержанное: да, был такой-то. К генерал-майору Дроздову это не относится. Вот человек, кто почитаем буквально всеми! И нелегалами — особенно. Нередко приходится слышать: «Это было при Дроздове... Так придумал Юрий Иванович... И тогда я пошел к начальнику Управления "С"...»

Герой России Алексей Михайлович Козлов, выданный предателем и просидевший в камере смертников в ЮАР, чуть не молится на Юрия Ивановича. Ну, кто еще кроме обладавшего не только огромным опытом, но и смелостью Дроздова мог вновь отправить засветившегося нелегала на новые подвиги «под чужим обличьем» — то есть возвратить его на нелегальную работу?

Ценил своего бывшего начальника и Геворк Андреевич Вартанян. Довелось им поработать вместе.

Дроздова никак не назовешь кабинетным работником. Он был резидентом в США и Китае; 12 лет возглавлявший самое закрытое управление внешней разведки, известное под литерой «С», он и сам имел опыт нелегальной работы. Он, как «кузен Юрген Дривс», вытаскивал из американского плена полковника Абея. Затем появился и, сделав нужную работу, исчез в ФРГ некий «инспектор Кляйнерт», который весьма аккуратно сумел убедить кое-кого из заинтересованных

американцев, что им очень нужен некий ученый... На самом же деле тот ученый, известный в Москве под условным именем «Александр», являлся прямым «наследником» Абеля. Он отработал в США 15 лет и благополучно вернулся на родину. А был еще и не скрывавший нацистских взглядов барон фон Хоэнштейн, который на самом деле успешно поработал в Западной Германии для советской нелегальной разведки. Эту роль также «исполнил» Дроздов, в совершенстве владевший немецким...

Юрий Иванович был сугубый практик, а потому прекрасно знал, что именно необходимо разведке. Так, он одним из первых придумал термин «разведчик специального назначения». Это значит — разведчик, решающий острые задачи в «особый период». Что такое «острая задача»? Ну, скажем, это когда риск для жизни, стрельба, преследование — и в основном на чужой территории. В общем, всё совсем как в кино... Вот только «особый период» — это война.

Под этот термин, «разведчик особого назначения», отлично подходят сотрудники «Вымпела». Секретный отряд специального назначения проводил операции за пределами нашей страны — к примеру, в Афганистане при штурме дворца Амина. И не только.

Один из инициаторов создания «Вымпела» — Юрий Иванович Дроздов, сумевший убедить тогдашнего председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова в необходимости формирования специального кадрового подразделения в системе нашей внешней разведки. О возможностях этого подразделения свидетельствует хотя бы то, что в «Вымпеле» служили люди тридцати двух национальностей, некоторые даже успели пройти обучение в спецназах стран НАТО. Примерно так же, как Геворк Андреевич учился в английской разведшколе...

И всё же основная работа генерал-майора Юрия Дроздова связана с нелегальной разведкой. Вартаняны

уехали «туда» задолго до его прихода в управление. Юрий Иванович с восхищением рассказывает, что на их подготовку ушло не шесть-семь лет, как это обычно бывает у других нелегалов, а всего несколько месяцев. Тегеранский опыт дал многое...

Дроздов прекрасно понимал, что Вартаняны «вкалывали» совсем не за звания и почести. И делали они это настолько удачно, что, составляя, как обычно в декабре 1983-го, годовой отчет, начальник Управления «С» подумал о необычайнейшем размахе и великой пользе, приносимой нелегалами — теми людьми, которые уже долгие годы работали, по терминологии разведки, в «особых условиях». Тут и возникла мысль наградить лучших из лучших высшими наградами.

Тогда стали вспоминать и выяснилось, что после 1945-го сотрудники советской внешней разведки если и награждались, то в лучшем случае — орденами. Звание Героя Советского Союза разведчикам присваивалось только во время Великой Отечественной войны — за подпольную и партизанскую деятельность. Это не очень известно, но, к примеру, Виктор Александрович Лягин, руководивший подпольной группой в оккупированном гитлеровцами Николаеве и посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, до войны работал в США по линии научно-технической разведки, а легендарный командир партизанского отряда «Соколы» Кирилл Прокофьевич Орловский, удостоенный не только звания Героя Советского Союза, но и уже в иной, совершенно мирной жизни звания Героя Социалистического Труда, в 1936—1937 годах выполнял ответственные задания внешней разведки в Испании.

Однако повторю, что непосредственно за разведывательную работу по линии нелегальной разведки в мирное время звание Героя Советского Союза никто из ее сотрудников ранее никогда не получал. От заслуженных ветеранов-нелегалов мне порой

приходилось слышать: «Героев и генералов нам не давали».

Подумывали, правда, о представлении к званию Героя Советского Союза Рудольфа Абея, он же Вильям Фишер. Но в 1971 -м он скончался, и инициатива как-то сама собой затухла.

Но всё же, что мешало оценить смертельно опасный труд по достоинству? Дроздов обсудил предложение с высшим руководством разведки, а затем — и Комитета государственной безопасности. Как было тогда принято, документы на награждение передали в Центральный комитет КПСС и Совет министров. Там удивились, ибо даже не предполагали, что разведчики-нелегалы вносят такой громадный вклад в решение внешнеполитических задач государственной важности.

Звание Героя Советского Союза было присвоено Геворку Андреевичу Вартаняну в 1984-м. Конечно, соблюдались все правила конспирации. В указе значилась вымышленная фамилия, приведены фиктивные паспортные данные. То же самое касалось и супруги нелегала, которую наградили боевым орденом Красного Знамени. Это были «Анри» и «Анита». Под такими псевдонимами десятилетиями действовали в разных странах Геворк и Гоар Вартаняны...

Приведу еще некоторые любопытнейшие данные из воспоминаний Юрия Ивановича Дроздова. Оказывается — и об этом почти не говорилось, что несколько лет Вартаняны жили в Италии. Южный фланг НАТО был небезынтересен советской разведке. Дает Дроздов и временную наводку: «Это было как раз тогда, когда будущий директор ЦРУ США С. Тернер был командующим войсками этой зоны, а генерал Александр Хейг — командующим союзническими войсками НАТО в Европе».

Ну а кем тогда были «Анри» и «Анита»? Вартаняны намекали мне, не упоминая страны, что занимали

прочное и довольно высокое положение в обществе. И Дроздов, не вдаваясь в подробности, тоже упоминает, что не только морские офицеры США, но и командующий адмирал Тернер «не раз пожимали им руки и пользовались их услугами. Они же оказывали "Анри" помощь, когда ему приходилось выезжать в США с заданиями нелегальной разведки».

Но еще больше поразила фраза Дроздова о том, что супруги общались с министрами этой страны и даже с ее президентом.

Высоко же забрались Вартаняны!

Так что совсем не случайно хотелось мне поговорить с Юрием Ивановичем о едва ли не лучшей — или лучшей? — в разведке семейной паре нелегалов. И получилось. Конечно же мой самый первый вопрос был о том, как Геворк Андреевич стал Героем Советского Союза.

— В конце 1979 года, почти сразу после того, как меня назначили руководителем нелегальной разведки, я съездил в Афганистан, — рассказывал Юрий Иванович. — Ну, это тема известная... Потом стал разбираться с делами Управления и однажды имел серьезный разговор с полковником К., начальником отдела, где работали Вартаняны. Я задал тогда ему вопрос: «Слушай, а почему у нас нет ни одного Героя Советского Союза? И как вообще награждались нелегалы?» Он на меня удивленно посмотрел, пожал плечами, хотя и сам был из категории тех нелегалов, которые прошли через все трудности. Предлагаю: «Подумаем, что можно сделать. Кто у нас из числа тех, кто уже давно на нелегальной работе и заслуживает присвоение звания Героя Советского Союза?» С неделю он думал-думал, потом: «Давай предложим вот этого». Мы написали большую, очень большую справку и положили ее на стол Владимиру Александровичу Крючкову. Тот долго ходил по кабинету, переживая содержание документа. Потом

взял папку, уехал к Андропову. Юрий Владимирович позвал его, позвал меня и спросил: «Всё то, что здесь написано, это правда?»

— Даже он не поверил?

— Нет, он так поставил вопрос. Я отвечаю, что все документировано. Андропов попросил еще раз проверить все документы, потому что «это очень серьезно и чтобы никто потом не задавал никаких вопросов». После я несколько раз ездил в ЦК вместе с этими материалами и там их оставил. В один прекрасный день, сейчас точно не помню дату...

— ...в 1984-м?

— Я имел в виду месяц. В ЦК сидел в наградном отделе генерал, который нами занимался. Звонит мне оттуда: «Есть указ, всё как нужно рассмотрено, всё положительно». Я обрадовался, позвонил Крючкову. Когда поступил материал, он прошел через Юрия Владимировича, поступил к нам, и дошло дело до меня. На моем столе лежал Указ Президиума Верховного Совета СССР, а где-то через пару часов «Анри» или «Анита» должны были выйти на связь, получить и расшифровать телеграмму. И вот мы сидим и думаем: как же проинформировать нелегала? Какой написать текст? Решили сухо и просто: «Указом Президиума ВС за выполнение специальных заданий Родины Вам присвоено звание Героя Советского Союза. "Анита" награждена орденом Красного Знамени. Поздравляем. Желаем успехов в работе. Центр». Рабочих вопросов в шифровке на этот раз не было.

Когда они приехали потом в отпуск, Гоар признавалась: «Как сидела я, так и опустили руки. А Жора спрашивает: что случилось? А я ему расшифрованный текст протягиваю». Вот такое было наше с ними первое личное знакомство. А до этого никогда с ними не встречался — не виделся.

— Но руководили же?

— Познакомился с делом, принимал начальника отдела полковника К. Строго по расписанию, которое у нас существовало, меня всегда информировали о том, что с ними происходит. Мне всё это было понятно.

Кто был командиром

— После того как Геворку Андреевичу присвоили звание героя, мне стоило большого труда уговорить нашего руководителя разрешить ему и супруге продолжить работу в особых условиях, — продолжает рассказ Юрий Иванович. — Обычно сотрудников разведки, имевших звание героев, — как мы говорили, за военные подвиги, за кордоном старались не использовать. Просто-напросто сознательно берегли, потому что понимали все превратности жизни нелегала.

К тому времени Вартаняны находились в одной стране, где вели большую работу. Подготовили там очередное вербовочное мероприятие по приобретению агентуры. Но мы сказали: завершаешь эту операцию, сворачиваешь потихоньку всё дело и возвращайся домой. Хватит! Уже сколько лет в таком напряжении. И можете, собственно говоря, на активной нелегальной работе поставить точку, для того чтобы передать весь опыт, который есть, своим товарищам.

Тогда, во время их отпуска, мы встретились — Вартанян, Гоар, я и начальник их отдела, который, жаль, рано ушел из жизни...

— А фамилия начальника?

— Фамилия его К. — он не рассекречен и вряд ли его имя когда-нибудь станет известно, открытым — мы его никогда не называли. Однако о некоторых мероприятиях, в которых он принимал участие, рассказывалось. В этих материалах К. проходит как «полковник». Вот кто по-настоящему понимал Вартанянов!

— И что — о нем ничего?

— К. сам испытал то, что пришлось преодолеть Вартанянам. Он был и документирован соответствующим образом... Однажды было сделано немыслимое: слепая женщина из чужого и далекого высокогорного селения признала его своим сыном. Теперь у него была «настоящая мать» с арабского Востока.

— А как это получилось? Ведь, судя по фамилии, полковник К. был русским — или наполовину русским?

— Нет, не был он русским. Осетин. Жалко, что таких теперь нет! Когда у К. возникли трудности с проверкой некоторых моментов его легенды, он вступил в переписку со своими легендированными родственниками. Тут учитывался промежуток времени, который был заложен в его истории: больше полутора десятков лет К. не приезжал домой. Выяснили, что «мать» его ослепла. К. убеждал: не будет большого риска, если он встретится с «родственниками», чтобы подкрепить свою легенду.

Но руководители комитета и внешней разведки считали такой шаг слишком смелым. Здесь грани риска если не превосходили все допустимые границы, то были где-то с ними рядом. Операция выглядела исключительно опасной для нелегала. И все-таки после длительных размышлений, всевозможных взвешиваний и колебаний К. получил добро.

Нелегал подстраховался. В нескольких километрах от села в укромном месте его ждала машина. У водителя были запрятаны документы, в которых К. значился под другим именем, и билет на самолет — сначала в одну европейскую столицу, потом пересадка — и в другую. Сложись вдруг обстоятельства неблагоприятно, не узнала бы «мать» в К. своего уехавшего на заработки сына, то тогда главным для него было бы успеть к

самолету. Наудачу, горное селение находилось не так далеко от столицы и аэропорта.

— Но почему К. был так уверен, что настоящий сын не может объявиться? Пусть не с мамой, потерявшей зрение, но с родственниками у него могла быть переписка. А люди в то сравнительно недалекое время имели обыкновение посылать домой фотографии. Не хвастовство, но снимок на фоне собственного дома, шикарного авто...

— Вы правы, выходец из горного селения сделал отличную карьеру. Устроился в европейскую фирму, по-настоящему разбогател. В первые годы даже наведывался в аул, присылал подарки, но потом куда-то исчез.

— И также внезапно мог возникнуть...

— Не мог. Он умер. Разведчик об этом узнал совершенно случайно. Тут же обратил внимание на совпадение: он был очень похож на ушедшего. Потому и решился на встречу с матерью.

— Юрий Иванович, знаете, не зря ведь говорят, что родная мать всегда узнает своего сына.

— Не зря. Я тоже с этим согласен: может узнать. Но скажет ли она окружившим ее бедным или очень небогатым людям, живущим в горах, что это — чужой человек? «Полковник» учитывал нюансы. Сын исчез полтора десятка лет назад. К., как и его «двойник», тоже успел сделать за границей неплохую деловую карьеру. Денег бизнесмен зарабатывал столько, что даже мог помогать своим коллегам по нелегальной разведке. Он заранее оповестил «родственников» о прибытии. Захватил для всех, как там и принято, подарки. Мать была готова принять и обласкать родного сына. К. был отлично одет, приехал на шикарной машине. Как было близким, и особенно матери, его отвергнуть? Хорошо, пусть это даже не ее сын. Но он-то искренне считает немолодую женщину матерью, зачем

разуверять, отталкивать хорошего человека? В конце концов, идти против всех.

— Но если бы она...

— И на «если бы» было готово объяснение. К. спросил бы у родственников, здорова ли мама, показал бы всем семейную фотографию, сделанную немногим меньшим двух десятилетий назад, когда сын приезжал в аул. Сходство с умершим — невероятное! Как отказаться от такого родственника? Ну что, убедил я вас?

— Почти. Но неужели наш нелегал знал труднейший язык в совершенстве? Ведь проскальзывают если не ошибки, то не совсем верное построение фраз, неточные ударения, да мало ли что может быть в столь сложном наречии?

— Вот этого можно было не бояться. Наш К. знал язык превосходно.

— Прямо Николай Кузнецов, который дурачил немцев, обратившись во время войны в обер-лейтенанта Пауля Зиберта.

— Рождает же наша земля таланты! К. заранее дал знать о точном времени своего приезда, сообщил о подарках. Казалось, всё было учтено...

— Но так только казалось?

— Действительно, очень желательно всё учесть и предусмотреть, но это невозможно. Весь аул вышел его встречать. К. торжественно вели к матери: на скамье у родного дома сидело несколько женщин. В чадрах! И, конечно, узнать, кто «родная мать», было практически нереально. Но пока нелегал мучительно размышлял, его слепая мама поднялась. Поддерживаемая соседками, которые, видно, и признали в приближавшемся богато одетом господине сына, встала перед ним на колени. Она его всего ощупала, произнесла молитву во славу Аллаха и назвала нашего полковника сыном. Признала. Красивый был парень. После почти двух десятков лет,

которые К. провел вне дома, всё это было просто удивительно...

— В какой же это было стране? Нет, смотрю на вас, Юрий Иванович, и понимаю, что не надо об этом даже задумываться.

— Не надо. Мы для того, чтобы поддерживать всю эту легенду, много сделали. Наш «Полковник» проходил по жизни как богатый человек. Даже подарки всем многочисленным родственникам раздал за счет своей европейской фирмы. А в селе отремонтировал домик, крышу, поставил новую изгородь. Но дела, и вот это — чистая правда, не давали возможности К. долго оставаться в ставшем родном селении. Три дня — и отъезд. Его ждала Европа. Через определенный срок, к концу пребывания в ней, он уже руководил фирмой.

— А как же «его мама»?

— Вы знаете, тут нет совершенно ничего кощунственного, злого, неблагодарного. Наоборот! Святой его «матери» мы установили пенсию, которую получали содержавшие ее родственники. И больше десятка лет переводили деньги в селение, где она проживала. Кстати, может, встреча с сыном, материальное благополучие, забота воодушевленных постоянной помощью близких тоже помогли ей прожить долго.

— Но «сына», понимаю так, она больше не увидела?

— Вы же сами говорили о риске. А «Полковник» помогал в очень серьезных мероприятиях, которые приходилось решать на Ближнем Востоке и не только. Тут всё было хорошо. Он тоже провел в зарубежье немало плодотворных для себя и внешней разведки лет.

— Ну хоть намекните, что он успел.

— Боюсь, никто и никогда деталей не приведет. А намекнуть... К. первым из наших, задолго до других, сообщил в Центр о проекте «звездных войн».

— Вы имеете в виду «стратегическую оборонную инициативу» президента Рейгана?

— Именно.

Нелегал понимал нелегала

— Полковник К. был начальником Вартаняна?

— Да. Потом, когда «Анри» вернулся окончательно, то работал у него. Готовил, к примеру, нелегала А. Собственно говоря, даже был в определенном смысле руководителем А., решал большую часть задач. Все вопросы, которые надо было решать, они обсуждали. У нелегала А. в то время уже была закончена подготовительная работа, он создал серьезные заделы, участвовал в очень серьезных мероприятиях, был у него хороший багаж...

— Чем же они с Геворком Андреевичем занимались?

— Вам опять подробности? Это была очень серьезная работа, связанная с четким знанием особенностей своего прикрытия. Потому что выбрать в разведке прикрытия — не так просто. Вартанянам это удалось. Именно такая армянская пара в очень трудное время вжилась в среду, где пустили свои корни еще их родители. Они своей работой смогли завести большие, реальные связи. А заведение круга связей еще сложнее, чем кажется. Те выходки авантюрного характера, которыми иногда я занимался, не для них...

— Вот, Вартанян приехал сюда, у него богатейший опыт, огромный. Люди, которые с ним «там» общались, могли массу всего приобрести... Его общение с А. — это было обучение? Или просто такие встречи, с передачей опыта, так сказать?

— Знаете, разведчик-нелегал — это штучная работа, и это человек очень яркой индивидуальности. То, что они сошлись с А. и поняли друг друга, в этом очень большая заслуга Геворка Андреевича. А. уже работал,

делал свои шаги, так что Вартанян стал наставником действующего нелегала. У нас таких случаев было за всю нашу историю, насколько я знаю, еще два. Это жена Зарубина...

— Елизавета Горская? Потом получилась знаменитая ныне семейная пара нелегалов.

— Да. И вторая — Африка де Лас Эрас.

— Полковник внешней разведки. Была еще радисткой у Николая Кузнецова в отряде Дмитрия Медведева. Об Африке очень трогательно рассказывала ее ученица — Тамара Ивановна.

— Полковник Африка де Лас Эрас большую часть жизни провела за границей. Ей туда подсылали людей, она их готовила там.

По-прежнему под грифом «секретно»

— Юрий Иванович, а еще можно чего-то о Вартанянах, какие-то мелкие детали?

— Стараюсь рассказывать то, что можно, а вот в мелких деталях очень уж много подробностей. Нет, оставим их на потом. Это пускай попозже!

— В своей довольно откровенной книге «Записки начальника нелегальной разведки» вы признаете, что по совершенной за рубежом работе Вартанян — один из величайших наших разведчиков, равен Абелю, Филби и другим колоссам разведки. Как это можно пояснить? Мы все время возвращаемся к Тегерану 1943-го. Но было же столько другого! Какие-то крупные операции?

— А почему не возвратиться и к Тегерану? Ликвидация с его участием, как руководителя «Легкой кавалерии», группы немецкой агентуры, брошенной для уничтожения «Большой тройки», — это что, не подвиг?

— Согласен, Тегеран. А дальше? Были же какие-то вехи?

— Были. (И долгое, очень долгое молчание. — Н. Д.)
Но рассказывать ли о них — решать не мне, а Службе.

— Вы пишете, что Вартаняны общались с адмиралом Тернером, будущим начальником ЦРУ, тогда командующим американскими войсками. Они были близко знакомы?

— Однажды, когда мы решали сложную комбинацию, то за сутки «Анри» вылетел на самолете адмирала в США.

— На самолете Тернера?

— Было такое. Командующий американской группировкой на юге Европы в кратчайшие сроки обеспечивал визовыми документами. Надо же было это делать каким-то образом.

Или если у нас кто-то пропадал, или серьезный разведчик оказывался в трудных обстоятельствах, мы иногда обращались к «Анри» для того, чтобы помочь найти этого человека. Например, тех, кто уходил из нашего поля деятельности, из числа американцев. Просили «Анри»: давайте, найдите. И была пара случаев, когда он ставил в тупик скрывавшегося завербованного американца.

— Завербованные не хотели работать, а он их возвращал?

— Несколько по-иному. Мы находили человека, выясняли всё, что с ним происходило и как происходило. В результате ставили точки над «і». У нас был случай, когда в одной стране проходила серьезная операция по пресечению вербовки американцами нашего сотрудника путем оказания давления на американца, его разрабатывавшего. Этого американца мы убедили, что он — нужный нам человек. Тот согласился, но потом не выдержал и сбежал. Мы убедились: вилла, на который жил американец, заросла травой. Ясно стало, что он раскрылся перед своими... Начали искать и нашли. Ему нужно было просто сказать, что раз уж ты согласился, то

не надо уходить от взаимодействия. Ничего тогда, конечно, не получилось.

— Почему?

— Потому что вся дальнейшая работа должны была проводиться на глазах у американцев, непосредственно там, в Штатах. Но не стал он работать и на американцев, хотя сам был американским гражданином. Скоро нам пришлось это дело закрыть. Но мы всё равно отыскали, где он находился. Мелочь, собственно говоря. Вы о ней сейчас напишете, и там, далеко, конечно, заволнуются, им придется всё это искать, думать, как всё было. Так что страну указывать не надо. Но это была красивая, интересная операция. Наш сотрудник, с которым всё это дело происходило, на пенсии сейчас. Фамилию уж, допустим, не припоминаю.

— Он действовал, как и Вартанян, с женой?

— Нет, здесь пары не было — один. А у Вартаняна потом в основном были разного рода разовые задания. При этом менялись страны, в которых им приходилось бывать. Хотя они очень трудно расставались с обжитым местом...

— Трудно? Но Геворк Андреевич говорил мне о почти ста странах.

— Это неудивительно, ибо иногда для того, чтобы оказаться в нужном месте, надо было улететь совсем в противоположную сторону, а потом оттуда прилететь к месту выполнения задания. Так бывало. Я вспоминаю последнюю такую рабочую встречу, мы сидели на даче, разговаривали.

— У них на даче?

— Нет, не у них, у нас на объекте, где мы с ними всегда встречались.

— В России?

— В России. Обсуждали все эти вопросы. Потом он на меня посмотрел и говорит: «Да, мы должны хорошо всё это обдумать». И Гоар включилась в беседу: «Мы

подумаем, проработаем этот вопрос». Они советовались — всегда.

Интересная сцена была в Красноярске, на Енисее, куда они летали, — их принимало там местное руководство, и партийное, и все прочее. Поехали тогда на остров. И кто-то из начальников обнял их: «Ребята, я знал, что такие люди есть, но никогда не думал, что они такие, как вы. Можно я вас поцелую? Для меня такое счастье, что я познакомился с вами и встретился». Кстати, полковник К., их руководитель, был с ними в поездке.

— Может, вопрос несколько смелый: вопросы немирного атома в их интересы входили?

— Ядерной тематикой они непосредственно не занимались, это делали другие. Больше они были привязаны к своей реальной профессии — коммерческой торговле коврами. На этих, собственно, коврах и связи с этими высокими американскими личностями у них и завелись.

— Об этом писать можно?

— Да... А еще у меня в памяти сохранилась встреча с руководителем Вартаняна еще по Тегерану.

— С Иваном Ивановичем Агаянцем?

— После освобождения Абея я вернулся из Германии, и в Центре на пятом этаже, где был кабинет Агаянца, я с ним увиделся.

— Это уже было в Ясенева?

— Нет, на Лубянке — Ясенева еще не было. Агаянц тогда проявлял интерес к делу Абея, задал несколько вопросов. И говорит: вот бы нам где-нибудь вместе поработать, я бы тебя познакомил с хорошими людьми. Потом я понял, кого он имеет в виду. Но я занимался Германией и никакого отношения к руководящей работе и к Вартанянам тогда не имел.

Не могу подробнее. Есть еще один человек, который, может быть, с ними встречался. Это В.

— Человек известный и интересный.

— Он был начальником этого отдела до полковника К. Потом работал в Германии. А сейчас где-то...

— Юрий Иванович, позвольте, так он же был связан с Героем России Козловым?

— Был. Он Козлова из плена выручал. Козлов его хорошо знал, он когда-то его туда провожал. Летал за ним в Германию, чтобы отсидевший несколько лет в юаровской тюрьме Козлов не оказался в трудном положении.

А когда Вартаняны уезжали в последнюю командировку, сказал им, что разработку... ну, определенного объекта... надо завершить и постараться сделать так, чтобы этот завербованный, приобретенный человек продолжил ваши дела.

Через некоторое время я ушел на пенсию. Они вернулись оттуда, хорошо закончили дело. Смогли свернуть большую работу за рубежом, которая до сегодняшнего дня никем не раскрыта. «Анри» исчез. И все те лица, которые проходят у него из числа американцев, других предпринимателей, не могут сказать о том, что они его знали. В душе-то они понимают, а раскрыть то, что они с ним знакомы, не в состоянии. Ведь это повлечет за собой серьезное расследование.

Ну а Вартанянов, как мы знаем, стали активно использовать в работе с молодежью, которая к нам приходила на службу.

— Вартанянам повезло, что им не встретился на пути какой-нибудь предатель.

— Да, как на пути того же Алексея Михайловича Козлова. Ну и ряда других наших легендарных разведчиков, которые именно по этой причине получили известность — вполне заслуженную!

Я вам так скажу — Геворк Андреевич приятный был парень. С ним было легко и интересно. У меня дома до

сих пор стоит нетронутая бутылка армянского коньяка, которую он когда-то мне подарил после поездки в Армению. Всё они с Го-ар спрашивали: почему я не ношу никаких наград и всего прочего? Как-то один раз на встречу в клуб на Дзержинке я пришел с колодками. Подходит он ко мне: «Слушай, я теперь знаю, какие у тебя ордена».

— Вы с ним на «ты» были?

— С ними — на «ты». Быстро как-то получилось, само собой.

Глава 8.

НЕЛЕГАЛ — ПОЭЗИЯ РАЗВЕДКИ

Моего собеседника легко можно принять как за русского, так и за американца, за немца или за француза. Среднего роста человек за шестьдесят, с аккуратно подстриженными усиками, десятилетия работавший во множестве стран, мог встретиться вам и мне в любом городе мира и не привлечь никакого внимания. Выделяет его разве что определенный фирменный знак — берет, явно не нашенского покроя, который носится с неким необъяснимым для меня шиком. Не могу написать: знакомьтесь, это... В общем, его в определенной степени можно считать учеником Геворка Андреевича Вартапяна.

Скажу лишь, что его жизнь «там» была прожита под чужими именами, потому что он — советский, а затем и российский разведчик-нелегал, сравнительно недавно благополучно вернувшийся в Москву.

Мы в его уютной и со вкусом обставленной квартире. На стенах — отличная живопись. Картины приехали сюда вслед за хозяином со всего земного шарика — от далекой Африки до близкой Европы.

Он — великолепный рассказчик, чутко улавливает настроение собеседника, переходя время от времени, как бы для разрядки, с русского на другие языки. И знает их, по крайней мере те несколько, которыми обучен и я, в совершенстве, естественным образом употребляя жаргонизмы и словосочетания, которые понятны лишь исконно местным жителям, прожившим в этих географических районах годы и годы.

Мы оба полагали, что проговорим час, ну, два. А не хотите ли четыре? Я был заморожен его рассказом. Он, по-моему, это чувствовал. Иногда приходилось

выключать диктофон. И не только потому, что нельзя: кое-что я не понимал, до того необычно, скорее невероятно, было повествование. Иные, то и дело всплывающие подробности, и я это с горестью осознавал, явно не предназначались для широкого круга. Впрочем, где-то на третьем часу к нам присоединился кот Тишка. Хозяин согнал его со стула: «Тиш, что, тоже хочешь послушать? А тебя разве звали?» Не звали никого. Посмотрим, можно ли назвать это «беседой для двоих».

Прошу извинения у рассказчика за постоянно повторяющееся слово «он». Всем нам придется смириться с таким обозначением.

Мы встретились, чтобы поговорить о Геворке Андреевиче Вартаняне. Я был знаком с ним как журналист, писатель. Он — как сподвижник и ученик-нелегал той же твердой, нет, совсем не так: изящной, гибкой породы. И, сидя за со знанием дела накрытым столом, полностью пренебрегая алкоголем, подбадривая себя только чаем, мы вели долгую беседу. Заготовленные вопросы едва ли не впервые негодились, они бы звучали наивным диссонансом, ибо главным был Он, а я — лишь изредка раскрывавшим рот ведомым.

— Давайте определим тему. Хочу рассказать вам о Геворке Андреевиче Вартаняне, Герое Советского Союза, великом нелегале. Мы вместе работали в одном отделе, у нас был общий куратор.

— А название отдела нельзя сказать — для истории?

— Да не надо. Думаю, эти мелочи ничего не дают. Я бы предпочел вести беседу информативно. И, знаете, с чего бы хотелось начать? Со своеобразной вводной. Может, с того, что такое разведка.

— И потом перейти к нелегальной?

— Как-то мы беседовали о нашей работе с директором СВР Михаилом Ефимовичем Фрадковым. И я

заметил, что нелегальная разведка — это и есть настоящая разведка. А остальные службы должны ей просто помогать. Логика здесь специфическая, можно на сей счет долго теоретизировать. Но позволю прежде всего поведать именно об эмоциональном отношении к нашей Службе и немножко, краешком, коснуться публикаций и книг — о разведке, и нелегальной в том числе, о разведчиках. В последнее время издано много, они есть, читаются, но, быть может, внешнее там затмевает глубоко внутреннее.

Но главное, если у вас получится книга о Геворке Андреевиче, то мне бы хотелось, чтобы было понятно: Вартанян из той плеяды, что посвятила свою жизнь родине. Я не сторонник высокопарности, однако как здесь скажешь по-другому.

Даже мы, профессионалы, до сих пор спорим, что же такое разведка. Профессия? Специальность? Подвижничество? Искусство? И до сих пор даже между нами, разведчиками, не найдено общего согласия. Некоторые говорят: это ремесло. Если считаешь наше дело ремеслом, значит, ты сам ремесленник.

Но ведь каждое ремесло может подняться до уровня искусства. Разведка — интереснейшая область деятельности, которая требует для достижения результатов очень серьезного эмоционального отношения. И этим приближается к искусству.

Я считаю, что это действительно искусство. Да, искусство взаимоотношений с людьми, искусство добывания информации. До чего всё это сложные вещи! Надо не только обладать профессиональными навыками, им-то обучают и обучат. Нужно эмоционально воздействовать на субъекта.

На 85-летию знаменитого разведчика Джорджа Блейка, которое мы отмечали в 2007 году, он, выступая, говорил с большим чувством и теплотой о нас, нелегалах. Спросил: «Что такое нелегал?» И сам

ответил: «Нелегалы — это монахи, посвятившие себя служению родине». Я возразил: «Джордж, какие же, к черту, мы монахи? Ты, наверное, хотел сказать подвижники?» И Джордж согласился. Так вот, это подвижничество — главная суть жизни, деятельности разведчика-нелегала.

Чем отличается профессионал от подвижника?

Профессионал, занятый в определенной области, знает: за свою работу он будет получать адекватное вознаграждение.

Подвижник же служит идее, никогда не думая о том, что ему за это воздастся обществом, государством, людьми. Это и есть основное отличие. Если брать конкретно отношение к работе, то нелегал не может быть нелегалом, если он ставит перед собой вопрос: а что я за это буду иметь? Когда ты выбираешь такую жизненную стезю, ты должен четко понимать: становясь на этот путь, ты обязан быть готов отдать родине всё. Это не значит отдать жизнь. Как раз это — не самое сложное, пусть и самое трагичное. Нелегалу и мысли не должно прийти, что за совершенное, за свое подвижничество он получит заслуженное, что ему воздастся. Не имеешь права и подумать о таком...

— Неловко вас перебивать, но всё же — и даже в самом конце пути?

— И даже в самом конце. Не уповать на то, что родина может тебе что-то дать, что ты ничем не отличаешься в своей Службе от твоих товарищей, которые не являются нелегалами, а работают в Центре или под прикрытием легальных резидентур.

Если брать материальную разницу между нами, это 25 процентов плюс — и только во время работы в особых условиях за границей — к твоему окладу.

Главная сторона существования нелегала — это осознание, что его работа подвижничество. Живешь для родины — и не на словах. Это либо так, либо никак. Если

не так, ты — не нелегал. А что значит «жертвовать приходится многим»? Нет большей жертвы, чем пожертвовать своей семьей, судьбой своих детей. Наверное, Алексей Михайлович Козлов вам рассказывал, как у него сложилось?

— Жена, которая была с ним на нелегальной работе, от постоянного перенапряжения заболела, и ей пришлось с двумя родившимися в ФРГ детьми уезжать в Союз. Она — месяцами в больнице, дети — в интернате, существовавшем тогда для детей сотрудников внешней разведки. И Алексей Михайлович вспоминал, как в ночь перед отъездом за границу он подшивал воротнички на школьной форме сынишке и дочери. Переживал, мучился вдали от них страшно.

— У некоторых других складывалось еще тяжелее. Возвращаются вместе домой, и дети — ни слова по-русски. Да еще и со слезами на глазах бросают родителям: «Вы — советские шпионы!»

— Знаете, я видел девочку — дочь нелегалов. И она, как раз наоборот, меня поразила своей чистотой, любовью к России, прямо-таки необузданной верой в нее, в нас. Но и непониманием того, что далеко не все люди такие, как ее отец и мать, как она сама. Задавала мне вопрос «почему?», и ответить было сложно. Девочка, дочь нелегала Т. И., уверен, выучит и русский, который ей с братом пришлось осваивать уже относительно взрослой, и во всем разберется. И патриоткой останется. А после, скажем, Кембриджа или Итона и той страны, где они с родителями жили, знание языков у нее фантастическое. Сможет продолжить семейные традиции. Или помогать адаптироваться здесь таким же, как она, возвращающимся.

— Да, эти ребята возвращались относительно взрослыми. И, как бывает, молодые строят свои планы, переживают первую влюбленность. А всё это нужно бросить. Оказывается, папины и мамины родители не

умерли — не погибли, как тебе рассказывали. Вот твоя бабушка, которая тебя так ждала и, в отличие от дедушки, все-таки дождалась. А ты, конечно, никакая не аргентинка, а русская. Психологически такой обвал выдержать сложно...

Случай не единичный. Мне приходилось выводить сюда одну пару. Дети уже в достаточно взрослом возрасте, и проблемы такие же. У других, как у Вартанянов, у Федоровых (пара сравнительно недавно скончавшихся нелегалов, долгие годы проработавшая в «одной стране». — И. Д.), нет детей.

— То же и у героев России Леонтины и Морриса Коэнов. Моррис говорил мне, что они с Лоной боялись.

— Боялись. И приходилось жертвовать. Была мысль: на кого мы их оставим, если что-то случится? Это именно так, а совсем не потому, что Служба запрещает. Ни в коем случае, никаких запретов.

— А у вас, кажется, дочка?

— Две дочки. Родились здесь. У нас получилось так. Начинали мы с супругой работать вместе.

— Как? Ваша жена — тоже нелегал?

— Да еще какая!

— Картины на стенах — ваше творчество? Италия, Сингапур, Египет, Париж — вон он, Монмартр. Бывали на Монмартре?

— Я там рисовал. Как раз во времена молодежных восстаний. Студенты, демонстрации и их разгоны. Надышался там этого газа. Жил я как раз неподалеку от Люксембургского сада, Латинского квартала, Буль Миша (бульвара Сент-Мишель. — Н. Д.) и так далее.

— Вы так его называете?

— А как? Парижский жаргон. Я там долго жил. Это — мой родной язык. Должен же быть у нелегала родной язык, и он стал для меня родным. У меня «родных» два — немецкий и французский.

— Как они превратились в такие?

— Благодаря длительной подготовке. С чего всё начинается? В разведку ведь приходят по-разному. У Геворка Андреевича Вартаняна оно сложилось естественным образом. Мы же говорим о Вартаняне, но, давая оценки жизни и творчеству нелегала, я, конечно, опираюсь на свои знания о нем и эмоции. Хочу не просто быть искренним, а рассказать о том, что было пережито. Я очень хочу, чтобы книга ваша вышла не сухой. Знаете, не по принципу: он родился в эдаком году, жил там-то, работал, теперь дома и награжден. Гораздо интереснее, по-моему, создать материал, книгу, где есть эффект присутствия, эмоциональность, подробности, чувства... Пример для меня — «Семнадцать мгновений весны».

— Но там же и немало неправдоподобного...

— А мне фильм очень понравился. Он правдивый по своему внутреннему духу. Конечно, многое притянута. И не было у нас на самом «их» верху такого человека. Зато какие эмоциональные всплески! Как он встречается со своей женой! Помните?

— Меня даже познакомили с актрисой Элеонорой Шашковой, игравшей роль жены Штирлица...

— Я актрисы не знаю, зато знаю место, где снималась та сцена. Всю картину делали в Таллине, а этот эпизод — в «Элефант Келлер» города Ваймера. Есть там такое уютное кафе. Я учился в бывшей ГДР, бывал в Ваймере. Было там давным-давно маленькое княжество, в котором жили Шиллер, Гёте, Лист. Курфюрст княжества прослыл любителем всех искусств, приглашал великих к себе на службу — и Гёте воспитывал его детей, как наш Василий Андреевич Жуковский воспитывал детей императора Николая I. Я не случайно вспоминаю это место с почтительным уважением, потому что научился там любить ставший мне родным немецкий.

Как вступаешь в это родство? У Геворка Андреевича, жившего с детства в Иране, родным был, естественно,

персидский. То же — и у Гоар Левоновны. Им было проще. Они выезжали за границу по своим документам, как иранцы.

— Я этого не слышал.

— Конечно. Они якобы выехали из Ирана после войны. На самом деле, как хорошо известно, приехали из Тегерана в СССР в 1951-м, окончили в Ереване институт иностранных языков. После этого к ним обратились с предложением: «Не хотите у нас работать?» И тогда они стали нелегалами.

— Хотя до этого был Иран...

— Тегеран и прочее — это так, детские забавы по сравнению с тем, что Вартаняны совершили потом. Они выехали на Запад. Оказались в Швейцарии. Якобы бежали из Ирана в связи с неприятными политическими событиями, затем якобы находились в Европе: надо было перекрыть тот пятилетний ереванский период. Проехали по тем странам, где по легенде жили. И только после этого выехали к месту своей работы в Европе. Но это, я догадываюсь, нельзя трогать. Так что конкретики не будет. Просто страна НАТО, и этого достаточно. И Вартаняны, прожившие годы и годы в Иране, в общем знали тот мир.

Но из большинства приходящих разными путями-дорогами в нелегальную разведку «иностранцев» именно делают. Идет огромная подготовка.

— А как произошло с вами?

— Но мы же тогда отвлечемся от наших главных героев.

— По-моему, это будет исключительно познавательно. Вы же говорили о разных путях-дорогах. Покажите и вы вашу тропинку.

— Ну, если вы уверены, что это будет интересно... Я никогда не думал, не мечтал стать разведчиком. В страшном сне мне такого не снилось! Но меня нашли. И если говорить о себе, отбросив ту самую скромность, от

которой не умру, то был я некой исторической личностью. Был сначала последним сталинским, позже — ленинским стипендиатом нашего вуза. Мне прочили профессорскую карьеру. В комиссии по распределению студентов мне даже всё подробно рассказали: ректор поставил четкую задачу. Мол, три года — и кандидатская диссертация. Я искренне считал, что за три года написать диссертацию — ерунда. Потом напишу докторскую, и вскоре — заведующий кафедрой. Еще и спросили, устроит ли меня такое. Естественно, что устраивало. Великолепная научная карьера, мое будущее — в стенах любимого вуза. Предел мечтаний! А до этого, так получилось, я год проучился в ГДР по обмену студентами.

— Вы, наверное, здорово знали немецкий?

— Да, весьма прилично. И когда казалось, что все мои дела уже на мази, ко мне вдруг обращаются: есть у нас высшая школа разведки, предлагаем вам в ней учиться. Надо было принимать решение. А если уж принимать, то от всех прошлых планов надо отказываться. Ради чего?

— Вам говорили о дальнейшей вашей роли? Намеряли на нелегальную разведку?

— Никто и ничего. Учился, как легальный разведчик, как все наши товарищи. Получил еще одно высшее образование, диплом государственный. Правило было — либо один год учиться, либо два. Немецкий язык у меня был в полном порядке, многие осваивали за два года базовый язык. При поступлении сдавал немецкий, на год вперед мне его проставили и объявили, что имею право на год учебы. И тут я сказал стоп: на это не согласен. Нормальный человек был бы счастлив сбросить двенадцать месяцев, пора на работу. Но я, проучившись уже шесть лет, решил по-иному. Для чего нужны были эти два года? Не потому, что боялся, что за год не успею освоить новую специальность. Я ничего в жизни еще не

умел делать, кроме одного: умел только учиться. И хотя был уже женат и даже дочка у нас родилась, жизненного опыта — кот наплакал.

Почему я всё это вам рассказываю? Мне предстояло осмыслить, зачем я всё это на себя взял, взвалил, почему учился два года, хотя мог бы и один. Для чего мне разведка? Не потому, что она могла мне дать, — а что именно мне нужно в ней сделать. Человек должен понимать, ради чего он стольким жертвует. Не ради же наград, денег, поощрений. Ради чего-то этот путь выбрать. Путь, по велению сердца, можно выбрать только для чего-то. Это же самое святое — обеспечение безопасности родины, своих друзей — близких и далеких. Это не просто красивые слова. Звучит пафосно, когда не тебя касается. А когда это по-настоящему твое, то вот это — самое главное. Вот она — суть нелегала. Беззаветное служение родине. Потому Джордж Блейк и сказал, что «вы — как монахи». Да, монашеское беззаветное, самоотреченное служение идее.

— Как вы эту идею назвали бы?

— Идеей безопасности. Это самая яркая черта Геворка Андреевича Вартаняна. Вот человек с большим сердцем, очень светлой душой. Он любил родину. Постоянно об этом говорил. И не потому, что хотел показать себя лучше других. Это был его крик души. Признание в любви к родине было для него так же естественно, как дыхание. Но основным для Вартаняна было не просто делать признание, а воплощать его в деле — через трудности, через ежедневное преодоление. Их с Гоар жизнь «там» — это тридцатилетняя война. Были такие длинные войны, как мы знаем из истории. Но там, на обыкновенной войне, на протяжении долгих лет кто-то служил, кто-то выходил в отставку, а кого-то убивали. А здесь на протяжении тридцати лет ты все время в окопе. И еще приходится время от времени приподниматься, идти в атаку. Так

случается часто, испытываемое напряжение — постоянно. И когда Геворк Андреевич начал работать, то пришла эта жажда успеха не ради успеха, а потому, что на тебя родина надеется. А если уж на кого-то рассчитывать, то ведь там, далеко, рядом из твоих — никого. Значит, кто же еще — только ты и никто другой.

Я рассказываю вам так подробно потому, что каждому разведчику приходилось искать — ради чего и для кого. Смысл нашей деятельности очень глубок. Мне хочется, чтобы вы и ваши читатели это поняли. Мы пропускаем это через сердце, и эмоциональность здесь совсем не вредит.

— Эмоциональность не вредит нелегалу?

— Он обязательно должен быть эмоциональным.

— Но как же тогда вечные постулаты о спокойствии, выдержке?

— Это внешне. Не путайте с тем, что бурлит внутри. Без эмоций воздействовать на другого человека никак нельзя. Что такое поэзия в разведке?

— Тут есть место и для поэзии?

— Да. Поэзия — это вербовка. При которой нельзя сделать твоему собеседнику плохо. И в то же время необходимо убедить его совершить шаги, сделать вещи в нужном нам направлении — чтобы они соответствовали и его вере, и его устремлениям. Как у того же Блейка, у других наших помощников.

— Говоря «помощник», имеете в виду агентов?

— Только имею в виду. У нас не говорят «агент», пусть человек формально им и является. Между друзьями это слово не употребляется. Ведь человек оказывает помощь, значит, он — помощник. Часто он даже не знает, ради кого работает.

— И страну, на которую работает, не знает?

— Нет. У меня из всех завербованных только один понимал, что я являюсь советским разведчиком.

— Хотя у американцев нет, как говорят, нелегальной разведки, они сильны своей мощью. Не так ли?

— Они сильны в основном деньгами. В их разведку вложены огромные деньги, и они имеют возможность действовать большими силами, наваливаться на какую-то интересующую их проблему и со всех сторон ее обрабатывать. У нас — не так. А они могут подкупать правительства, «производить» нужных президентов. Все эти перевороты в Латинской Америке сделаны ЦРУ. В основном этим они и берут. Техническая разведка у них развита здорово. Финансовые вложения огромны. Даже приятно смотреть в их карты — как они всё это раскладывают.

— Удавалось заглянуть в чужие карты?

— Конечно.

— И всё же почему разведка — самая сложная, нервная и не вполне благодарная со стороны потомков профессия — привлекла вас?

— Да потому, что для родины это более важно. И ничего важнее во время той холодной войны не было. И вот эта искренняя готовность подчинения личного государственным интересам есть само существо разведчика. Геворк Андреевич Вартамян был именно таким. Не просто: «Да, согласен!» Не просто слова, служение Родине с большой буквы. Геворк Вартамян ощущал это так. Вот главное. Без этого работать нельзя...

— И вы, и Вартамян поняли, что там, в разведке, — вы нужнее?

— Абсолютно точно.

— А ваши родители, что советовали они?

— Мои родители — инженеры. Но они не вникали.

— Они и вы — москвичи?

— Да, я родился в Москве в Сокольниках. Школа, институт. Да... Давненько это было! А когда уже учился в разведшколе, мне пришли документы о зачислении в

аспирантуру и письма — почему не хожу? Приняли в аспиранты без экзаменов и заявления. Ректор говорил: «Куда ты идешь! Ведь мы же на тебя надеялись. "Оттуда" пришла просьба написать на тебя характеристику, и плохую я дать не могу. Скажи, что плохо со здоровьем. Скинем тебе любые справки». И я ему: «Не надо никаких липовых справок». Как можно отказаться? Меня родина позвала, а я в кусты? Нет! Ловчить — противно. И у Геворка Андреевича так же. Они с Гоар могли остаться дома, в Армении. Так об этом мечтали! Жить своей жизнью в кругу близких. В Ереване у них много родственников. Но они всё оставили, бросили, поехали. Выехали и всю жизнь — «там». Что нужно иметь в сердце, чтобы вот так? Ехали не за чем-то, а для чего-то. Не по приказу, а по велению. Жертвовали всем, действительно всем без оговорок. Посвятили себя большому, святому делу — обеспечению безопасности страны.

Так вот. В разведшколе мне было страшно интересно. Были у нас великолепные лекторы. Приезжал даже сам Байбаков — председатель Госплана. Больше сорока лет прошло, а лекцию одну так помню. Читал заведующий информационным отделом ЦК КПСС. Вроде бы скука — как получать информацию. Как ее классифицировать. Легко было весь этот рассказ засушить. Но это такой был увлеченный человек, так толково говорил! Они с Байбаковым мне больше всего запомнились. И во всех других дисциплинах, что мы проходили и что там потребовались, были вот такие же преподаватели. Один лектор сказал нам: «Дорогие будущие разведчики. Желаю вам хотя бы раз в жизни получить документ с грифом наивысшей секретности — грифом "космик". Вот это — достижение!» И я сказал себе: «Знаешь, мил человек, когда настанет время уходить, и если ты этого не сделаешь и придется воткнуть штык в землю, то придется признать, что ты

прожил жизнь напрасно». И чтобы добиться этого, я пошел в нелегальную разведку. В ней — кратчайший путь достижения этой цели. Вот ради чего можно было всё оставить.

— Но как сделать такое? Как добиться?

— Сложно. К этому всю жизнь шел. И мне поручили направление: «главный противник» и НАТО.

— «Главным противником» называли США.

— В те годы — было нормально. И я подтвердил: на меньшее — не согласен. Значит, надо было вербовать, вербовать и вербовать.

Такая же задача была у Геворка Андреевича, у других коллег.

— Там, за рубежом, для всех вы были художником?

— Шикарное прикрытие для нелегала — художник. Это же давало мне возможность свободно ездить по миру с мольбертом, общаться с разными людьми. У меня в друзьях были бизнесмены, деятели искусств, государственные служащие, сотрудники спецслужб. После того как меня подготовили и я выехал туда, передо мной встал вопрос. Разведчиком становятся не тогда, когда ему предложили и у него есть документ. Он знает страну, ему дали задание. И он стал нелегалом... Нет! Проходит еще лет пять, когда ты превращаешься в нелегала. Первые пять лет, у кого-то больше, у кого-то меньше, тратятся на то, чтобы не только легализоваться. Так было у Геворка Андреевича. Ему же пришлось налаживать бизнес. Разведчику надо создать круг знакомых, интересных людей, через которых он может выйти на источники информации. Войти в среду нужных людей.

Мне повезло: давнее увлечение живописью стало профессией прикрытия. Художник — он и в Африке художник. Я выехал в чужую страну и, повторяюсь, возникает вопрос: а как я могу интересоваться секретами, какого дьявола? И еще один повтор. Почему

сразу не становишься нелегалом? Тебя же обучили общим принципам. Но так же как, полагаю, нельзя сразу превратиться в журналиста, если даже тебя хорошо учили, — так нельзя сразу стать и нелегалом.

— Хотя ремесло освоить под силу и не слишком способным. Столько было у меня учеников — юных журналистов...

— Ага, именно что «ремесло». А нелегальная разведка — это ремесло? Формально — да. Но чтобы стать нелегалом, требуется нечто совсем другое. Как это получается? Приехал в чужую страну. И работал поначалу только на себя: заведение связей, шлифовка языка... Любил учиться, любил людей, с которыми общался.

— Но как любить, если их надо ломать, склонять к сотрудничеству, обращать в свою веру?

— Обращать в свою веру — да. Но ломать, что вы, ни в коем случае! Надо использовать и его веру, и политические взгляды, чтобы он делал ваше дело, руководствуясь и своим стремлением к добру, и теми убеждениями, которыми вы ему подсказали.

Позвольте короткое отступление. Разведка бывает только в государствах, остальное — бандитизм. Каждое государство должно иметь разведку, если оно не хочет быть государством-инвалидом. Ведь разведка — это всего-навсего глаза и уши нации, она видит всё правильно. И знает тоже всё. О мире, о людях, о расстановке политических сил. По крайней мере, это ее задача. Решение на основе этих знаний принимает мозг. Он уже — не разведка. Это — правительство, государственные службы, руководство страны.

Становление всегда трудно, а у разведчика — особенно. Вы себе представьте, приехал Геворк Андреевич в нужную страну Рядом — никого, ни кола ни двора. Нужно всё начинать сначала. Гоар Левоновна хорошо рассказывает: мы еще раз поженились. Сказать

— легко. Но как всё это сделать? А только так: опять всё сначала. Перенапряжение жуткое. Моя супруга мучилась головными болями...

— Извините, перебыю. Вы — не первый нелегал, который рассказывает мне об этих головных болях. Всё вроде бы в порядке, а жена, бедная, мучается...

— Это ж настолько понятно. Ведь какие переживания, что мы тут, а как дочка там, и голова болит. Приехала сюда на медицинскую комиссию, и врачи вынесли суждение: работа с нашими нервными перегрузками противопоказана. Пришлось остаться здесь. Работала в центральном аппарате разведки до выхода на пенсию.

— А как объяснили ее исчезновение там?

— Совсем просто. Все же знали, что я — ловелас. У меня много знакомых, в том числе и дам. Однако вопрос один и тот же: «Слушай, почему ты не женишься?» А я: «Как мне жениться? Не могу отдать сердце одной даме. Жанетта, Жоржетта, Мюзетта, Мариэтта... как же они без меня?» Приходилось отшучиваться. И принимали, потому что я — все-таки свободный художник.

А знаете, почему великолепна наша работа, если отвлечься от всех рисков и других колоссальных трудностей? Есть одно, что, как говорят некоторые народы, всё компенсирует. Назовем это возмещением. Это то, что моя работа дает возможность человеку прожить несколько жизней. Всем нам родителями и Богом дана только одна жизнь. А наша профессия дает шанс прожить несколько. И каких полноценных, и какие они разные! Но это — жизнь. И, предупреждая вопрос, замечу: это просто другая жизнь. У меня другое окружение, совсем непохожий социальный статус, ко мне отношение совершенно иное. У меня вырабатывается другой темперамент и другой словарный запас. Мироощущение — другое, присущее тому человеку, жизнью которого я живу. И это — ни с

чем не сравнимо. Ради такого стоит терпеть и вытерпеть, чтобы тебе отпущенное всё пережить. Вы следите за ходом мысли?

— Еще как! И хотя у нас жанр — свободная беседа на заданную тему, стараюсь успеть за вами.

— Я вам рисую нашу жизнь мазками. Может быть, вы что-то из нее соберете, получится некое полотно. Стараюсь, чтобы у вас была эмоциональная составляющая, которую только и даю. Не хочу, чтобы о Геворке Андреевиче получилась сухая книга. Должна быть книга, полная эмоций. Какие он делал там вещи — это же прелесть!

— Но хоть капельку поконкретнее!

— Нет, конкретно нельзя. У меня такое же отношение к людям. У Вартаняна были великолепные контакты. Он завоевывал себе друзей.

— Мало встречал таких общительных людей, как Геворк Андреевич.

— Совершенно верно. Эта открытость, эмоциональное отношение к людям присущи многим из представителей нашей редкой профессии. И это — обязательные ее составляющие, потому что без всего этого ты не можешь подойти к человеку.

А теперь — немного теории. В нелегальной разведке возможно всё. Первое — должна быть уверенность в своей Службе, что ей всё подвластно и она всё может. И кто должен доказывать эту прописную истину, как не сам нелегал? Если он это может... нет, лучше: он это может, а потому действует без всяких отступлений. Когда у тебя есть уверенность, что ты можешь всё, тогда ты соответствуешь всего-навсего занимаемой должности и званию нелегала. Не больше, но и не меньше. Это самое элементарное внутреннее состояние души нелегала. Таким оно должно быть. Пока этого нет — ты еще на подступах.

Прошло примерно пять лет с того дня, когда я выехал за границу, и только через пять лет я почувствовал, ощутил: могу всё. И тогда я стал нелегалом. И так же у Геворка Андреевича. Они выехали с Гоар Левоновной куда-то в Европу. И первый период — это время становления. Нахождение стиля своей работы. Обрастание связями. Создание условий для ведения разведывательной работы, где нелегал может всё.

Теперь о роли Центра. Скажу откровенно: от Центра зависит всё. Во-первых, необходимо подобрать такую пару, как Гоар Левоновна и Геворк Андреевич, и это — задача Центра. Они увидели, нашли, поняли: есть такие люди, которые могут стать нелегалами. Центр готовит этих нелегалов. Обучает. Дает направление. Использует по их силам и возможностям. Потом организует материальное обеспечение и прочее и прочее. Реализует полученную информацию. Это он, Центр, дает им задание, нелегалы себе задания не придумывают. Центр же выполняет поручение Инстанции: задачи разведке ставит руководство нашего государства. Это то, что нужно стране на каждом отдельном историческом этапе. Задачи разнятся. Начинался наш послереволюционный период, и стояли задачи сохранения советской власти, борьба против контрреволюции. Вот они — главные направления тогдашней внешней разведки. Грянуло военное время, на первый план вышли другие задачи. Послевоенные годы — третьи задачи. Началась холодная война — особый период и особые задачи.

— А что сейчас?

— Сейчас? Иные, что естественно, задачи.

— И все-таки — какие?

— Политические, экономические... Наша разведка работает не против каких-то стран. Она работает в интересах своей страны. Когда я встречался с людьми, пытался привлечь их к сотрудничеству, я никогда даже

не думал, не чувствовал, что хочу нанести вред тому или другому государству. Нет, я хочу принести пользу стране своей. И на основе знаний секретов наших контрагентов мы можем выстроить гармоничные взаимоотношения между нашим государством и страной пребывания. Выстраивание этих отношений объективно в интересах и той страны, против которой, так уж считается, я работаю. Но для установления этих взаимоотношений я выполняю эту работу специфическими средствами — разведывательными. По существу это является основой деятельности нелегала и нелегальной разведки.

Получалось так, что приходилось находить точки соприкосновения с людьми, потом работать вместе. Необходимо было и завоевывать друзей. Это — главная задача, потому что разведчик силен только своими связями. Это опора — это и есть его основная сила.

— Вы делите свои связи на знакомых, друзей — нейтральные связи, и тех, кто приносит информацию, кто, по существу, завербован?

— Вербовка? Не обязательно. Бывают завербованные агенты. Но часто, процентов девяносто информации нелегал, как и легальный разведчик, получает втемную. Как это назвать? Вы, журналисты, тоже получаете информацию. Между прочим, разведывательная деятельность и журналистская — они примерно одинаковы. Только вы, журналисты, якобы не получаете секретную информацию, а только открытую. А разведку открытая информация не интересует.

— Она же бывает полезной?

— Еще бы! Потому разведка внимательно читает газеты и Интернет. Но добывает секретную информацию. То, что является действительно важным.

— Скажите, а ваше воинское звание полковник?

— Полковник. Но полковником я очень рано стал... Вообще, Центр нас бережет, задания даются от простого

к сложному. И мне не приказывают выехать в ту или иную страну, а спрашивают: «Сообщите, можете ли выехать?» Я могу ответить, что нет у меня возможности.

— И как к этому отнесутся?

— Нет — значит, нет. Но именно так: мы просим вас, а не приказываем, выехать в такой-то город. Выяснить такой-то вопрос. Это очень важно, потому что взаимоотношения между Центром и нелегалом настолько по-товарищески теплые. Я никогда не видел начальника более счастливого от того, что ты сделал больше, чем он рассчитывал. В другой нормальной организации это бы перевернули: ах ты какой, он же меня подсиживает! Но мы же — Центр и я — делаем одно дело. Это и его заслуга, что у меня получилось. Это исключительно ценно. Руководитель Центра обязан настолько четко знать возможности и способности своего нелегала, что должен быть уверенным: в труднейшей ситуации нелегал поступит именно так и никак не иначе. Если ему дано задание или поручение, он будет его выполнять с полной отдачей и целеустремленностью. Как он может его выполнить? Это на какой-то момент даже неизвестно. Вы же с Козловым знакомы?

— Имел честь первым написать об Алексее Михайловиче — Герое России.

— Он вспоминает, что дали ему поручение выехать в какую-то страну, допустим, Индию или Пакистан. Он спросил: как я это сделаю? И тогдашний начальник нелегальной разведки генерал Дроздов спросил его: «А кто из нас нелегал? Ты или я?»

— Об этом эпизоде, меня поразившем, я от Козлова слышал. И всё переспрашивал: как же он поехал?

— А так же. Поехал. И сделал. И как повезло.

— Нелегал зависит и от везения?

— Весьма. Нелегальная разведка — искусство. У каждого искусства есть своя муза.

— Вы лично верите в удачу?

— Я молю о ней. Вот она, пришла! Поступило одно очень важное задание, выполнить которое было очень сложно. Просто невозможно. Я тогда находился в Москве и сказал, что попробую. А мне сказали, что раз я такой нахальный, поезжай и сделай. Обеспечение безопасности и всё остальное продумано. Меня провожает мой товарищ и говорит: «Ты только не забудь сказать ребятам, которые будут тебя в багажнике переправлять через границу, чтобы они дырки пробили, а то ты задохнешься». Я его успокаиваю, что никто меня перебрасывать не будет, я всё сам сделаю. Вопрос срочный, дается мне всего десять дней, и друг мой волнуется, что ничего не получится. Уверяю: у меня получится.

— И получилось?

— Только вместо десяти дней командировка по разным причинам продлилась два года. И всё получилось. Мой товарищ, имеющий отношение к журналистике, литературе, пришел однажды ко мне на встречу и сказал: «Знаешь, если написать об этом, никто не поверит».

— Что же там было?

— Зачем же я буду рассказывать, если все равно не поверят? Но я верю в везение и в человека, который его, это везение, ищет. Да, может быть, это банально. Даже точно, банально. Но глубоко убежден: есть люди, которых называют счастливыми и несчастливыми. Так бывает. Счастье и беда — они как субстанция вокруг нас. И один человек видит свое счастье, чует момент выбора. Пойти туда, предпринять определенный шаг. И выбрать правильный момент, предпринять нечто решительное, что превращает одного человека в счастливого, а другого — в несчастного. Правильный выбор в каждом отдельном случае.

— Это зависит от чувства, от интуиции, от обучения, от решительности? От чего?

— Может быть, больше всего — от интуиции.

— То есть научить такому невозможно?

— Не думаю, что возможно, — скорее, нет. Нельзя. Но талант можно развить, а если его нет, значит, и нет. Его не вобьешь. Это вещь тончайшая. Почему-то Геворк Андреевич Вартамян был исключительно талантлив. Очень.

— Или все-таки везение?

— Именно талант. Он проявлялся в нужное время. Вартамяну тоже здорово везло. Рассказывал, что были и у него тревожные эпизоды. Но, думаю, он и вам про них рассказывал...

Мой собеседник замолчал, словно бы задумался о чем-то. Я спросил:

— Вы не устали после нескольких часов нашего разговора?

— Нет. Просто вспоминаю все эти моменты, и они мне, как понимаете, не безразличны. Сейчас снова перескочу в наши дни, отвечая на ваше «не устали?». Встречались мы с Михаилом Ефимовичем Фрадковым. И один мой большой начальник говорит: «Надо, чтобы ты рассказал о своей работе». Спрашиваю: сколько даете мне времени? Фрадков — человек вежливый: сколько хотите. Я тогда: пять часов даете? Пять не дал, но проговорили долго...

В нашем с вами разговоре я многое что вспоминаю. Был любопытный эпизод за рубежом, который наглядно иллюстрирует простую мысль — нельзя надолго отрываться от родины. Познакомился я с одним человеком в аэропорту во время пересадки с одного рейса на другой. Показался он мне в ту пору древним стариком — лет семидесяти. Язык государственный там английский, в местном исполнении. Начали беседовать...

— Вы почувствовали к этому человеку профессиональный интерес?

— Никакого, просто не люблю одиночества. Мне приятно говорить, общаться, требуется общество. И смотрю, немолодому моему собеседнику сложно. Спрашиваю осторожно, что он, кто он... Говорит, что летит из Австралии, где работал, на родину. И я осведомился, почему же он не говорит по-английски. Удивился он ужасно: «Как не говорю? Я говорю, пусть язык и трудный». Слова он с трудом подбирает. И как тут не спросить: а вы по национальности кто? И слышу, что француз. Я обрадовался и сразу к нему на французском. (Дальше последовал целый ряд типичных выражений, но на арго. — Н. Д.) А человек молчит. Коряво, говорит еле-еле. И тут я ему стоп-стоп-стоп.

— Не подумали, что коллега по профессии?

— Нет, конечно. Давайте-ка, я ему, на каком языке ты хорошо разговариваешь? Он снова обижается: «На французском. Я француз и родители мои настоящие французы. Работал двадцать лет на стройке, даже пенсию получаю. Семьи — нет. И поехал в Австралию. Там тоже на стройке. Английского не знал, но видишь, за двадцать лет выучил. А французский забыл. Приеду во Францию, и восстановится». Но вряд ли! Так я повстречал человека, не знавшего толком ни одного языка. Тоже случается...

Или вот эпизод. Встречаюсь с нормальными советскими нелегалами, приехавшими в Союз после двух лет. И не понимаю, в чем дело. Спрашиваю: а что, у него жена не русская? Мне объясняют: «Как не русская, нормальная русская баба из-под Рязани. А с акцентом говорит, потому что при полном отсутствии контактов со своими, и в чужой языковой среде, появляется акцент». И когда я длительное время отсутствовал, то сам себя ловил: да, акцент появляется.

— И после года-двух? — Да.

— А сколько у вас зарубежных лет за плечами?

— Всего? Ну, тридцать или сорок лет. Но с перерывами. У меня был льготный режим. Семья все-таки оставалась здесь. Возвращался, уезжал. Работа нелегала и Центра — это особая статья. Я сравнительно не так давно перестал там появляться. Когда уже стали разыскивать...

— А я почему-то думал, что вы вернулись давно.

— Когда я сюда приезжал, и довольно часто, у меня бывали перерывы в работе на полгода, год. Но я же не могу сидеть дома. У меня же несколько высших образований и должность есть. Раньше никогда в Ясенева не был, а потом, во время перерывов, приходил, и у меня был кабинет. А впервые я приехал в 1980-х годах. Какие-то фильмы делали, фотографировали, я писал научные работы. Просидел здесь год и поехал, поехал. Но фильм сняли, вы его где-то увидели, и потому могло сложиться такое впечатление... У всех нас разные судьбы. Нелегалы по-разному приходят и по-разному уходят. Нелегалом становятся гораздо позже, когда погружаются в профессию. И это уже — состояние души, а не профессия. Только у нас никогда не бывает, как с тем почти немым французом. Язык у всех нормальный, хороший. Как у того же Геворка Андреевича. Я не слышал, чтобы на языке кто-то прокалывался.

— У вас у самого много языков?

— Сейчас остались немецкий, французский. Ну, английский, итальянский немножко, испанский. И китайский...

— Китайский?

— Это уже не от хорошей жизни. Мне пришлось заканчивать еще один университет, где я изучал китайский язык.

— В Москве?

— Нет, на Западе. Мне легализоваться по-другому нельзя было. Только учеба в университете. Тут я вспомнил Бена...

— Нашего нелегала Конона Молодого — легендарного Гордона Лонсдейла, изучавшего в Англии китайский, который он в свое время освоил в Москве так, что даже составил русско-китайский словарь? В Лондоне ему пришлось нелегко: никак нельзя было проявлять свои знания, а начинал он с нуля...

— И я про себя говорил ему: «Бен, спасибо тебе за опыт. Буду, как и ты, учить китайский».

— Вы были знакомы?

— Н-нет. Он выступал перед нами, я его видел. Это было как раз, когда я учился в 101-й разведшколе. Мог ли я сравниться с ним? Бен признавался: «Самое сложное было скрыть свои знания». И я с этим согласен.

— Может быть, расскажете мне про «рощу нелегалов» в подмосковном лесу?

— Роща — не совсем точное слово. Это несколько рядов берез. Есть традиция: когда пара или один нелегал отправляются в первый раз на боевое задание, то сажают березку. Место уже готово — и ямка выкопана, и саженец березки. Сажают деревце как бы наудачу. И, находясь вдали, почти все спрашивают: как там моя березка?

— Это искренний вопрос?

— Абсолютно искренний. Этого родного тепла там так не хватает! И всё оно в этой березке. В ней близкие, родина, оставленные родные, друзья. А сейчас, приехали — и вот какое высокое дерево. Березке той двадцать или даже тридцать лет.

— Традиция давняя?

— Ей примерно лет тридцать. Я свою березку не сажал, поскольку первый раз уехал сорок лет назад. Неделю назад была встреча с парой. Вернулась она оттуда уже окончательно. Нас с Алексеем Михайловичем

Козловым пригласили. Мы их раньше не видели, только заочно знали, нас познакомили. Они рассказывали.

— Приятные люди?

— Очень. Муж и жена — без детей. Так же как и Вартаняны. Почему? Нельзя, не хотели, боялись.

— Вам в этом смысле повезло.

— Еще как! Правда, не имел счастья жену из роддома встретить. Зато внуков — от дочери старшей — встречал.

— Вы видите мне удачливым человеком.

— Была удача. Но неудача — как неудачный эксперимент в науке. Хотя неудачный результат — это же тоже результат.

Обычно перед очередным выездом в командировку я сидел на кухне, и жена всё спрашивала: поздно, пора спать, о чем ты сам с собой говоришь, прямо болтаешь? Ты что, чокнулся? И я ей тихо: я не чокнулся, я работаю, и проигрывал беседу с будущим кандидатом на вербовку. Когда я шел к нему, я уже знал, о чем и как говорить. Так что язык — основа. И не только из-за того, чтобы тебя не заподозрили, что ты не той национальности. А есть у тебя на первых порах пробелы, бывает, они есть, нужно уметь правильно объяснить их причину. Ты можешь быть кем угодно — французом, китайцем или японцем, а всю жизнь прожить в Эфиопии. Знание языка — как владение кистью художника. Ты знаешь, какая кисть лучше, какая хуже. Вот для этого мазка хороша такая, для туши — другая. Для акварели совсем иная. Так же и язык. Должен владеть им виртуозно, чтобы повлиять на человека, с которым имеешь отношения, чтобы повернуть его в нужном для дела направлении.

— Сложная работа.

— А мне нравится. Это и есть работа с людьми. У журналистов — похожая. Мы с вами одного поля ягоды.

Глава 9.

«СПАСИБО РУССКОЙ РАЗВЕДКЕ, ЧТО СПАСЛА ЖИЗНЬ ДЕДА»

О том, как Селия Сандис, внучка английского премьер-министра сэра Уинстона Черчилля, познакомилась с нашим разведчиком Геворком Андреевичем Вартаняном

Английская телекомпания «Биг Эйп Медиа» и ТВ Центр в октябре 2007 года начали съемки документального сериала об истории российско-британских отношений на протяжении четырех столетий. Фильм называется «Лев и Медведь». Лев — это, понятно, Британия. Ну а кто Медведь, объяснять, уверен, ни к чему.

Одна из основных фигур в фильме «Лев и Медведь» — Селия Сандис. Кому как не ей быть в центре ленты, повествующей то о многолетнем противостоянии, затем о взаимодействии во время Второй мировой, а потом, после речи в Фултоне, о нескрываемой вражде между Сталиным и ее родным дедушкой Уинстоном Черчиллем?

Сандис как никто чтит память деда. Она основательница Программы «Лидерство имени Черчилля», а о своем родственнике говорит так: «Мудрость моего деда актуальна сегодня, как и раньше. Принципы Уинстона Черчилля продолжают служить людям».

И Селия Сандис, многие годы работающая на крупнейших британских каналах, взялась за работу. Ее съемочная группа, заручившись через пресс-бюро СВР России согласием Геворка Андреевича Вартаняна, приехала в Москву.

Думаю, аскетичная англичанка не ожидала такого приема. 9 октября 2007 года у парадного входа в офис пресс-службы российской разведки ее встретил высокий элегантный немолодой человек в темном костюме. Представившись, Геворк Андреевич Вартамян преподнес внучке своего хотя и давнего, но заочного знакомого букет алых роз.

По-моему, это и задало тон беседе, да и всей киносъемке. Она проходила в обстановке спокойной, дружелюбной — никаких волнений. Операторы, звукорежиссеры, сама Сандис в окружении гримеров и прочего киношного люда устроились в одной из комнат пресс-бюро. Напротив камеры усадили Геворка Андреевича.

Еще до съемок договорились, что я тихонечко устроюсь позади него: «Николай, я столько лет не говорил по-английски! Возможно, и забыл. Когда Сандис будет задавать вопросы, боюсь — что-то ускользнет, чего-то не пойму. Побудь рядом».

Началось, и я быстренько понял, что моей помощи не потребуется. Его английский в отличном состоянии, запас слов солидный, грамматика ни разу не подвела. Акцент, правда, скорее американский. Мы с еще одним приглашенным журналистом, редактором этой книги Александром Бондаренко, внимали происходящему.

Селия Сандис брала интервью у Героя Советского Союза ровно час. Эта — часть картины об отношениях Черчилля со Сталиным. Признаться, я поразился, что внучка знаменитейшего из британских премьеров не знала, что именно советская разведка сорвала покушение на «Большую тройку» во время Тегеранской конференции 1943 года. Об этом ей во всех подробностях поведал Геворк Андреевич.

Ну, не мог я не спросить у Сандис: неужели она действительно не знала деталей той военной истории?

— Нет, — откровенно призналась Сандис. — Но вы присутствовали при съемках и слышали, как подробно рассказал мне о ней Геворк Вартамян, чья группа и сорвала планы немцев. Я искренне благодарна господину Вартамяну и его друзьям и русской разведке за то, что она спасла жизнь моего деда. Покушение, как рассказал мой собеседник, планировалось на 30 ноября. Хороший же подарок готовился ко дню рождения бабушки! Да, не будь Вартамяна, мы бы вряд ли встретились сегодня в этом уютном старинном здании. Кстати, а как называется этот офис?

— Пресс-бюро Службы внешней разведки Российской Федерации.

— Здесь работают очень вежливые люди, а Геворк Вартамян преподнес мне красивый букет. И армянское бренди, которое мы с ним после съемок выпили, мне тоже очень понравилось.

— Рассказывают, ваш дед тоже его любил. Сталин присылал ему этот напиток в Лондон довольно регулярно.

— Но женская половина семейства редко видела, как ее мужчины наслаждаются питием. Моя бабушка Климантина всегда уводила слабую часть человечества в другие покои, давая мужчинам самостоятельно предаваться их удовольствиям — поглощению напитков и курению сигар.

— Когда Уинстон Черчилль скончался, вам было уже двадцать два. А как складывались ваши с ним отношения?

— Должна признаться, что тут мне повезло. В детстве почти все свои каникулы я проводила у бабушки с бабушкой. А потом, с годами, он старел, я выросла, и мы становились все интереснее и интереснее друг другу.

— А как сэръ Уинстон вас называл? Может, придумал какое-то ласковое имя?

— Он-то называл меня просто Селия, а ласковое имя придумала для него я: Гранд-папа. Он на него с удовольствием отзывался.

— Гранд-папа — звучит очень по-французски. Ну а какие бы черты премьер-министра Уинстона Черчилля вы бы выделили особо?

— Во все долгие годы его правления наиболее характерной чертой оставалась отвага. Это важнейшая черта для любого политика. Без нее ничего не работает. Именно отвага позволяет руководителю страны принимать важные и часто непопулярные решения. Иногда вы должны быть жестки, идти на меры, в которых не до конца уверены и которые могут не сработать. И вы обязаны сохранять отвагу ради высокой морали и для того, чтобы противостоять людям, стремящимся проводить политику нечестную, корыстную.

— Позвольте задать вам вопрос совсем непростой. Многие полагают, что именно речь вашего деда в Фултоне и положила начало холодной войне. Вы с этим согласны?

— Это не было началом. Он сказал то, что думал, что было ослепительно очевидно для многих. Дед еще до окончания войны знал, что история будет двигаться в таком направлении. И это его печалило, угнетало. Помните, что произошло уже после Тегерана-43, на конференции в Ялте, где его как бы отодвинули в сторону. Возможно, больше всего в жизни он сожалел о том, что так и не увидит окончания этой холодной войны. Он был бы счастлив, если бы события в мире пошли иным чередом, но... Да и речь в Фултоне я не считаю чем-то уж таким особым. Просто президент Трумэн попросил деда выступить с речью. И он выступил с тем, что у него действительно наболело.

— Как по-вашему, в чем долгие годы был секрет его популярности?

— В великолепном чувстве юмора. Иногда это чувство выручало его в весьма неприятных ситуациях. Дед был женат на протяжении полувека и был исключительно счастлив в семейной жизни. И вот одна дама, член парламента, леди Астор, постоянно на него нападала. Однажды она заявила: если бы вы были моим мужем, я бы подбросила в ваш кофе яду. На что дед ответил: если бы вы были моей женой, я бы этот кофе выпил.

— А как ваш дед перенес неожиданное поражение на выборах 1945 года? Война выиграна, а его не выбирают в премьеры!

— Он отправился домой, на выборы, прямо из победного немецкого Потсдама. И не думаю, что он предполагал, что люди не проголосуют за победителя такой войны. Но у нас выбирают скорее не премьера, а партию. Его консервативная партия была очень непопулярна перед войной, а во время войны создалась коалиция. И он не вел предвыборную кампанию, он вел войну. А тут лейбористы заявили: мы скоро вернем наших солдат домой. И военные, их матери, жены и подруги, дочери проголосовали за это. А деда признавали победителем — но не более. Он был исключительно подавлен. И когда моя бабушка попыталась утешить его тем, что это стало тщательно запрятанным благословением с небес, то дед ответил, что если это и благословение, то действительно очень и очень тщательно запрятанное. Но я думаю, что для него эти годы отдыха были спасительны. Он был истощен войной. И если бы ему пришлось бороться еще и против всех тех тягот, которые выпали на первые послевоенные годы, не знаю, что бы с ним стало.

— Но ведь потом Черчилль снова был избран премьером... Видите ли вы сегодня в западном мире политиков, равных ему по масштабу?

— Я всё время вглядывалась в старые и новые лица. И до сих пор продолжаю вглядываться. Не правда ли, было бы здорово, если бы мы нашли кого-нибудь такого же масштаба? Ведь они так нам нужны. Мой дед был из тех, кто мог встать во весь рост и громко сказать то, что думает.

— Это ваш первый приезд в Россию?

— Да, первый приезд в Москву. И сразу же приятная встреча с господином Вартаняном — одним из героев фильма, который я снимаю.

— А как вы относитесь к тому, что нынешние российско-британские отношения развиваются не совсем так, как хотелось бы?

— За четыре века наших отношений они бывали и холодными, и теплыми. Думаю, вскоре снова потеплеет. Надеюсь, этому поможет и фильм, который мы снимаем.

— Позвольте вопрос сугубо личный.

— Попробуйте.

— Как сложилась ваша жизнь? Далекое не у всех детей великих она протекала благополучно.

— Господин Вартанян поразил меня, рассказав, что они с супругой в браке — и счастливом — уже больше шестидесяти лет! Я замужем сорок два года. Но у меня три разных мужа и три ребенка — от каждого из них. Основала трениговую компанию, возглавила Программу «Лидерство имени Черчилля», снимаю фильмы, написала книгу о путешествиях деда — часто рискованных. Жаль, что встретила с Вартаняном уже после ее выхода. Хотя и знала, что дед рисковал, отправляясь в 1943-м в Тегеран: даже едва ли не впервые взял тогда с собой личного телохранителя.

— Скажите, а с вашей Сикрет интеллидженс сервис вы обо всей этой тегеранской истории не говорили?

— Нет, там я не была — не приглашали.

Селия Сандис далека от разведки. И тем не менее присутствовал на съемках таинственный английский

гость, слышавший и не только слышавший о ней немало. Похож на отставника. Возможно, консультант? Когда съемки завершились, он тоже поговорил с Вартаняном. И даже меня не обошел вниманием. Очень его интересовал период жизни юного Геворка, когда тот учился в английской разведывательной школе. Кажется, он изучил эту страничку биографии Вартаняна досконально.

А у меня с этим вежливым, настойчивым джентльменом получился спор. С моей точки зрения, скорее теоретический, ибо тут было всё и так ясно. Но не моему собеседнику. Он настаивал: если Вартанян учился в британской разведывательной школе, значит, его можно считать двойным агентом — советским и английским. Я терпеливо доказывал обратное и очевидное. «Отставник» не сдавался. Особенно после третьей...

Мы так и остались каждый при своем. Я на спорщика не в претензии.

Неохота, даже столько лет спустя, признавать поражения.

Интересно, что и Геворк Андреевич обратил внимание на настойчивого седовласого гостя. Как-то, уже потом, вспоминая те съемки, он с обычной доброжелательностью рассказывал об общении с внучкой британского премьера. И о седовласом тоже вспомнил: «А тот человек из спецслужб — до чего настойчив! Узнаю, узнаю твердую английскую поступь».

Но все мы вместе потом пригубили по рюмке принесенного Вартаняном коньяка. Геворк Андреевич провозгласил тост на английском: «За Сталина, Черчилля и Рузвельта — за людей, благодаря которым был сохранен мир!»

Сандис была совсем не прочь этот тост поддержать. Вообще она, как и ее дедушка, от поднятий бокалов не отказывалась. После нескольких таких «поднятий»

Селия, слегка расслабившись, произнесла: «Я в первый раз вижу русского шпиона не в кино, да еще и с удовольствием общаюсь с ним».

Вартанян сразу же мягко, однако решительно ее поправил: «Извините, миссис Сандис, я — не шпион, я профессиональный разведчик-нелегал».

И Селия Сандис всё поняла...

Глава 10. В КИНО ОБОШЛИСЬ БЕЗ АЛЕНА ДЕЛОНА

«Правдивая история. Тегеран-43» — так называется двухсерийная документально-художественная лента, снятая для Первого канала компанией «Артель» во главе с заслуженным деятелем искусств России Александром Иванкиным.

Задумывалась эта лента из серии «Поединки» еще в 2007-м. Снято множество серий — телевизионных портретов о выдающихся разведчиках. Среди них Абель — Фишер, герои России Ботян и Козлов, конечно, Герой Советского Союза Вартамян, нелегал Быстролетов, разведчица и писательница Зоя Рыбкина — Воскресенская, разведчица Африка де Лас Эрас, Джордж Блейк, «атомный разведчик» Владимир Барковский, «король нелегалов» Александр Короткое...

Довелось поучаствовать в качестве соавтора сценариев трех двухсерийных картин — об Абеле, Козлове и Вартамяне — и мне.

Сложности, которые неизбежно возникают в киносъёмках, преодолевались решительно. Неизбежные творческие вопросы между съёмочной бригадой и Центром помогали решать сотрудники пресс-бюро СВР во главе с Сергеем Ивановым. Человек интеллигентной настойчивости, он сумел убедить очень и очень многих, от которых зависела судьба даже не фильмов, а того, начнутся ли вообще съёмки, в их глубочайшей целесообразности.

Мне кажется, я понял замысел создателей: в каждой ленте главного героя играет знаменитый актер. Ему подыгрывает группа неизвестных исполнителей. Да и как они могли быть известны даже кому-то из наших

кинофилов, если «вербовались» — вот она, привычка использовать в книге о Вартаняне его терминологию! — из иностранных актеров.

Понять технологию съемок непросто, поясню на примере. Действие фильма об Абеле происходит на территории США. Но ехать за тридевять земель в Штаты на съемки малобюджетной картины — нереально. И США заменяются Чехией. Почему не Россией? Да потому, что у чехов всё, в том числе и услуги актеров, гораздо дешевле, а исполнители вполне подготовленные. Они в основном и выступают в ролях американцев или, как в случае с Вартанянами, немцев. Монологи произносятся на чешском, а потом после дубляжа звучит уже наш родной язык.

Саша Иванкин и его правая рука, она же жена, она же генеральный продюсер всех серий «Поединков», Майя Тоидзе неустанно предупреждают сценаристов: наша цель, чтобы в фильме обязательно предстали с монологами о своей жизни в разведке настоящие, реальные герои. Алексей Ботян, Алексей Козлов, Геворк и Гоар Вартанян, Джордж Блейк, как и авторы сценариев, этот замысел выполнили.

На мой взгляд, у фильмов тройная ценность. В них рассказана документальная (иногда почти документальная) правда о героях разведки. О некоторых вполне реальных персонажах широкая публика практически не знала и не слышала. На экране запечатлены живые, действующие разведчики. А в их ролях в молодые годы — звезды экрана.

Так, опытнейший и кого только не переигравший заслуженный артист России Юрий Беляев с Таганки был безупречен в роли Абея, а молодая Юлия Галкина — очень похожа на Зою Воскресенскую. Голливудская знаменитость Олег Тактаров, снимающийся на Западе и в России в ролях накачанных бойцов, был искренен в

образе Козлова, особенно в трагических сценах мучений и пыток в южноафриканской тюрьме...

И, в-четвертых, таких фильмов у нас никогда не было. Особенно в последнее время, когда вылилась на экран лабуда из замешенных на стрельбе боевиков о людях, по сути профессии, не имеющих возможности и притронуться к оружию. Иначе какие они разведчики? Помните, как говорил об этом Вартанян?

Рассказывать о фильме «Правдивая история. Тегеран-43» мне, как сценаристу номер три, не слишком удобно. Но все равно попытаюсь! Фильм построен на несколько иной основе. Молодых Геворка и Гоар военного периода играла юная пара способных актеров Карина Гондагсазян — тогда студентка Щукинского театрального училища, и Валерий Сехпосов из Театра Романа Виктюка. Они были выбраны после долгого кастинга. Отыскать двух молодых армянских актеров, привлекательных, талантливых и к тому же внешне похожих на Геворка и Гоар, оказалось сложно, хотя режиссер Владимир Нахабцев и просматривал претендентов в первую очередь из Еревана, затем — из Петербурга. А отыскалась пара в Москве. В просмотрах участвовали и сами Вартаняны. И, признаться, было заметно, что они волнуются. У режиссера был вроде бы свой выбор, однако деликатно высказанное мнение Гоар Левоновны и Геворка Андреевича стало решающим. Что сказать? Разведчики-нелегалы и тут не ошиблись.

Правда, Вартанян заметил, что с Гоар сложнее — в те времена, в 1943-м, она была блондинкой — и яркой. Но, как всегда, честно меня предупредила: «Геворк, я наверняка потемнею, ведь у родителей цвет волос — темный». И слово сдержала.

Режиссер Нахабцев считает, что Карина сыграла Гоар чересчур трепетной, нежной, а Гоар в молодости была более активной, моторной. Но когда я увидел, как на пресс-показе в «Российской газете» 5 мая 2010 года

Карина Гондагсазян преподносит Гоар Левоновне огромный букет цветов, как трогательно они обнимаются, то понял, что юной красавице можно простить всё уже за одну лишь ее актерскую и человеческую искренность.

Чета Вартанян появлялась в фильме в документальных кадрах. И это было трогательно. Тут — никакой игры. Рассказ о пережитом, о «Легкой кавалерии», о далеких годах... Не потребовалось никаких сценарных ухищрений. Всё решила правдивость Вартанянов. Эти две роли в фильме самые лучшие. Они действительно для истории. Сколько раз замечал: талантливые люди проявляют себя не только в одном, главном для себя деле. Как здорово смотрится — пусть и загримированный, с нашлепкой-париком на лбу — Рудольф Абель в прелюдии к фильму «Мертвый сезон»! Картина превратилась в культовую, в том числе и благодаря ему. И здесь та же правдивая, без кавычек, история двух немолодых людей, вновь переживающих тревожную военную молодость.

Иванкин с режиссером Нахабцевым меня поразили: все серии снимались по-сегодняшнему быстро. Кинодесант в Чехию, где студия «Баррандов» предложила все услуги в виде павильонов и актеров задешево, высадился совсем ненадолго. Диверсанты-фашисты и мелкие сошки Третьего рейха в исполнении чешских актеров выглядели вполне правдоподобно. Хотя артистам, игравшим роли Сталина, Рузвельта, Черчилля, Бери, Гитлера, понадобился для придания портретного сходства сложный грим, но его подобрали абсолютно точно.

Наибольшее впечатление произвел Черчилль. Даже лежа в пенной ванне, он экстравагантно курил здоровенную сигару. Прикрывшись халатом, по-старчески шлепал босиком по резиденции. Не отставал от него и Сталин: решения ему давались тяжело,

возраст и ответственность в борьбе один против двоих давили, и он постоянно глотал какие-то таблетки. Но до чего он был хитер, изворотлив, умен — мудр! Ради открытия второго фронта — готов на всё. Даже на растерзание упрямо сопротивляющегося Черчилля.

В общем, создатели фильма вполне обошлись без Алена Делона, некогда украсившего знаменитый «Тегеран-43».

Но где снимать основную, главную часть о Тегеране? Хотели поначалу отправиться в иранскую столицу, но возникло столько сложностей, в том числе и политических... Появились было на горизонте Египет с Каиром, но и тут помешали нюансы большой политики.

Мне же наиболее простой виделась идея отправиться в Баку. Однако и тут вмешалась политика. Главные герои картины — армяне, а отношения между двумя странами неважные.

В Сирии в ту пору было еще совершенно спокойно. Специфическая тема никого там не смущала, а сирийский продюсер Абдулла Исса, отыскавшийся в Москве, сумел быстренько решить все проблемы. По его мудрому совету отправились в Дамаск без многотонного реквизита и не прогадали. Многие из военной эпохи отыскивали на дешевых местных рынках. Кое-что одолжили в музеях.

Съемки по заведенному стандарту заняли пару недель. Я, повторюсь, никак не свыкнусь с подобными темпами: раньше уж если ехали в киноэкспедицию, так на несколько месяцев. Молодых актеров для «Легкой кавалерии» подобрали из сирийцев. Возможно, они и были чуть толстоваты для времен Великой Отечественной, зато брали абсолютной простотой, неумением кататься на велосипедах, что еще больше подчеркивало главенствующую роль их вожака Геворка в исполнении Валерия Сехпосова. Он сам за короткий

срок освоил велосипед и даже научился кататься без рук.

Мать Гоар Левоновны здорово сыграла актриса из Дамаска. Недостатка желающих участвовать в массовках не возникало. И Дамаск с его сохраненным восточным колоритом, с бесчисленными кафешками и кальянами, напоминал, по словам Геворка Вартаняна, атмосферу военного Тегерана.

Помимо самих Вартанянов в «Правдивой истории. Тегеран-43» появилась и еще одна знаменитость — Валерий Николаев, снимающийся то у нас, то в Голливуде. Вот он — наш отечественный, ну, в данном случае, супермен. Командует специальной группой НКВД в Тегеране. А если спецгруппа — значит, стрельба, заламывание рук чужих диверсантов, погони. Нужны были для оживляжа и драки, и аресты. Николаев так вошел в образ, что потом снялся еще и в роли разведчика Дмитрия Быстролетова и даже стал режиссером этого фильма «Вербовщик» из серии «Поединки».

Но всё же за душу больше всего берут Гоар и Геворк Варта-нян. И кадры старой кинохроники. Тегеран ноября 1943 года... Здесь, в документальном кинематографе, в умении поймать кадр, смонтировать пленку так, чтобы она запомнилась, Александру Иванкину, на мой взгляд, нет равных. И тотчас в хронику врывается игровое действие. И сразу зритель и в тонусе, и в курсе.

Помню, для участия в пресс-показе фильма «Правдивая история. Тегеран-43» в «Российскую газету» Вартаняны приехали заранее. Знакомились с нашим главным редактором Владиславом Фрониным. Гоар Левоновна тихо спросила: «Николай, а Звездочку — надо? Жора немного стесняется, но я захватила». И в зале пресс-конференций «Российской газеты» на просмотре фильма Геворк Андреевич был уже с золотой звездой.

Я сидел рядом с Вартанянами, слышал реплики, которыми они обменивались. Им понравились главные герои. Ей — Карина, ему — Валерий. Выбор Дамаска, по мнению Гоар Левоновны, сделан «прямо в точку». Появился актер, играющий отца Вартаняна, и Гоар сразу узнала:

— Жора, вот твой папа. А это — мы. Геворк Андреевич согласен:

— Главное отражено верно.

— А не главное? — шепчу я.

— Такая атмосфера и была — примерно. Но Тегеран тогда был более европеизированный, чем Дамаск. Вон, смотрите, я босиком. Но я так никогда не бегал. И одеты мы с родителями несколько по-простому. Нет, отец носил костюмы с галстуками! Слишком много женщин в парандже — но они тогда носили одежды яркие.

— В центре города и декольте, и мини, и косметика, — тихонечко добавляет Гоар Левоновна.

— Гоар, но режиссер видит так. Это его право. Тут — правда, а не вымысел. Смотреть интересно! Получилось! Я бы сказал, это особенно касается Валерия — на меня похож, — шепчет Геворк Андреевич.

После просмотра фильма жена заметила мужу:

— Мы с тобой снимались впервые, и я никогда не предполагала, что это — такая трудная работа.

На что ироничный Геворк Андреевич ответил:

— Да, не то что наша с тобой.

Премьера «Правдивая история. Тегеран-43» состоялась на Первом телевизионном канале 24 и 25 января 2011 года. Зрителям лента понравилась. Об этом красноречиво говорят рейтинги телевизионной аудитории. Но самое удивительное то, что весь цикл «Поединки» постепенно становится культовым для тех, кто решил связать свою судьбу с разведкой. Об этом мне по секрету рассказали в пресс-бюро СВР. Будущие разведчики считают обязательным для себя посмотреть

фильмы о людях этой нелегкой профессии, почитать книги, прессу, как бы примеряя на себя судьбы легендарных ветеранов Службы. И вот здесь — очень важная деталь — выдуманный Штирлиц постепенно уходит на второй план, уступая зрительскому интересу к жизненному пути и подвигам реальных разведчиков, которые были показаны в цикле «Поединки», других фильмах, описаны в документальной прозе. Сегодня это очень важно, поскольку молодые люди лишены реальных образов для подражания. На чьем примере юноши и девушки будут строить свою жизнь, учиться патриотизму? Очень хочу надеяться, что и эта книга о Геворке Андреевиче и Гоар Левоновне Вартанян поможет молодым людям сделать правильный выбор в жизни.

Глава 11. С ТАКОЙ ЖЕНОЙ МОЖНО БЫЛО В РАЗВЕДКУ

Хорошо знакомая квартира в тихом переулке за последний год внешне не очень изменилась. Всё так же блестит ухоженной чистотой, все вещи на прежних местах. И даже Гоар Левоновна в свои восемьдесят семь встречает меня в элегантных туфельках на каблучках. Нет только Его. В столовой у стены аккуратный фотопортрет Геворка Андреевича в траурной рамке и несколько цветков рядом.

Его не хватает.

Я не знаю, поверит ли читатель моему признанию. Не посмею причислить себя к близким друзьям Вартаняна, но мы общались, созванивались, виделись. Иногда происходило это на больших торжествах, где Геворк Андреевич с Гоар Левоновной сидели рядом с президентом страны, премьером, директором разведки. А я был горд, что тоже присутствую в числе немногих журналистов и писателей на этих закрытых «парадах» СВР. И Вартанян всегда, честное слово, всегда подходил, жал руку, ни разу не забыл подбодрить добрыми словами. Не был велеречив, высокопарен, но искренен и дружелюбен.

Сложно объяснить, но после общения с Геворком Андреевичем, неизменно одетым в костюмы темных тонов, с его геройской звездочкой на лацкане, как-то прибавлялось уверенности. Понимал, что я тоже смогу, сделаю, добьюсь — конечно, не в его вартаняновской многотрудной штучной профессии, а в любимых моих журналистике, писательстве. Какая-то исходила от моего героя энергия, которая гнала вперед, поднимала.

Или, помню, я очень волновался, когда мы делали интервью о его первом начальнике в разведке Иване Ивановиче Агаянце. Мне казалось, что я в чем-то недотягиваю. Трудно было по разным причинам объяснить всё, что сделал в военные и послевоенные годы советский резидент в Тегеране и других мировых столицах. Ведь я оставался в определенных рамках «нельзя» и «можно». Вартамян подбадривал, уверяя: «Люди поймут, не волнуйтесь. Тут и между строк хорошо читается». А когда большая статья вышла, в тот же день несколько раз пытался дозвониться, и дозвонился-таки, до главного редактора «Российской газеты» Владислава Фролина, поблагодарил за отличный, с его точки зрения, материал.

В моей длинной журналистской карьере такое случалось нечасто. В газете, как и в жизни, всё течет, летит быстро и если и не забывается в конце недели, то, по определенным законам жанра, очень уж резво покрывается накатывающей волной новых и новых событий.

Когда Вартамяна не стало, я поместил на большой экран своего компьютера его фото. Веселого, улыбающегося, оптимистичного. Взглянешь в минуту сомнений, и то ли чудится, то ли действительно подмаргивает: не так всё и плохо. Иди, дружище, борись и не отчаивайся. Сил обязательно хватит, должно хватить...

Гоар Леоновна приняла меня трогательно. Посадила точно на то же место за невысоким удобным столиком, где всегда мы сидели втроем:

— Ведь при Жоре мы так всегда и усаживались. Устроилась рядышком. И дальше во время наших встреч располагались мы точно так. Яства те же — национальные, которые только в доме Вартамянов и отведаешь. Вам не приходилось испытывать в таких случаях какую-то неловкость: ну, вот, пришел, расселся,

потревожил людей, у которых дел столько? Я у Вартанянов такого никогда не испытывал. Они готовились к приходу гостя, потому что хотели, ждали.

Дома Гоар Левоновна не одна. Всегда помогают друзья, родственники — и московские, и из Еревана. Тогда с ней были Лариса, жена брата, и племянница Анаит, специально приехали из Армении. Забота и внимание. Что ж, это тоже рецепт от одиночества.

И постоянно звонит телефон. Муж любимой внучки Маргариты с типично шахматными именем и фамилией Тигран Петросян только-только выиграл чемпионат Армении — естественно, по шахматам. С этой юной парой я знаком. Маргоша — красавица, а Тигран — молодой галантный гроссмейстер. В Армении шахматы — вид спорта, по популярности не уступающий футболу, именно ее шахматная сборная опередила на Олимпиаде наших. И Тигран на родине — в числе любимцев.

— Вы знаете, в аэропорту их приветствовал президент Серж Саргсян! Когда они возвращались чемпионами, несколько улиц были забиты людьми. — Горда своим родственником Гоар Левоновна. — Потом их повезли в оперу, там были маленький концерт и ужин. Вот как их встречали! Но наш Тигран Петросян — парень скромный. Сейчас как раз опять стал чемпионом Армении.

Но пора «возвращаться» в Москву. А тут — фото в траурной рамке. И лестничка между далеким прошлым и сегодняшним. Мне не хотелось перебивать Гоар Левоновну. Припомнилась ей война. Тогда отец Жоры, Андрей Васильевич, подарил Советскому Союзу на свои личные сбережения танк. Наверное, не обошлось без сложностей. Ведь был Андрей Вартанян советским разведчиком и вот передает русским танк. А если это привлечет внимание и снова начнут копаться в биографии иранского подданного, переехавшего в Тегеран из Ростова? В Иране владел кондитерской

фабрикой, ее шоколад считался лучшим. Эту продукцию, как рассказывает Гоар Левоновна, прессовали в многокилограммовые шоколадные кубы, паковали в огромные ящики с надписью «Бей фашистов!» и отправляли через советское посольство в СССР. Не страшили, видно, Андрея Вартаняна никакие подозрения.

— Как уж со всем этим управлялись, не знаю, — признается Гоар Левоновна. — Но хоть чуточку жизнь своим подсластили, и уже хорошо. И вот наши (так именует моя собеседница коллег даже не по работе в разведке, а по своему Управлению. — Н. Д.) сделали точную копию танка и подарили Жоре. А я теперь передала в наш музей. Совсем он небольшой, две комнаты. И еще несколько вещей туда отдала, из тех, что дарили. Был у нас в семье боевой подарок от оружейника Калашникова. Геворк его почитал! Еще один пистолет армяне привезли во время Карабаха. И, смотрю, третьего нет...

— А что — третий?

— Тоже пистолет. Подарок от директора разведки. Спрашиваю где, а мне: «Вы заметили? Сейчас приводим в порядок, почистим, выставим».

— Гоар Левоновна, вам, полагаю, после войны с пистолетами дел иметь не приходилось? Когда вы уже в 1950-е вернулись из Ирана в СССР, то окончили в Ереване институт иностранных языков, потом прошли обучение, которое положено всем нелегалам... Ваш многолетний начальник генерал Дроздов пишет в своей книге, что вы закончили учебу быстро: на что у других уходили годы, вы освоили за два месяца.

— Нас здесь учат пять-шесть лет, даже и семь бывает. Иногда приходят те, которые уже институт закончили, опять учеба и потом только посылают. Но вы же знаете, Жора учился в Тегеране в школе английской разведки. И всегда благодарил англичан, когда здесь

выступал перед нашими, повторял: я благодарен английской разведке, потому что очень многому там научился и в дальнейшем в работе против них здорово пригодилось. А я ту школу, как говорится, не посещала. Хотя кое-что и без нее на практике прошла... Нас вызвали в Москву. Пришлось мне, к примеру, осваивать радио, да и много чего...

— А разве в Тегеране во время войны вы обходились без радиопередатчика?

— Никогда им не пользовалась!

— И здесь за два месяца все постигли?

— За два — два с половиной. Как-то хорошо всё пошло.

— И разбирать всё и снова собирать?

— И разбирать-собирать, и шифровать. Ну, конечно, не только это. А Жора за два с половиной месяца уже всё знал, его и готовить не надо было.

— И на рации тоже умел?

— Прекрасно. А уже там основной радист — я. Иногда он садился, но большей частью — я.

— А языки подтягивали?

— Языки потом. Это иногда, когда оттуда приезжали сюда на переподготовку, на отдых. Какие языки? Английский. Мне, допустим, испанский. Когда приехали в одну страну, ее языка вообще не знали. Жили в гостинице, где познакомились с иранской парой. Они к нам начали заходить. Он — генерал уже в возрасте, а жена — очень молодая, намного моложе его. Вскоре подружились — ведь мы тоже иранцы, говорили на фарси. Часто встречались. И однажды генерал спросил: а чем вы здесь занимаетесь? Геворк Андреевич ответил: интересуюсь бизнесом, пока изучаю что к чему и надеюсь наладить в этой стране свой бизнес. Возник и вопрос: давно ли уехали из Ирана и почему? Мы так уклончиво ему ответили, что давно, несколько лет тому назад. Новый вопрос: а где жили? Тоже объяснили, что в

одной стране Западной Европы, назвали ее. И тут генерал начал говорить на языке этой страны — хорошо, чисто. А мы этого языка тогда вообще не знали! И Жора в такт речи генерала только кивает, вставляет время от времени — «да, да». И генерал восторженно: вы что, за несколько лет на языке этой страны только «да-да» и научились? А провели мы там — по легенде, конечно, — столько-то времени. Вот такой разговор...

— Это было очень опасно?

— К счастью, сам же генерал и пришел к нам на помощь. Человек разумный, уже совсем не молодой, он нашел собственное, очень устроившее и нас объяснение переезду молодой пары из Тегерана в Европу. Намекнул, что понял, какие политические обстоятельства заставили нас покинуть родину. Конечно, мы с Жорой не дали ему в этом усомниться — наоборот, еще больше убедили в правильности его догадки, вызвали определенное сочувствие. Принял он нас за беженцев: понимаю, что вы уехали из Ирана потому, что там начались все эти события...

— А какие события?

— Преследования левых. Расстреливали членов Туде (коммунистов. — И. Д.). Вот мы и перебрались в Европу, где ничто не угрожает.

— Что это был за человек? Откуда знал европейские языки?

— Он тут окончил военную академию. Оказалось, что генерал — один из адъютантов шаха. В центре Европы он отдыхал после лечения, медицинских проверок. Остановился временно на берегу озера, должен был уже возвращаться в Иран. Генерал нас успокоил, обнадежил, что сейчас все волнения дома позади, мы можем снова жить в Иране: «Никто вас не тронет! Устрою на работу». Мы пообещали приехать.

— С тех пор вы с ним не встречались?

— Нет, что вы! Зачем? Подальше от греха. У нас были иные задачи, с Ираном не связанные.

Так и прошло. Но мы переживали. И за язык взялись серьезно. Я его выучила, даже принимали за местную.

— Вы действительно похожи. А фарси за все эти годы не забыли?

...И тут мы перешли на фарси, будто вновь оказался я в исконно иранском Исфагане, где пытался освоить труднейший персидский. Выразил восхищение познаниями Гоар Левоновны, а в ответ:

— Вы понимаете, я в детстве русского не знала. А в медресе (в школу. — Н. Д.) ходила в Тегеране двенадцать лет. Практики сейчас почти никакой, но память неплохая, говорю легко.

— Многолетний начальник нелегальной разведки Юрий Иванович Дроздов пишет, что, работая в одной из натовских стран, вы лично знали адмирала Тернера, будущего, можно сказать, коллегу — ведь вскоре его назначили директором ЦРУ

— Да, знали, конечно, хорошо. Не то что дружба, но мы были вхожи. Встречались, и на коктейлях, приемах могли подойти. Оказывали кое-какие услуги.

— Вывод напрашивается: поднялись вы довольно высоко.

— Тут я должна вам некоторые вещи объяснить. Мы умели показать, что у нас всё есть, мы — богатые. Понимаете, это же надо было внушать окружающим. Я, правда, когда уезжала туда из СССР, брала с собой браслет, кольцо хорошее.

— Еще из Тегерана?

— Всё покупалось в Иране. В Союзе вообще никогда не покупала ничего — кроме того, что по необходимости дарила своим родным... За границей я должна была выглядеть презентабельно. Кстати, там, на Западе, они очень любят, когда их куда-то приглашаешь. Но только всё это мы делали ненавязчиво. Знакомишься, затем

постепенно идешь дальше. Если ты человек приятный, то к тебе тянутся. А у Геворка Андреевича был такой юмор, он всегда что-нибудь рассказывает, всем и смешно, и весело, и хорошо. Надо было уметь сделать так, чтобы ты понравился. Не то чтобы навязчиво понравился, а чтобы получилось естественно. Это, думаю, зависит даже не от желания или выработанного умения. А от того, что у тебя внутри, какой ты на самом деле.

— Гоар Левоновна, но вот это общение — оно же не только с теми, от кого надо что-то получить, узнать. Мне, например, всегда было радостно с вами общаться. Может, Геворк Андреевич давал оптимизм, которого многим из нас зачастую не хватало и не хватает...

— Почему мужа на работе все любили? Он же не со всеми был близко знаком... Почему до сих пор ребята подходят и говорят: нам его не хватает? Когда он по коридору шел, мы знали, что это — Вартанян. К нему можно подойти, посоветоваться, что делать. И он всегда выслушает, взвесит и спокойно, всегда спокойно, посоветует. И это во всем — не только на нашей работе многотрудной и закрытой. В быту — тоже.

Живя в Москве, мы заметили, что соседи наши между собой не общаются. А мы очень общительные! Прошло определенное время, и с некоторыми из них мы подружились. Дружим уже годы, помогаем друг другу. Или дворник, который у нас убирает. Таджик — с женой, с ребенком, дали им в доме комнату. Вкалывает с утра до ночи, видно же, работающий. Уже Жоры нет, а мне рассказывают: Геворк Андреевич постучался к нам, спрашивает: можно? Хочу посмотреть, как вы здесь живете. Комната хорошая. И дал денег, чтобы купили ребенку подарок. Такие случаи, о которых я даже не знала, бывали часто. Но это — мелочи.

Мы когда приехали из Ирана, ковры привезли, для того, чтобы была возможность приобрести квартиру в

Ереване. Часть этой квартиры Геворк Андреевич успел до кончины отремонтировать и подарить внучке на свадьбу.

— Гоар Левоновна, а все-таки, что еще можно вспомнить из той жизни, тамошней? Как вы пробивались «к ним — наверх»? Через знакомых, через местных армян?

— Нет-нет-нет. Таких знакомых даже не имели. В столице той страны армян мало. В городе посевнее — побольше.

— Диаспора не такая сильная?

— Мы не искали знакомых через армян. Тут другая большая история. Через одну пару мы попали в интересную компанию.

— Высокую?

— Да, скажем так. Это тоже надо уметь. Но вопрос совсем не в том, что ты — артистка. Ты поговорила, сказала два нужных слова, вовремя угостила. Но, ни в коем случае, не то, что приготовила нечто особое, экстравагантное — вот этого не надо...

— А как надо?

— Надо, чтобы им тоже было приятно с тобой посидеть, пообщаться. Пригласить на кофе, довольно часто встречаться с женами, потом познакомиться с мужьями, затем вместе выехать на природу.

— Среди мужей и военные — офицеры? — Да.

— И всё общение на языке той страны, где вы были? Тогда язык был уже освоен?

— Освоен. Но все равно в то время не был еще таким сильным. И мы заметили, что им, скажем, местным, очень нравилось разговаривать вот так: они — чисто, мы — с акцентом... Вот вам еще один эпизод. Муж завербовал одного молодого парня, отец его — ответственный работник ЦРУ, американец, мать — из Европы. Познакомились, когда еще был мальчиком, учился. И определенные мысли были: вот подрастет,

встанет на ноги. Он мужа даже называл «дядей», и Жора его всё время направлял: иди по стопам отца, и для этого надо хорошо учиться.

А пришло время, и мальчик поехал оканчивать институт в Штаты, и мы с ним там встречаемся. Что за карьера ждет способного парня? И, знаете, действительно пошел по линии отца.

Муж предложил ему подработать. Для этого надо познакомиться с журналистом из солидного издания, они нуждаются в информации. И молодой человек соглашается. В один прекрасный день подъезжает наш товарищ, отлично подготовленный для такой встречи, туда, к нему.

— Действительно, журналист?

— Что вы! Превратился в журналиста на один день. Он сейчас у нас работает. И молодой знакомый сообщает мужу: приехал человек, хочет встретиться. Жора говорит: встречайся. Затем новый визит нашего знакомого: журналист предлагает делиться информацией, скажем, о политике, экономике. И молодой человек честно признаётся, что вот это он может, а вот это — нет. И получает совет от мужа: соглашайся только на то, что можешь, за недостижимое — не берись.

— Гоар Левоновна, я так понимаю, что это было «под флагом» другой страны?

— Да, совершенно другой.

— И какой же хороший должен был быть у этого «журналиста» иностранный язык...

— Должен быть прекрасным. Короче говоря, молодой человек рассказывает нам, что все его условия — это может, а то нет — «журналист» принял. И даже выдал ему аванс — неплохую сумму. Обратился парень к мужу с просьбой: «Пожалуйста, не говорите об этом моему отцу». Жора «с удивлением» спрашивает: почему? И получает откровенный ответ: «Дядя, понимаете, папа

каждый месяц дает мне по тысяче долларов, а если я скажу, что появился приработок, платить перестанет».

— Злато в мире правит бал. И эта была долгая связь?

— Конечно. Понимаете, муж еще в юношеские годы покупал мальчику подарки. Делал это без всякого. И обратил внимание, что тот тянется к деньгам. Наблюдал за ним, оценивал, что даст эта связь. Он действительно помогал парню, и обстановка подтверждала, что дядя готов дать ему верный совет, оказать услугу. Это стремление заработать побольше было удовлетворено. Похожее случается, предположим, и с женщинами. И должна сказать, что на таких людей у Жоры было какое-то обоняние. Если он что-то намечал, то добивался. Была аура. Он мог. Заходил, что-то рассказывал, и атмосфера менялась, становилась дружелюбнее.

— Я это испытывал на себе.

— И всё это несмотря на то, что он не навязывался, не стремился переместиться в центр внимания. Знаете, за все годы совместной жизни мы никогда не ссорились. Даже слова громкого в разговоре у нас не было. Если в чем-то разногласия, решали их мирно — садились, разговаривали, начинали рассуждать, крика в доме никакого. Я бы тоже могла что-то сказать, типа «ну хватит!». Нет, не было.

— А сложно все время на иностранном и на иностранном?

— Нет, привыкли. И было уже все равно. Естественно, ни слова на русском. И, случалось, приезжали сюда, садились в машину, и можно на русском — но голоса своего на русском не узнаешь, как будто не ты говоришь. Потом, через минут двадцать, через полчаса привыкаешь. Интересный переход. После отпуска едешь не сразу туда, не в свою страну, куда-нибудь поближе к нашим границам. Там дней за пятнадцать привыкаешь. Работа очень нелегкая...

— Сколько лет там прожили?

— Десятилетия.

— И принимали за своих?

— Нет, в одной стране они знали, что мы — чужие. А разговариваешь с незнакомыми, в магазинах — и меня-то вообще принимали за свою, Жору — тоже.

— Паспорт был той страны, где вы жили, или еще иранский?

— Сначала — «родной», иранский. Потом стал той страны. Но мы меняли много паспортов — в зависимости от разных обстоятельств. Вы же знаете эпизод, когда мы первый раз туда приехали?

— Нет.

— Ну, если коротко и без ненужных подробностей... Срок наших паспортов был на три месяца. Значит, должны были пойти в посольство какой-то страны, не Ирана, чтобы нам разрешили получить визу на въезд в нужное нам государство. Идем туда, сюда, и везде говорят: вначале, пожалуйста, пойдите к своим, к иранцам, ваши паспорта всего на три месяца, и мы не можем...

— В иранское посольство идти не решались?

— Не хотелось: семь лет не были, ведь жили в СССР. В одном посольстве нам отказали, пошли в другое — как давать визу, когда паспорт вот-вот заканчивается? И третья попытка — тоже неудачная, никто и ничего не дает. А что нам делать? Смотрим друг на друга. И нашим мы не можем ничего сказать, потому что связи пока нет, мы уже сами по себе. Даже знаков, что обычно выставляют приехавшие нелегалы, мы не ставили. Ехать обратно домой — глупо. Сидим, размышляем, что делать...

— Мыслей о возвращении в СССР, где помогут сделать нужные документы, не возникало?

— Нет, должны были решать задачу сами. Всё предусмотрено, такая большая работа позади. Понимаете, в ту пору проблем было больше, чем теперь.

Пример вам: нитки, если надо было пришить что-то или укоротить, должны были быть настоящими, «оттуда». Вдруг кто-то обратит внимание. Значит, специально «оттуда» надо было и привозить. Сейчас кто на это смотрит? Везде и во всем мире всё одинаковое, сегодня легче — в этом плане, даже очень легко...

Решили ехать в иранское посольство. Наняли шикарную машину с водителем. Жора — всегда элегантен, я — в своем лучшем и в драгоценностях. Подъезжаем, выходит какой-то клерк: что вы хотите? Муж с достоинством: хотим встретиться, познакомиться с послом, мы же иранцы и как без визита вежливости? Тут же выходит посол, посидели — познакомились. Пьем кофе, и разговор, понятно, вокруг Ирана, для нас фарси в то время язык самый родной. Чувствуем, посол не разочарован: говорим, рассказываем...

И потом, между прочим, муж замечает: мне надо еще паспорта наши продлить, ну, ладно, я завтра заеду. Завтра! Так и сказал. Даже я удивилась: ничего себе завтра. Посол удивился: да я вам сегодня сделаю. Зовет какого-то служащего, тот забирает наши паспорта, уходит. Через десять минут несут. «Извините, у вас местом рождения значится Решт...»

— Довольно известный иранский город.

— Именно, а у Жоры написано было «Ростов». Написание по-фарси довольно похожее. Муж подтверждает: да-да, Решт. Но в паспорте читается «Рашт». Не буду вам докучать правилами правописания.

— Ой, как они в персидском сложны!

— И чтобы не обременять гостей посла, услужливый дипломат пошел, перевел, принес новые паспорта, где вместо довольно опасного для нас «Ростова» написал Решт. Представляете, как нам повезло!

— А ваш паспорт? Вы же тоже родились в Союзе.

— А у меня проблем не было. Якобы я родилась в Иране.

— И так вы въехали, получив визу, в нужную страну?
— Так и въехали. Ездили туда, куда нужно было.
— И какой же была первая страна?
— Вы не обидитесь, если я пошучу: не помню?
— Но не социалистическая?
— Ну что вы! — по-моему, обиделась скорее Гоар Леоновна. — Да и неважно это.

— Все-таки везение? Хоть и с риском.

— Тут было иное: как ты себя поведешь. Сделали всё правильно. Если ты вот так приезжаешь в свое посольство, для них — ты не смелый, нет, ты уже кто-то, достойный нанести визит послу. Ведь не каждый человек сможет сказать: я хочу поговорить с послом. Обычно как? Надо встречаться с клерком, давать ему объяснения. Примет ли? Поэтому мы сразу высоко взяли. Если возьмешь ниже, клерк пойдет, спросит у начальства: можно ли? Давать — не давать? А если нельзя? Тут нужно сразу идти выше и выбирать момент. Жора взял выше. Но только не подумайте, что всегда по верхам. Нив коем случае! Иногда лучше получалось, когда снизу. Тут — по-разному. И важно быстро понять куда, как, с кем...

— А как легче?

— Невозможно ответить. Но сверху — обычно — безопаснее. Выше пойдешь, больше тебя уважают.

— Но ведь наверняка многое решалось и за деньги?

— Вы знаете, за деньги мы мало что делали. Почти ничего. Если собеседник твоего уровня, ты можешь денег и не давать, но преподнести ему презент, сделать приятное, угостить или ободрить — пусть иногда двумя-тремя словами. И повторюсь: так тебя больше уважают. Мы обычно поступали именно так.

Решали многие вопросы. И еще раз — для всех безопаснее. Но бывало, что видно: человек нуждается в деньгах, и тогда уж, конечно, надо дать. Или всё же подарок сделать хороший. Когда мы получали

гражданство одной страны, то преподнесли подарок. А добиться гражданства очень трудно, долгая волянка. Бывает, в течение года. Глава города Х. в своей мэрии нам давал гражданство. В мэрии — не в каком-то там офисе. Понимаете, что это такое? Это очень большое дело. Вас, вижу, интересуют денежные вопросы? Очень дешево обошлось! Знакомства были, хорошие люди были.

— И стало легче из страны в страну переезжать?

— Да, не трудно. А то запросы, два месяца проходит, пока оттуда сюда придет. Едешь с одними документами, потом с другими. Ненужные уничтожаешь...

— Ничего себе. А как это?

— Это очень интересно! Если бы Жора рассказал... Было много чего...

— Гоар Левоновна, поверьте, просто детектив.

— Какой уж детектив. Иногда рвать их даже в туалете приходилось, а где же еще? Бросаешь, поезд едет, на ходу. А что там останется? Или в каком-нибудь большом парке... Раз работали в одной стране, где ждали больших событий. И пришлось вместе с толпой оппозиции выйти на площадь. Они — «против», а мы — что ж, и мы с ними. И чтобы вместе с группой представителей этой организованной, хорошо управляемой и направляемой толпы пройти в правительственное учреждение, Жора пустился в танец.

— Слышал от Геворка Андреевича об этом эпизоде, но так и не понял, где всё это было и для чего пришлось танцевать.

— Какая разница где, хотя площадь известная. (И еще как! Когда мне было рассказано, какая именно, я поразился. Вот уж не думал! Неисповедимы пути разведчиков. — Я. Д.) И вдруг я смотрю, люди берутся за руки, пускаются в пляс, но не отдельно, а образуют круг. Секунда — и мой Жора бросается туда, и уже с ними,

держит руки вот так и в танце группа входит внутрь. Пропустили только эту танцующую группу

— И вас тоже?

— Нет. Не успела к танцующим. А он — мгновенно, без раздумий, всё естественно. И очень полезно для дела. Он был внутри, всё видел, всё слышал.

— А другие люди вашей профессии из Москвы к вам приезжали? Приходилось с ними встречаться там?

— Встречались. Но очень редко. По работе раза два.

— Опасно?

— Конечно, всегда. Поэтому мы выезжали из этой страны в другой город. Там же, где жили, невозможно было, нельзя. Но однажды спасли одного нашего товарища. Детали оставляю при себе, а смысл в том, что он жил в той же гостинице, где мы, а паспорт его был у хозяина отеля. Получилось так, что ему надо срочно уехать: могли арестовать. А как уехать без документа? Никак! Но у Жоры были хорошие отношения не только с хозяином гостиницы, а и с персоналом. Бывало, заходил туда, за стойку портье, где хранятся ключи, паспорта. Просто, чтобы поболтать, пообщаться. И муж зашел туда, пообщался, а паспорт потом передали владельцу.

— Никогда не чувствовали, что как-то присматривают за вами? Слежка или интерес особый?

— Нет. Это не шутка. И мы всегда, каждый раз, проверялись. Сколько тайниковых операций. Нужно было два-три часа обязательно на это тратить — и пешком, и на машине.

— Вы хорошо водите?

— Без скромности — да. Сейчас нет. А в двадцать лет я в Тегеране в первый раз поехала на американском джипе.

— За годы в Европе все марки, наверное, освоили?

— Не все. Многие. Был у меня немецкий «фольксваген»...

— Сколько машин было в семье — одна, две? — Две.

— Это тоже говорило о благосостоянии семейства?

— Естественно. Но без второй машины было никак нельзя. У меня же тоже столько оперативных контактов, встреч!

— И хотя бы об одной расскажите.

— Однажды мы поставили тайник. Потом проходит время, и проверяешь — взяли или нет.

— А как?

— Ставят тебе знак. А тут ничего. И мы забеспокоились. Что делать? Идти, и тебя тут же поймают. Или, может быть, наши пошли к тайнику и их поймали? Понимаете, сколько нервов. Поехали на машине. Кажется, вокруг всё спокойно. Я настояла, что пойду проверять сама. И потихоньку приблизились к тайнику, шарю рукой и понимаю — заложенное не забрали. Беру, к машине и быстро оттуда, быстро.

— Что же случилось?

— Позже выяснилось: наши перепутали, не нашли тайника. Ну, я вам скажу, это прямо удар по здоровью. Ужасное было чувство.

— Но вы по натуре оба спокойные.

— Да. Мы жили как нормальные люди, а делали всё — как люди ненормальные. Бывали очень тревожные моменты. Но мы для себя сразу решили: в жизни случается по-всякому. Кто-то в театр идет — уже нервничает. А у нас из этого вся жизнь.

— Представляю, что и когда работали на рации, могли засечь.

— Мы старались, чтобы место, где работала рация, находилось подальше от любых посольств, каких-то правительственных, государственных, а тем более засекреченных учреждений. Там опаснее. И точку выбирали, где бы всё у нас находилось под контролем, чтобы обзор у нас был хороший.

— Гоар Левоновна, вот как вы гоняете на машине, представляю. А радисткой — не особенно.

— Ну, представьте. Не получается? Поэтому и другие люди тоже не думали о нас ничего такого. Мы представляли перед ними коммерсантами, занятыми бизнесменами, поэтому никто и не мог подумать, что я такая. Но, знаете, это давало усталость, правда! Мы приехали, мы давно дома, всё позади, — а я и сейчас переживаю. Такие хорошие люди были у нас, знакомые, наше окружение. Совсем не по работе, ну, никакого отношения. Мы уехали и больше ни одного слова не написали. Что они подумают о нас? Столько лет вместе, и ты исчезаешь...

— Как вы обычно объясняли исчезновение? Ведь Геворк Андреевич говорил, что побывали почти в ста странах.

— Это как раз просто. Объясняли: по бизнесу в другое государство, на другой континент, в иной город.

— Вопрос тоже деликатный. Нелегала выводят на какое-то время домой — отдых, переподготовка. И всегда меня смущало: как оправдать свое, допустим, двухмесячное отсутствие? Можно же как-то здесь проколоться.

— Всё тем же бизнесом и объясняли. Здесь, конечно, неожиданностей быть не должно. Мы обычно не давали телефонов. У нас там были почтовые ящики.

— Не совсем понял.

— Мы оставляли письма в странах, в которых должны были по легенде находиться. Кто-то их отправлял. Я даже не знаю кто. Но приходившие от разных знакомых послания нам доставляли быстро. И я узнавала новости еще до того, когда после отдыха или переподготовки возвращалась на место работы.

— А что с паспортами?

— Ничего. Всегда проходило. Бывало их даже не два, и больше тоже. Тут уже скорее рутина. Однажды тщательно упаковала паспорт, который не должен был понадобиться, в саквояж. И он, как всегда в таких

случаях бывает, понадобился. Ничего, пришлось найти место, вынуть. Сейчас с этим легче. Очень много людей въезжает-выезжает. Поток грандиозный! А тогда наш въезд в социалистическую страну мог натолкнуть на какие-то мысли. И документы меняли. Мало ли что? Правда, обычно выезжали домой через какие-то западные страны. Но прибытие домой — все равно через соцстрану. Хотя наши товарищи помогали. Чувствовали мы их поддержку.

Бывали эти выезды и полезны. Раз летели из соцстраны, познакомились с одной дамой с Запада. Вместе ждали самолета, потом вместе сидели, разговорились. И в какой-то стране, куда прилетели и якобы мне неизвестной, она взялась мне помогать. Такси из аэропорта напополам, поехали в гостиницу. Познакомились в отеле с некоторыми интересными людьми. И потом кое-что с этими людьми у нас одно время было полезное. Но это редкость. Скажу, что переезды эти переносила довольно спокойно. А вот там, на месте, надо было все время быть внимательной, проверяться и проверяться.

— Это уже как бы выработанный инстинкт?

— Не знаю, как назвать. Но прошли годы, как мы вернулись, а я здесь, в Москве, не могла отказаться от этой привычки. Она в меня прямо вошла, это осталось в нас. Иногда мы идем с Жорой, и я, представьте, проверяюсь. Невольно. Захожу к нам, в этот двор, и проверяюсь. Он мне: «Гоар, что ты, с ума сошла? Где ты находишься?» Мне самой смешно делалось! И, знаете, только в последние два года я от этого отошла. Да, инстинкт, наверное. Спокойно иду на работу, встречаюсь с друзьями. Но...

Тут помимо безопасности было и нечто иное. В стране, где мы долго жили, одно время процветало воровство. С женщин сдирали золотые цепочки, вырывали сумочки. Бывало, к моим подругам подходили

какие-то хорошо одетые господа: «Как поживаете? Не могу ли чем-либо помочь?» А в это время у дамы снимают кольцо или срезают сумку. У меня — ни разу, ни единой попытки. Даже муж говорил: «Тебе везет». Не думаю! Бандиты, совершающие нападения, чувствуют состояние будущей жертвы. У меня оно не настороженное, нет, не напряженное, а собранное. Подсознательно обращаю внимание на тех, кто рядом.

— А после дня встреч, тайниковых операций — как можно прийти домой и спокойно спать? Ведь такое напряжение!

— Ничего такого. Спали спокойно. И жили нормально, жизнь была полная. Хотя судьба всякое подбрасывала...

— А скажите честно, были какие-то заготовки: как себя вести, если арестуют?

— Мы к аресту не готовились. Нет, не готовились на худший вариант. Знали, что надо работать, выполнять поставленные задачи. Спокойно, без надрыва. И кто будет это делать, если не мы?

— Вы совсем не боялись? Не было страха?

— Нет. Если бы был страх, то не смогли бы работать. Мы очень спокойно себя вели и были спокойны душой. Но, но! Мы всегда знали, кого рядом с нашим домом мы видели два раза подряд. Подумаешь, идет себе человек. А видишь его раз, второй, потом третий — это что, совпадение? Наверное, благодаря этому вниманию, собранности мы избежали неприятностей.

— Но некоторых, даже отлично подготовленных разведчиков, арестовывали. Например, Конона Молодого в Англии. Бедный Конон...

— И бедные Коэны — Крогеры, с ним работавшие! Лону, попавшую в тюрьму, даже избивали. Мыс ней и с ее мужем Моррисом общались, много раз обедали у знакомых. Восемь лет пришлось им просидеть. Но наши спасли, обменяли.

Я и сейчас, когда с молодыми встречаюсь, убеждаю их: надо уметь себя вести, держаться. Ты встречаешься с человеком. И твоя цель — понять, кто он. Если он видит, что тоже тебе интересен, то этот обоюдный интерес может принести пользу. И ни в коем случае без прямолинейности: где работаете и какой пост? У других знакомых этого человека о таком тоже нельзя спрашивать. Для познания требуется время. И момент нужен. Когда ты это мгновение поймаешь, вот тогда ты многое должен успеть.

— А не кажется вам, что сейчас всё в этой жизни и, наверное, в разведке тоже стало гораздо быстрее?

— Кажется. Теперь всё — более резко. Главное, чтобы результат хороший. В молодости — многое было по-другому. Что такое родина, объяснять не приходилось. За нее готовы были на всё. У моего брата, он у Жоры в «Легкой кавалерии» был, делали обыск. Мы догадывались, что придут, кое-что спрятали, вынесли. Перерыли всё, но бюст Сталина мы не сломали, найти им не дали. Замуровали в дальний шкафчик. Такая вера была. Не уверена, что вся молодежь — я о наших молодых разведчиках не говорю — в свою родину вот так верит. Понимаете, другой взгляд. Отцу Геворка, дяде Андрею...

— ...тоже разведчику...

— Да, так вот, когда Андрей Васильевич вернулся из Ирана в 1953 году, ему сразу предложили квартиру. И он, уже человек немолодой, ответил: «Квартиру дайте тому, кто нуждается. Мы сами построим». Сейчас мало бы кто так поступил!

— Гоар Левоновна, я согласен, но сменились эпохи и даже исторические формации. Потребности, запросы — всё иное.

— Каждый должен делать свое дело. Но в нашей профессии любовь к родине — это не обязательство, это тебе же такая помощь. Когда «Легкая кавалерия» день и

ночь колесила по Тегерану, помогая разведке, она твердо знала, ради чего надо работать за всеми этими шпионами — немецкими, иранскими. И я, девчонка, с нашими ребятами. И сколько всяких шпионов поймали! Мне шестнадцать лет, я уже в «Легкой кавалерии», только приступаю... Вдруг узнаю, что двое советских летчиков, перелетавших из Баку в Иран, приземлились у немцев. Как такое можно?! Повезло именно мне этих предателей обнаружить. Их фашисты и иранские агенты укрыли вроде бы надежно, собирались переправлять в Германию. Но не вышло. Дезертиров этих наши арестовали. Думаю, получили они по заслугам. И я этим горжусь.

Вдруг похожий случай. Двое мужчин незаметно приходили к нашему дому. Приносили лестницу, поднимались, забрасывали какие-то провода и исчезали. Потом снова появлялись. Сообщила в резидентуру. И там ко мне, к девчонке, отнеслись очень серьезно, потому что было не до снисхождения и не до шуток. Провели настоящую операцию. Выследили, где эти парни живут, изготовили ключи и произвели негласный обыск. И не зря: нашли радиопередатчик, наушники. Запросили Москву, предложив арестовать двух шпионов. Ответ ошарашил не только меня, но и старших. Люди Центру были хорошо известны, никаких мер приказано не принимать. Бывают же совпадения!

Но не в них дело, а в том, что преданность, вера приносят результат. Теперь не видится мне в молодых похожей готовности.

— Позвольте всё же подвести определенный итог. Я вас с Геворком Андреевичем не разделяю. Спрошу прямо: во многом благодаря вам в 1943-м в Тегеране удалось вывести из-под удара немцев «Большую тройку». А было ли сделано потом нечто еще более важное?

— Да. Бесспорно. Можно сказать, даже более важное. Несколько раз. Сложные вещи. Не могу я вам рассказать детали, подробности. Тут будет как сказка... Но как мы до них добирались, как доходили, это уже иная история о времени, о терпении, о нервах. О вечной осторожности.

— Дома ничего не обсуждали? Боялись прослушек?

— Никогда и ничего. Так было с самого начала поставлено. Однажды я, правда, в советский еще праздник, что-то спела, даже не слова, а мотив, мелодию. Жора на меня посмотрел вот так, укоризненно: мол, ты что делаешь? Я сначала даже не поняла. Зато потом никаких песен. Настолько мы себя держали.

— А во сне? Чтобы какие-то слова на русском? Или как у радистки Кэт, которая, бедная, при родах?

— Только когда я однажды операцию делала. Могло и прорваться. И Жора от первой до последней минуты, до самого конца, четыре с половиной часа был со мной. 195 камушков в мочевом пузыре и семь в протоках. Я тяжело переносила ужасные боли. Жора был со мной и по дороге в больницу. Стоял рядом, пока анестезиолог не дал нужный наркоз и дверь операционной не закрыли. Он все четыре часа — рядом с дверью. Бедный Жора! Когда только выносили, я еще была без сознания. Перевезли в палату, и Жора рядом. Говорит мне: «Всё хорошо, ты открыла глаза, смотрела на меня».

— На иностранном языке?

— Только...

— А у Геворка Андреевича ничего такого не было? Не болел? Бог миловал?

— Совершенно ничего. Почти никогда не болел, о том, что плохо себя чувствует, от него не слышала. А я — без конца. Делала некоторые операции здесь, некоторые там — щитовидка, потом перитонит, резали меня в институте Вишневского — сам Вишневский делал, думали — аппендицит, нет — перитонит. А потом

как-то всё утихло. И мы о моих тамошних операциях даже не сообщали нашим. Зачем беспокоить? Сколько всего было... А когда начинали, у нас и денег не то чтобы не хватало, но не очень много. Иногда сюда приезжали. Нас вызывали для изучения языков.

— Вы же и так говорите на многих.

— Так нужно было. Учили вместе с Жорой немецкий и арабский.

— Тяжело же...

— Мне было тяжело. По четыре часа с преподавателем, четыре часа — дома, самостоятельно. Вот когда я до трех-четырех часов ночи не спала. Немецкий надо было освоить. За восемь месяцев в принципе мы справились.

— Свободно?

— Что вы! Но могли объясняться.

— А что с арабским? Ведь его выучить невозможно.

— Самое удивительное, что мы его начали и стали вскоре писать. Преподаватели удивлялись. Но мы же знали фарси.

Ой, сколько всего! Помню, как вступала в партию. Огромный стол с кумачовой скатертью. Сидят одни серьезные мужчины, и я знаю только одного, которого видела «там». Мы с ним пересекались, работали, он на меня сейчас смотрит ободряюще. Я готовилась целыми днями. Съезды, конференции, устав... Все даты. Кто знает, о чем могут спросить? А задали всего два вопроса, и оба связанные с работой, так уж здесь-то я была в курсе, могла на что хочешь ответить. Меня приняли. Я встала и думаю: зачем я так мучилась, зачем столько учила?

— Но в ту пору это было необходимостью. Приходилось преодолевать и это. А есть то, за что вы себе смело говорите: «Молодец!»?

— Конечно, есть. Зачем же мы тогда столько лет работали, зачем на нас тратили деньги? Было...

— Но если опять об опасности — вы были «там» очень долго. Знакомились со многими. Вас многие помнили под другими именами...

— Действительно, немало людей уезжало из Тегерана, из Ирана, в другие страны. И сколько бывало таких случайных встреч с земляками! Обычно проходило. А сколько людей знало нас в Ереване, где мы учились? И, учтите, армяне путешествуют, перемещаются по миру, дружелюбные диаспоры взаимодействуют. Бывало, в Ереване, к нам пытались подойти. Приходилось в какой-то мере нас даже ограждать... Вы знаете о случае, когда в Армении мы столкнулись с семьей друзей, знавших нас совсем под другими именами и профессиями? В одной стране мы познакомились с армянами, у которых иранские корни. Глава семейства из Исфагана, милейший человек, кстати, очень богатый. У них дочь, сын... Мы с ними очень подружились, по-настоящему. Когда мы эту страну покинули, то оставили им наши хорошие вещи — для их детей. Объяснили, что надо срочно уезжать в другое государство. И действительно, в другое: срочно, в Москву, чуть не прямым сообщением.

И вот, идем по улице в Ереване, и вдруг они с другой стороны кричат, бегут. Обнимают нас, кричат: «Думали, вы умерли! Или погибли в авиакатастрофе! Почему вы нам не писали?» А прошло лет много, очень много. А у нас даже уже и имена другие... Но тогда наши товарищи из Еревана умело и быстро сработали, мы переселились в гостиницу, куда нам срочно принесли наши чемоданы. То есть мы превратились в туристов... С этими своими друзьями мы неделю общались, вместе повсюду ездили. И наши ереванские коллеги очень помогали: знакомых-то много, кто-то хочет подойти — их очень аккуратно и незаметно не допускали. Но однажды вечером мы поехали с ними в загородный ресторан — и вдруг наши знакомые посылают нам к столу всякие яства — Ереван

же! Друзья удивлены: «Это что такое? Это — от кого?» Мы им: «Наверное, видят, что иностранцы, вот это гостеприимство». Кто-то уже хочет подойти к мужу... Он каким-то образом выходит вдвоем с этим дары приславшим из зала, просит извинить, обещает прийти к нему завтра. Но все равно те дождались нашего выхода из ресторана, посадили нас всех в шикарную машину и показали ночной Ереван. Уезжали наши друзья растроганными. Дама просила, чтобы я отдала ей свое бриллиантовое кольцо: «Так ты хотя бы приедешь к нам за ним в Лондон. А то исчезнете». Мы им: «Да мы и так приедем».

— И вы с ними больше не виделись?

— Виделись, они после этого уже два раза к нам в Москву приезжали.

— Они все-таки поняли?

— Поняли. Но ни одного слова. Никогда об этом не говорим. Звонят постоянно. Жора скончался, и они позвонили из Лондона.

Был и другой случай. Когда приезжала внучка Черчилля и брала интервью у мужа, потом об этом написала. И с нами связались из-за границы другие наши знакомые. Нашли нас через армянскую диаспору. Созвонились с нами и через неделю уже были здесь. Хорошо провели два-три дня и уехали.

Но, надеюсь, вы понимаете, что с годами знакомств накапливалось. У нас повсюду, по всему миру есть хорошие друзья. И, значит, мы подвергались определенному риску, могли повредить нашему делу... Пора было возвращаться!

— Гоар Левоновна, разговор с вашими соотечественниками из Армении еще впереди, но для общего понимания: у вас есть награды Армении?

— Есть. И советские есть, и российские — в достаточном количестве. Мы их аккуратно и с любовью укладывали в один столик. И оказалось, у нас их вот

столько! Наши товарищи с работы разобрали все. Отделили особо важные, хотя не важных тут быть не может.

А недавно мне преподнесли сюрприз. Пришли из посольства Армении с подарком. Утвердили «Золотую медаль имени Геворка Вартаняна» в виде барельефа. Сделали специалисты на ювелирном заводе в Ереване. Организовал изготовление медали министр обороны Сейран Мушегович Оганян, согласовав с президентом страны Сержем Азатовичем Саргсяном.

— Красивая медаль!

— Будут в Армении этой золотой медалью награждать достойных. И если россияне отличатся — тоже. Будут награждаться не только разведчики, но и военные. Медаль номер один — мне. Теперь к людям нашей профессии отношение более, я бы сказала, благосклонное, душевное. Человек, отправляющийся «туда», имеет определенные гарантии. Не буду о них говорить, поверьте так... Хотя нас всегда ценили. Всегда помогали. И у нас на работе — отношение исключительное. Те, кто рядом — очень хорошие люди, доброжелательны и внимательны. Я к ним езжу. Вот и на днях была. К Жоре на кладбище часто езжу. И благодаря отношению родных и близких часто прихожу в себя.

— А с руководителями разведки общаетесь?

— Да. Но больше и дольше всего — с Юрием Ивановичем Дроздовым. Он ведь был долгие годы нашим руководителем. И каким! Не могу сказать, что рядом с ним никого не было. Но главным был он...

Глава 12.

ПОЛКОВНИКУ ПИШУТ ИЗ ЕРЕВАНА

Хотел бы я знать, сколько друзей у Вартанянов. И еще — где только их нет. А в Армении — точно есть, и очень-очень много.

Эта глава написана ими. Хотелось собрать воспоминания тех, кто знал Геворка Андреевича и Гоар Левоновну в разные годы их жизни в Ереване. Откликнулись все. Характерно, что все авторы прислали письма на русском языке. Простые, искренние.

Мне оставалось только выстроить всё это, от сердца написанное, в хронологическом порядке.

* * *

1951-й. Начало учебного года. Мы — студенты мединститута. Очень дружные ребята. Хорошо учимся и свой досуг всегда проводим вместе. Одна из наших студенток-репатрианток из Ирана рассказывает, что приехал ее друг из Ирана Георгий Вартанян со своей женой. Очень интересная пара. И наша сокурсница Белла хочет пригласить их на свой день рождения вместе со всеми нами.

Наступил долгожданный день, и мы встретились. Высокий интересный молодой человек со своей красавицей-женой. Прекрасно одетые, подтянутые, интеллигентные. Мы, послевоенные ребята, пришли от них в восторг. Хорошо провели вечер.

Девочки нашей группы были изумлены поведением Георгия. Он по очереди приглашал всех девушек танцевать. Был очень внимателен, обходителен с нами, но не спускал глаз с Гоар. А хохотушка Гоар, очень

веселая, разговорчивая, нас обворожила с первого взгляда. Короче, мы были без ума от этой пары. Так завязалась наша дружба на всю жизнь.

Расскажу об одном комичном эпизоде. Мы, студенты, собирались на вечеринки «по немецкому счету» и собирали в то время по 150 рублей. Белла нам говорила, что Георгий из богатой семьи, отец его имеет в Иране шоколадную фабрику, и мы решили с них взять по 200 рублей. Но, имея в виду то обстоятельство, что стол наш бывал беден и состоял в основном из картошки, зелени, яиц и лобио, на этот раз мы купили маленькую баночку черной икры, маслины и поставили в том месте, где они сидели. И бдительно следили, чтобы никто из наших этого богатства не тронул. Через некоторое время мы им об этом рассказали и много смеялись.

Георгий и Гоар поступили в Ереванский институт иностранных языков. Учились хорошо. Очень много занимались, так как им надо было узнать многое.

Приехали они сначала с родителями Гоар. С ними же приехали брат Георгия — Вова и брат Гоар — Оник. С Вовой у нас дружбы не сложилось. Он не был похож на своего очаровательного брата. Держался особняком. А брат Гоар — Оник с первых же дней влился в нашу компанию. Родители их — тетя Маргарита и дядя Левон — были очень ласковыми, теплыми, гостеприимными. Мы у них в доме чувствовали полное понимание и любовь.

В 1953 году приехали из Ирана сестра Георгия — Ася Андреевна с мужем. Они были фармацевтами, имели свою аптеку в Тегеране, но в Союзе не работали.

Приехали родители Георгия — отец Андрей Васильевич и мать Мария Савельевна. Тоже очень теплые, гостеприимные. Их дом превратился в клуб, где мы собирались, веселились. Георгий и Гоар, как только с кем-то знакомились, сейчас же их обвораживали и заводили дружбу. Все в них влюблялись и хотели с ними быть рядом.

Как-то Гоар мне сказала, что они хотят зарегистрировать свой брак в загсе, потому что в Иране они венчались в церкви. Мы тут же решили сыграть свадьбу. Собралась большая компания, и мы отправились в загс.

В то время в Ереване было плохо с цветами. Но мы ворвались в частный дом, где разводили цветы, и вымолили у них букет прекрасных роз, а вечером отпраздновали событие.

В дальнейшем Георгий вспоминал, что он со своей женой регистрировался еще несколько раз: в Иране, Ереване и за рубежом, два раза во время своей работы.

У них не было детей. Но как много любви и внимания они уделяли детям своих друзей. Знали о них всё: как учатся, какое у них здоровье, в чем нуждаются. И потому, когда пришло время женить нашего старшего сына Михаила, мы безоговорочно решили, что «каворами» будут Георгий и Гоар. И после этого наши молодые — Миша и Карина — стали им очень близкими.

И еще. Как-то мы гуляли с Гоар по городу, зашли в церковь, и она узнала от меня, что я некрещеная. Потатила меня к бабушке и договорилась о дне нашего крещения. В этот же день Георгий и Гоар стали крестными моих двух внуков — Рубена и Нелли.

В Армении «кавор» самый почтенный и уважаемый, близкий человек семьи. Так что вот кем для нас, для друзей были Георгий и Гоар.

Потом они объявили, что едут в Москву поступать в аспирантуру. А далее началась их деятельность.

Мы всегда удивлялись тому, как им удавалось так чисто и хорошо работать. Георгий всегда говорил: надо быть всегда начеку, если расслабишься — всё.

Как-то я была в Москве, у них гостила, а они готовились уезжать. И Георгий выходил из дома на два-три часа, сидел за письменным столом и был погружен в

свои думы. Он уже всё прокручивал. Он готовился к своей работе.

Они очень любили Армению. И Армения любит своих героев. Каждый год они приезжали в Ереван, восхищались всем и говорили, что, как только закончится их работа, они будут жить здесь. Но, к сожалению, этого не произошло.

Мы часто спрашивали Георгия, когда же узнаем о его работе. Он брал в руки палку, сгибался как старичок, и начинал кряхтеть.

Тогда мы еще ничего не слышали и о Тегеране. А когда вышел фильм «Тегеран-43», я была в Москве и мы все вместе пошли смотреть этот фильм. Георгий и Гоар переговаривались по-персидски. Что-то было, видимо, не так, что-то им не нравилось. Но когда вышли, они были довольны.

Какое было ликование, когда мы узнали, как высоко оценен труд наших замечательных друзей. Вся их жизнь посвящена родине. Конечно, в Армении их знают многие, их останавливают на улице незнакомые люди, восхищаются ими, приветствуют их.

Какие качества Вартанянов я бы могла выделить? Коммуникабельность, простота общения с любым человеком, обаятельность, чувство сопереживания, доброта, умение слышать людей.

У четы Вартанян было много встреч с молодежью во всех вузах и школах Армении. О них снят фильм. Их часто показывают по телевизору.

Что касается памятника Вартаняну, в Армении его надо поставить обязательно. На родине должен быть памятник Герою Советского Союза Г. А. Вартаняну — легенде разведки.

Нелли Рубеновна Калантар

***

С четой Вартанян мы познакомились в 1951 году на дне рождения нашей сокурсницы, репатриантки из Ирана. Вскоре мы очень подружились с ними. Мне хочется рассказать об одном эпизоде того периода.

У нас была очень дружная институтская группа, мы часто выезжали за город на так называемые уик-энды. И как-то раз в один из этих уик-эндов к нам присоединились Вартаняны. Это были послевоенные годы, каждый приносил, что мог, в основном хлеб и, что называется, дары природы. Одним словом, каждый приходил с огромной авоськой весом в пять-шесть кило.

А Георгий и Гоар пришли с небольшим кульком, вмещающим на первый взгляд не более килограмма-полтора содержимого. Мы очень удивились их скромной провизии, зная, что они по нашим тогдашним меркам очень состоятельные люди, но, видимо, большие жмоты.

После того когда мы разложили нашу провизию — хлеб, зелень, картошку и прочее, они раскрыли свой пакет и высыпали кусковой шоколад. Это был шок, ибо всё происходило в послевоенные годы, когда сахар считался деликатесом. А нам вдруг представилась возможность лакомиться шоколадом.

У нас дома много фотографий Георгия и Гоар с известными людьми, руководителями государства. Как-то ко мне зашел приятель, и я ему говорю: посмотри, с каким почтением смотрит Путин на Георгия. Тут он мне говорит: чему ты удивляешься, предположим, ты футболист, даже мастер спорта международного класса. Как бы ты посмотрел, если бы к тебе пришел Пеле?

О том, что Георгий стал героем, мы, чета Миракян и Ходжамиряны, узнали во время обеда, когда Георгий, взяв с нас слово, что в течение двух лет никому не скажем, вынул из пиджака удостоверение Героя СССР. Это было эффектом разорвавшейся бомбы.

Поздравляя Георгия со званием героя, бывший шеф КГБ республики Мариус Юзбашян сказал: знайте, что герой герою рознь. И в подтверждение сказанного привел пример из службы в Прибалтике, где их группа провалила большую операцию. Командиром группы был Герой Союза. Во время разборки, когда его упрекнули, что какой он герой, когда в нужный момент не проявил мужество, он сказал, что да, я герой, но я коллективный герой, это звание я получил вместе с сотнями других людей за коллективную операцию. Тоже важно. Но, продолжил Юзбашян, Георгий Андреевич — герой из героев, ибо только он из известных разведчиков за всю свою деятельность не допустил ни одной ошибки, чистым вернулся на родину.

В Армении об их подвигах узнали из телевизионных передач Центрального ТВ. За весьма короткий срок Георгий и Гоар стали желанными гостями различных по статусу людей — от подмастерьев до секретарей ЦК.

Георгий даже в близкой компании не позволял себе расслабиться, больше слушал, иногда вставляя личное видение по теме. Во время застолий не пропускал ни одного тоста, но в итоге за весь вечер он выпивал всего одну рюмку.

Как-то мы отдыхали на известном в Армении курорте Цахкадзор. Вартанянов представили дирекции пансионата как высоких должностных лиц МИДа Союза. Как принято, дирекция пансионата попросила Георгия сделать запись в книге важных персон. Тогда Георгий попросил, чтобы невестка Гоар под его диктовку написала полагающееся в таких случаях хвалебное, и только после этого поставил свою подпись, ясно какую.

Там же вся компания выстроилась для фотографирования. Георгий попросил, чтобы все повернулись в сторону леса. Я ему говорю: а какая разница? Тогда он мне объяснил: видишь, на том фоне,

вдали линия высоковольтной передачи и при аэросъемках легко вычислить местопребывание.

Интересный случай рассказал Георгий. Как-то за рубежом произошли вооруженные столкновения и их в течение нескольких дней не выпускали из отеля. В отеле было много иностранцев и ему приходилось общаться со многими на их родных языках. Георгий в совершенстве владел семью языками — армянским, русским, персидским, английским — учился в английской разведшколе, а также... (Дальше мне пришлось по понятной причине поставить многоточие. О еще нескольких странах, где работали Вартаняны, пока не рассказывается. — И. Д.)

Там же, в отеле, была туристическая группа из Армении. И как-то Георгий оказался в одном лифте с двумя армянами, не успел лифт тронуться, как в него влетел один итальянец и спросил: на каком этаже буфет? Георгий на итальянском подсказал на каком. В это время один из армян говорит другому: слушай, если мы этого чудака прижмем, он, может, и по-армянски заговорит.

Во время работы в ... (одной стране. — И. Д.) ему пришлось направить очередную информацию, используя в качестве тайника дыру в заброшенном храме. После вложения капсулы он дыру прикрыл камнем. На следующий день при проверке он заметил, что камень сдвинут. Тогда Георгий нашел прутик и осторожно отодвинул камень, оттуда показалась голова кобры. Насколько надо быть осторожным и предусмотрительным в своих действиях!

В один из приездов в Армению с ним захотел встретиться первый президент Армении Левон Тер-Петросян. В сопровождении председателя КГБ они пришли на прием. Как рассказывает Георгий, у него вызвала удивление полная неграмотность службы

безопасности и облегченного понятия президентом роли разведки.

При этом, во-первых, по всем этажам бродили бородатые, смахивающие на бомжей люди. А при входе к президенту в приемной никого не оказалось.

«Во время беседы президент спрашивает меня: а для чего нужна разведка для Армении? — рассказывал Вартамян. — Я ему говорю: через неделю вы должны встретиться с президентом Азербайджана для переговоров. Если вы знали бы, что у него в портфеле, вам легче будет вести эти переговоры. Я ему также сказал, что, учитывая окружение Армении врагами, вам нужна не только разведка, но еще и хорошая контрразведка.

После ухода я говорю председателю КГБ, что при такой безобразной обстановке могут легко закатать вашего президента в ковер и благополучно унести. В дальнейшем это поправили. Видимо, упрек пошел впрок».

Мартын Михайлович Миракян

* * *

История дружбы нашей семьи с замечательными людьми — Геворком Андреевичем и Гоар Левоновной Вартамянами имеет более чем полувековую историю.

Мой отец — Илья Гайкович Кеворков с 1955 года руководил Армянским отделением ВАО «Интурист», где в эти же годы работал Геворк Андреевич. Имея очень много общего в характере: доброту, честность, чуткое и теплое отношение к людям, независимо от их ранга и положения, а самое главное — огромное чувство юмора — папа и дядя Жора, как я его называла, стали очень близкими друзьями, а мама моя, Евгения Леонтьевна, необыкновенно сблизилась с Гоар Левоновной.

Дружба эта, начавшись в годы, предшествующие их длительной заграничной командировке, продолжалась и впоследствии в периоды их приездов в отпуск в Ереван и Москву.

В один из их приездов мы крестили в кафедральном соборе Эчмиадзина мою младшую сестру Аллу, и крестной матерью стала тетя Гоар, что еще больше сблизило наши семьи.

Мама моя была музыкантом. Может быть, поэтому, а еще и потому, что папа очень не любил дружить с «номенклатурой», друзьями их были композиторы, музыканты, художники — представители армянской творческой элиты: Эдвард Мирзоян, Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Лазарь Сарьян, Эдгар Оганесян, Александр Аджемян, Хачатур Есян и многие другие. Я перечисляю их потому, что они стали также друзьями дяди Жоры и тети Гоар. Много ярких, незабываемых вечеров, наполненных юмором и весельем, провели они в этой компании, где все без исключения любили их, восхищались их умением общаться, доброжелательностью, интеллигентностью и особой элегантностью, которая их всегда отличала. Для всех этих людей чета Вартамян была работниками Внешторга СССР, выезжающими в частые заграничные командировки.

Мои родители знали об истинной работе Геворка Андреевича с супругой, о чем можно было догадаться по некоторым их разговорам. Но мы понимали, что это закрытая тема, и никогда не позволяли себе лишних вопросов, хотя и видели особую доверительность отношений папы с дядей Жорой.

Воспоминаний очень много, все перед глазами, как кадры из фильма: всегда подтянутый, элегантный дядя Жора, от внимания которого ничего не ускользало, ни один нюанс твоего настроения. Необыкновенно чуткий, он всегда старался поддержать тебя добрым словом,

комплиментом, умел с юмором разряжать любую напряженную ситуацию.

Поразительны были его взаимоотношения с женой. За всю свою жизнь, а мне самой уже немало лет, я не встречала более гармоничной, дружной, преданной друг другу и любящей пары. Они были эталоном для всех и как супруги, и как друзья: такие же преданные, умеющие всех сплачивать, готовые прийти на помощь, а еще — умеющие от души веселиться в кругу своих друзей.

Однажды у нас дома тетя Гоар предложила встретить Новый год в дружеском кругу в ресторане. Это была вторая половина 1960-х, и в Ереване подобные банкеты еще не были приняты. Мой папа подхватил идею, и они вчетвером тут же начали писать списки приглашенных и создавать сценарий новогоднего вечера. Конечно, потом список разросся до более чем ста человек, папа подготовил замечательные сюрпризы, и прекрасный новогодний банкет стал с этих пор традиционным в Ереване, а быть его участником считалось очень престижным.

Расскажу о некоторых деталях подготовки к этому вечеру. Тетя Гоар имела много вечерних платьев, но беспокоилась, что в Ереване пока не принято носить такие наряды. Папа мой, лежа в постели дома с приступом радикулита, решил принять участие в этой подготовке, не теряя чувства юмора, даже будучи больным. Он попросил тетю Гоар принести к нам все эти вечерние платья, что она и сделала, после чего началось необыкновенное дефиле. Тетя Гоар по очереди примеряла свои платья и представляла перед папиным взором, который давал уникальные советы и заставлял ее заново надевать то или иное платье. В итоге было решено надеть на Новый год одно очень нарядное платье, правда, прикрыв большое декольте на спине

бантом, дабы не смущать традиционную армянскую публику невиданным ранее европейским шиком.

Всё это сопровождалось таким весельем, тетя Гоар была так хороша в своих нарядах, что этот день запечатлелся в памяти как одно из лучших воспоминаний нашего детства.

Что касается европейского лоска супругов Вартанян, то в связи с этим припоминается другой случай.

Мой папа был племянником Арама Хачатуряна, и нашу семью связывали с Арамом Ильичом не только родственные, но и самые теплые дружеские отношения. Арам Ильич, познакомившись с Геворком Андреевичем и Гоар Левоновной, проникся к ним большой симпатией и уважением.

Однажды, будучи в отпуске в Москве, тетя Гоар и дядя Жора пригласили нас к себе домой на обед вместе с Арамом Ильичом. Мы прекрасно провели время, гостеприимство было всегда одной из самых отличительных черт семьи Вартанян.

За оживленной, содержательной беседой время летело быстро — этим людям было что рассказать!

Неожиданно позвонил Карен, сын Арама Ильича, которому пришлось подъехать за ключами от дома. Он побыл очень недолго, буквально считанные минуты, а Вартанянов он видел впервые в жизни. Поздно вечером он позвонил мне в гостиницу и спросил: «Кто эти люди? Они были необычные, какие-то "западные"...»

Карен, побывавший с отцом на всех континентах, повидавший много всемирно известных людей, венценосных особ, влиятельнейших представителей западной элиты, не мог не заметить и не оценить тот действительно европейский лоск, тот особый человеческий шарм, который всегда отличал этих замечательных, этих удивительных, этих героических людей — Геворка Андреевича и Гоар Левоновну Вартанян, о которых еще многое предстоит узнать

грядущим поколениям и которые навсегда останутся самым ярким и светлым примером безграничной Любви к Родине, самой большой Любви, которая только может быть в этом мире между мужчиной и женщиной.

Оглядываясь сейчас на свою жизнь, я понимаю, как многому нас научили, как много света в нашей жизни давали нам бесконечно любимые, дорогие дядя Жора и тетя Гоар.

Нина Ильинична Кеворкова, кандидат филологических наук, директор Института медиа и рекламы Российско-Армянского (Славянского) университета

* * *

С Георгием Андреевичем, для меня дядей Жорой, связано множество ярких воспоминаний, начиная с самого детства. Георгий Андреевич и Гоар Левоновна являются крестными родителями моей мамы, родными и близкими нашей семье. Еще с детства приходилось слышать и читать о множестве героических поступков, о роде их деятельности, тогда еще не совсем мне понятной в силу возраста, но заслуживающей моего детского восхищения.

Мне было лет двенадцать, когда дядя Жора и тетя Гоар пригласили меня с Маргаритой, их племянницей, провести лето в Москве, в их доме. Никогда не забуду это лето... Люди с такой героической и трудной профессией оказались простыми, необычайно интересными, легкими и добрыми.

Особо запечатлелись наши вечера, когда мы играли в карты с большим интересом и азартом. Я и дядя Жора почти всегда были в паре и всегда старались обыграть тетю Гоар и Маргариту. Иногда даже приходилось

мухлевать. Никогда не забуду, как дядя Жора искренне радовался каждому выигрышу.

В этот же период проходил чемпионат то ли мира, то ли Европы по футболу. Дядя Жора и тетя Гоар превратили нас в истинных болельщиков, так как мы все вместе с большим интересом следили за каждой игрой.

И еще, если дядя Жора и тетя Гоар хотели о чем-то поговорить так, чтобы мы не понимали, говорили на персидском. Мы всячески пытались понять, о чем же они говорят, прислушиваясь к каждому слову, но все равно ничего не понимали.

Но больше всего запечатлелся в памяти один из вечеров, который, думаю, ни я, ни Маргарита никогда не забудем. Мы вышли из дома и на метро поехали в парк кататься на роликах. Получилось так, что мы очень задержались и пришли домой затемно. По дороге домой дрожали от страха, так как понимали, что тетя Гоар и дядя Жора переволновались и будут нас ругать. Дверь открыл нам дядя Жора, не проронив ни слова... Этим молчанием было сказано намного больше, чем словами... Так мог поступить только по-настоящему сильный и мудрый человек. От этого нам стало еще больше стыдно.

Никогда не забуду, как мы, будучи очень голодными, заперлись в своей комнате и были готовы провалиться сквозь землю.

Больше месяца, проведенные в доме дяди Жоры и тети Го-ар, дали мне неопишимо много. Дали возможность увидеть и понять, каким должен быть настоящий сильный мужчина и одновременно безгранично любящий, внимательный и трепетный человек. Увидеть, как выглядят настоящая любовь и взаимопонимание и какими добрыми и легкими могут быть люди, занимающиеся таким нелегким и опасным делом.

Анна Мантарлян, дочь Аллы Кеворковой

Я, Варданян Гаврош Иванович, познакомился с Вартаняном Геворком Андреевичем в 1983 году. Тогда я работал в Ереванском автосервисе в качестве замдиректора. Геворк Андреевич должен был получить кузов, и это стало причиной нашего знакомства.

С той поры мы не расставались. Затем мы сблизились семьями. Каждый их приезд в Ереван был ожидаемым и желаемым. Их ждала вся наша семья, от велика до мала. Потому что они со взрослыми были взрослыми, а с малыми — малыми. К каждому был индивидуальный подход, очень родной, добрый.

Вот один из эпизодов. Бабушка моей жены, народная артистка Армении и Азербайджана, персиянка Сурия Каджар, знала Вартанянов еще по Ирану. Узнав, что мы близки и они должны прийти к нам в гости, она с большой радостью их ожидала. При встрече предавались разговорам, воспоминаниям об Иране 1941 — 1946 годов. Сурия Каджар со своим мужем Сергеем Сергеевым и детьми тоже находилась в те годы в Иране. Было что вспомнить, было много общего. Они так беседовали, как будто знали друг друга всю жизнь и очень близко. Несмотря на свой преклонный возраст, Сурия-ханум захотела спеть для гостей «Баяти мираз». Вечер прошел в очень теплой обстановке. С четой Варданян иначе и не могло быть.

Другой эпизод связан с ремонтом квартиры Геворка Андреевича. Поздно вечером рабочие попросили шифер для крыши, а наутро Геворк Андреевич должен был лететь в Москву. Мы поехали в магазин, он уже закрывался, директора мы застали в дверях. Объяснили, что нам нужно, но положительного результата не достигли. Директор ссылался на позднее время. Я был вынужден представить Геворк Андреевича. И тут...

Директор пригласил нас пройти в свой кабинет. Предложил коньяк, позвал работников и стал разъяснять, приговаривая: какая честь, что такой человек пришел к ним в магазин, что они могут ему хоть чем-то помочь. Все забыли про время.

Завязалась беседа. И опять создавалось впечатление давнего знакомства. Один из рабочих, стесняясь, сказал, что никогда не видел живого героя, не видел удостоверения, как оно выглядит, и Вартанян решил удовлетворить интерес простого человека. Достал из кармана пиджака (что слева, ближе к сердцу) какой-то пакетик. В целлофане, затянутом резиночкой (как всё просто, по-человечески), лежало удостоверение, которое так дорого было его сердцу, которое с таким трудом было получено. Ведь звание Героя Советского Союза давали не просто так. Его надо было заслужить, он — Геворк Андреевич — заслужил. Рабочий ахнул, прослезился, попросил разрешения пожать руку герою. Вартанян конечно же пожал ему руку. Тот, счастливый и гордый, удалился.

Геворк Андреевич был простым, народным человеком. Он не чуждался простых людей, не кичился. Куда бы мы ни заходили по делу или гуляли по улице, кто бы его ни встретил, везде были почет и уважение, гордость и благодарность. Часто на улице незнакомые люди подходили и спрашивали: «Простите, вы тот Герой, "Правдивая история. Тегеран-43"?» Вартанян со своей скромной, обаятельной улыбкой отвечал: «Да». И начинался диалог. Всё его поведение говорит о высокой организации человека, о его порядочности, о простоте души. Всю свою жизнь он отдал миру в мире, жертвуя многим, но считал, что это нормально, закономерно.

Я, супруга Варданяна Гаврош Ивановича, Исаханова Лилиана Рафаеловна. С супругами Вартанян познакомилась позже мужа, но в их случае время не имеет значения. Каждая встреча с ними приносит лишь

положительные эмоции. При каждой встрече ты получаешь жизненный урок. Вот ты, простой человек, родился, живешь, учишься, работаешь, создаешь семью, воспитываешь детей, а теперь и внуков.

К ходу истории ты, лично, никакого отношения не имеешь. Да, ты любишь свою родину, патриот, но для этой же родины ты ничего уж такого не сделал. Но, общаясь с Геворком Андреевичем и с Гоар Левоновной, ты ощущаешь какую-то причастность к подвигам, к героизму. А это всё от них: тепло, ласка, любовь, добродушие, которые в их сердцах и глазах, оно передается тебе, и ты становишься чище, выше, патриотичнее, добрее, значимее. Разве это не урок?

Геворк Андреевич мог заметить всё, любую мелочь, отметить ее, сказать что-то приятное для души. Он был ценителем всего красивого. Истинный джентльмен, но при этом для него существовала только одна Гоар (в переводе — жемчужина).

Разве это не урок? У них, у этой пары, многому можно было научиться.

Есть изречение: «Человек с большой буквы» — это о них. Многострадальный армянский народ дал немало именитых, известных, героических людей. Среди них и Герой Советского Союза Вартанян Геворк Андреевич. Я горда, что я армянка, благодарю таких людей, благодарю судьбу за то, что знакома с ними, могла общаться с такими, как Геворк Андреевич и Гоар Левоновна.

* * *

Неописуемая боль пронзила наши души и сердца после внезапной кончины нашего дорогого, горячо любимого, уникального во всех отношениях Георгия Андреевича. Невозможно поверить в случившееся,

кажется, что он временно отсутствует по своим неотложным делам, по окончании которых обязательно вернется домой. Вот так мы и живем сейчас с этой надеждой.

Георгий Андреевич всегда был и остается для нашей семьи абсолютно ВСЕМ.

Человек, посвятивший всю свою жизнь очень сложной работе и беззаветному служению родине без остатка, в семье был очень добрым, заботливым, отзывчивым и внимательным. Он был не просто дядей, родным человеком, дедушкой, но и другом.

Особенно он любил свою внучку Маргариту, и это было взаимно. Она считала его своим отцом и большим другом, с которым она делилась своими детскими и девичьими секретами.

Каждый его приезд в Ереван после долгого отсутствия вместе с супругой становился большим праздником для его и нашей семьи. Мы все с нетерпением ждали этого дня. Готовили их любимые блюда, принимали гостей, друзей и близких, с которыми и до сих пор мы продолжаем дружить.

Раньше Георгий Андреевич и Гоар Левоновна приезжали поездом, и мы помним, как все друзья и близкие огромной толпой встречали их на перроне. А потом все приезжали к нам домой, садились за огромный обеденный стол и дом наполнялся интересными людьми, общением после долгой разлуки, весельем и радостью.

Каждый свой отпуск наши родные проводили в Армении, которую они очень любили. Выезжали отдыхать всегда всей семьей. Нас навещали их друзья и близкие. Это были незабываемые дни, отличающиеся интересным общением, теплотой, близостью, радостью и еще большим познанием человеческих качеств наших родных.

Говорят, что незаменимых людей нет. Но Георгий Андреевич и Гоар Левоновна всей своей жизнью доказали, что незаменимые люди есть, и мы, их родные, убедились в этом и утверждаем, что они являются незаменимыми. Они были как один человек, дополняя друг друга. У этих людей — высокий уровень моральных ценностей. Они горячо любили свою родину, были большими патриотами, чему стоит поучиться остальным. Они пронесли любовь друг к другу через всю свою жизнь в течение шестидесяти шести лет. У них надо учиться, как любить родных и друзей и как сохранять эти отношения и дорожить ими. От них исходило столько тепла, добра и позитива, что окружающим хотелось непрерывно оставаться с ними и от этого они сами становились лучше.

Несмотря на свою серьезность, Георгий Андреевич обладал большим чувством юмора. Он неожиданно что-нибудь придумывал, что веселило членов семьи и делало его душой компании.

Родной брат Гоар Левоновны Оганес дружил с Георгием Андреевичем с тринадцати лет, еще с Тегерана. Они были очень близки друг с другом. Анализируя долгие годы дружбы и родства с ним, брат неоднократно говорил: «Думая о Жоре и о тех, таких сложных ситуациях по работе, в которых он находился, я не нашел в нем как в человеке ни одного недостатка и ни одной ошибки или промаха как профессионала».

Эта уникальная, неповторимая пара всегда волновалась и думала о нас, будучи далеко или близко. Они всё делали для того, чтобы нам было всегда хорошо. Во всех отношениях они были большой опорой и всегда говорили, что они и мы — это одна семья.

В октябре 2011 года состоялась свадьба внучки Георгия Андреевича — Маргариты с чемпионом Олимпиады по шахматам Тиграном Петросяном. Георгий Андреевич с супругой очень хотели устроить личную

жизнь любимой внучки. Они с большой любовью и ответственностью готовились к этому жизненно важному событию. Создали все необходимые условия для жизни молодых. На свадьбе он поражал всех своей энергией, своим вниманием ко всем гостям, своей огромной радостью.

После свадьбы он успокоился и с удовлетворением говорил, что выполнил свой долг.

Георгий Андреевич вместе с Гоар Леоновной прожили долгую, счастливую жизнь, богатую подвигами, интересными событиями, любящими их людьми. Пока будут жить его современники, пока будем жить мы, наши дети внуки и правнуки, будет жить и он.

Георгий Андреевич человек-легенда, а легенды не умирают.

Семья Тахлеванян: невестка — Лариса Ивановна, племянница Анаит и внучка Маргарита

* * *

И слава тем, кто в памяти живет!

Бог всегда посылает людей, чтобы они своим поведением воспитывали нацию. Таким был Георгий Андреевич Вартамян.

Его юность пришлась на годы войны, которая определила судьбу не одного поколения.

Главное, что оставило то время в людях, — это жертвенное, героическое сознание того, что как бы трудно ни было, это не повод для плача, а призыв к гражданскому мужеству, терпению, преодолению трудностей.

Память имеет замечательное свойство — избирательность. Помнится яркое, необычное, способное сохраниться вопреки всем перипетиям времени.

Вот и мне запомнилась эта, какая-то особенная, чем-то непохожая на остальных пара, с которой мы встретились в институте иностранных языков более полувека назад.

В те далекие студенческие годы мы были восхищены ими, и это первое впечатление осталось на всю жизнь.

Они создавали какую-то особенную атмосферу доброжелательности, внимания и уважения к людям.

Их отличали удивительная скромность и простота, и естественно, что не только в те годы, но и много лет спустя никто из нас не мог представить себе, что за плечами наших сокурсников Гоар и Жоры, которые всегда крепко держались за руки, уже такой непростой жизненный путь.

Об их нелегальной разведработе я узнала в конце 1990-х годов.

Мне неизвестно, предполагается ли поставить памятник Георгию Андреевичу, но думаю, что поставят обязательно. Памятник Георгию Андреевичу украсит наш город в прямом и переносном смысле.

Это будет памятник волевому элегантному мужчине, который покажет его духовную силу, его стремление к добру, правде и красоте, что и есть человеческий дух.

Памятник будет олицетворять человека, который смотрит в этот мир глазами своей любви, и поэтому он так прекрасен.

Он покажет человека, который носит этот мир в ладонях своей доброты, поэтому он так широк, который будит этот мир солнцем своей надежды, поэтому он так светел.

С Георгием Андреевичем и Гоар Леоновной мы снова увиделись спустя много лет. Вернувшись после своих длительных командировок в Ереван, они встретились с друзьями молодых лет, и как прежде царил климат дружбы и доверия, обусловленный достоинством их характера. Они, как и раньше, были

немногословны, людьми, рядом с которыми ты отдыхаешь.

Жаль, что таких людей всё меньше.

Е. Чаренц

* * *

Вартаняны — это широко эрудированные, корректные, доброжелательные, сохранившие культ честности и порядочность люди. Это люди с совестью и мудростью, нравственным и моральным правом.

Иветта Никитична, ректор института иностранных языков «Интерлингва»

* * *

Теплая осень 2006-го. Ереван. Российско-Армянский (Славянский) университет. Я только поступил в РАУ. Мне было всего 17 лет, первый семестр первого курса — веселая студенческая пора.

И вот в один обыкновенный осенний день к нам приехали легендарные советские разведчики Геворк и Гоар Вартаняны. Многие из нас знали об успехах советских разведчиков в Тегеране, о ликвидации немецкой разведывательной группы, но одно для нас стало очень приятной неожиданностью: эти легендарные разведчики — армяне! Тегеранскую операцию рассекретили в 2000 году, и вот они — герои, о которых столько лет молчали, могли вот так, публично встретиться с молодежью и рассказать об одном из своих подвигов. Счастливый и долгожданный миг для каждого разведчика, для каждого настоящего героя.

Встреча состоялась в большом зале университета. Я в числе многих других студентов сидел в зале и слушал

интереснейший рассказ «Амира» о ситуации в Тегеране в 1943 году, огромной работе и блестящих результатах «Легкой кавалерии». Около часа длился рассказ, и еще полчаса разведчики уделили ответам на вопросы собравшихся.

После я решил подойти к Вартанянам, сфотографироваться, взять автограф и просто поговорить с живыми легендами советской разведки и армянского народа.

Геворк Андреевич был очень приятным, светлым, статным и, что интересно, в этом возрасте физически очень сильным, немолодым с виду, но чрезвычайно свежим человеком.

Вартаняны с большой радостью откликнулись на наше предложение запечатлеть тот момент. Мы встали в ряд и обнялись, как это принято, для общей фотографии. Я стоял между Геворком и Гоар. Геворк Андреевич обнял меня за плечо и сделал это так энергично и сильно, что я невольно посмотрел на него, а он на меня, и оба улыбнулись. Я запомнил это энергично сильное объятие на всю жизнь. В одном только этом объятии была вся его необычайно сильная энергетика, прекрасное физическое состояние и чувствовалась уникальность этого человека. Итак, мы несколько раз сфотографировались и разговорились.

Говорили о прошлом и будущем, о жизни и делах, о родине. Коснулись и недавних процессов. В частности, огромной роли Геворка Вартаняна в деле сохранения современного Управления внешней разведки Службы национальной безопасности независимой Армении в период правления первого президента нашей родины, который хотел вообще закрыть разведслужбу, но не закрыл, благо прислушался к легендарному «Амиру». Геворк Андреевич сказал мне в тот день то же, что и первому президенту Республики Армении в начале 1990-х. Он повторил, что разведка — это «один из самых

эффективных путей защиты Отечества» и что ни в коем случае нельзя не то что закрывать, а ослаблять ее. Эти слова я запомнил на всю жизнь.

Геворк Андреевич был в тот день очень весел, наконец-то он мог рассказать о какой-то части своей работы перед широкой публикой. А ведь они сделали очень много! Но упорно молчали о пока еще секретных страницах биографии и гордились по праву одной рассекреченной страницей — Тегеранской операцией 1943 года, операцией, возможно, предрешившей исход Второй мировой войны.

Помнится также, когда уже выходили из зала, к Геворку Вартаняну подошел один парень, студент РАУ, и сказал ему, что очень хочет стать разведчиком, что мечтает об этом с самого детства. Геворк Андреевич сразу же обозначил все трудные стороны профессии, но сказал ему: «Я помогу тебе! Пиши контакты». Этот системный, четкий подход в сочетании со здоровым оптимизмом, легкостью общения и желанием помочь вклинился в мое сознание навсегда, как эталон единства делового, позитивного и человеческого отношения к любому вопросу.

Мы проводили легендарных Геворка и Гоар Вартанянов до машины. Благо это был респектабельный «мерседес»! Я был очень рад! Обычно в нашем обществе не чтят героев на должном уровне и они вынуждены, всю жизнь отдав на благо родины, в конце своего пути испытывать недостаток внимания. Я рад, что Вартаняны стали исключением! Очень рад!

Мне тогда было всего 17 лет, и я еще не понимал всей исторической важности подвига Геворка и Гоар. Но и без этого, познакомившись с ними, я зажегся позитивной энергетикой, светом и мощью Геворка Андреевича и Гоар Леоновны. Я увидел стальную дисциплину, деловой подход к жизни, человечность, стремление ставить великие задачи и решать их, не

страшась ничего и никого. Всё это вместе были они —
воистину Великие профессионалы. Великие люди.
Великие армяне.

Вечная память настоящему Герою!

Вечная память настоящему Армянину!

Вечная память Геворку Андреевичу Вартаняну!

Ваган Вардгесович Егиазарян

Глава 13.

ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ НЕГРОМКО

Геворк Андреевич Вартанян скончался 10 января 2012 года на 88-м году жизни, а его стаж работы в разведке составил 121 год. Так бывает, когда разведчик работает в особых условиях—в нелегальной разведке год идет иногда не только за два. Единственный известный и описанный в прессе подвиг Вартаняна и его жены Гоар Левоновны — участие в операции по предотвращению покушения на Сталина, Рузвельта и Черчилля во время Тегеранской конференции 1943 года.

Однако звание героя было присвоено разведчику не за это. Рассказывают, что совершенное нелегальным дуэтом Вартанянов в приблизительно сотне стран столь многообразно и всеобъемлюще, что никогда не будет рассекречено. Об этом же говорили на открытии памятника Вартаняну его товарищи по нелегальной разведке.

Их негромким речам — в разведке вообще не принято повышать голос — внимало множество людей, пришедших на Троекуровское кладбище. Все они из одной Службы, и всем им понятны слова Вартаняна, высеченные на камне: «Наша разведка — один из самых эффективных инструментов защиты Отечества. Это работа для истинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. И если можно было бы всё начать сначала, я выбрал бы именно этот трудный путь». Пришло на кладбище и немало представителей армянской диаспоры, руководители посольства Армении в Москве.

А сам Геворк Андреевич Вартанян стоял во весь свой немалый рост с Геройской Звездочкой и прислушивался

к речам хорошо знакомых сподвижников, даже фамилии которых пока никак не назвать.

Впрочем, одну можно и нужно. Андрей Николаевич Ковальчук — скульптор, председатель Союза художников России, народный художник России и к тому же обаятельный и исключительно тонко чувствующий тактичный человек. Мы встречались с ним еще несколько месяцев назад на просмотре первых эскизов. И Андрей Николаевич сумел понять пожелания Гоар Левоновны и родственников. Выслушать мнения великого нелегала — друга Геворка Андреевича. Призвать свои талант и воображение. Слегка переиначить первоначальный замысел. И потому памятник понравился всем.

Похож — не то слово. Особенно взгляд. Я смотрел на Геворка Андреевича, глаза в глаза. Осмеливаюсь считать Вартапяна не только героем своих статей, книг и фильмов. Мне посчастливилось первым написать о нем и Гоар Левоновне, бывать у них дома, общаться. Да, было некое чувство, некая магия. И сейчас мне казалось, Вартапян нас слышит.

Но главное в ином: надо, чтобы мы помнили и слышали его, Геворка Вартапяна...

ДАТЫ И СОБЫТИЯ ИЗ ЖИЗНИ Г.А. ВАРТАНЯНА, О КОТОРЫХ МОЖНО РАССКАЗЫВАТЬ

1924, 17 февраля — родился в Ростове-на-Дону; отец Андрей Васильевич Вартанян — директор маслобойного завода, иранский подданный.

1930 — по заданию советской внешней разведки А. В. Вартанян с семьей выезжает в Иран; проживают в Тавризе, затем переезжают в Тегеран, где отец становится владельцем шоколадной фабрики.

1940, 4 февраля — Геворк Вартанян устанавливает прямой контакт резидентурой НКВД в Тегеране. По поручению резидента И. И. Агаянца он организовал и возглавил спецгруппу, получившую название «Легкая кавалерия». Только за первые два года работы группой было разоблачено около четырехсот человек, так или иначе связанных с германской разведкой. «Легкая кавалерия» успешно действовала около десяти лет.

1942— «Амир» (оперативный псевдоним Геворка Вартаняна), по заданию резидентуры, внедряется в Тегеране в разведшколу, организованную английской разведкой. Он проходит полный курс обучения, а всю информацию о школе, ее курсантах и выпускниках передает советским товарищам. В результате англичане вынуждены закрыть разведшколу.

1942 — в группу вступила шестнадцатилетняя Гоар, в 1946 году ставшая женой Геворка Вартаняна.

1943 — «Легкая кавалерия» принимает участие в контрразведывательном обеспечении Тегеранской конференции. Ими обнаружены фашистские диверсанты-парашютисты, сброшенные для

уничтожения «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля.

1951 — супруги Геворк и Гоар Вартанян завершают работу в Иране и возвращаются в СССР, в Ереван, где поступают в Институт иностранных языков.

1955 — Геворк Вартанян работает в отделении «Интуриста» в Ереване.

1956 — по окончании института Вартаняны получают предложение начать работать во внешней разведке; после короткой подготовки они выезжают за границу для выполнения специального задания с нелегальных позиций.

1956—1957—1986 — разведчики-нелегалы Вартаняны работают в зарубежье. Есть основания полагать, что Вартаняны вели нелегальную работу приблизительно в 90—100 странах мира.

1984 — за большие заслуги в разведывательной деятельности Геворку Андреевичу Вартаняну присвоено звание Героя Советского Союза.

1986—1992 — полковник Геворк Андреевич Вартанян работает в центральном аппарате внешней разведки, в должности заместителя начальника отдела.

1993—2011 — принимает активное участие в работе по подбору, изучению и воспитанию молодых сотрудников разведки, передавая им накопленный оперативный опыт. Постоянно оказывает консультативную помощь сотрудникам своего управления.

2000, декабрь — в печати появляется первое интервью с подробным описанием тегеранского периода жизни разведчиков. Супруги Вартанян впервые названы своими подлинными фамилиями.

2010, май — снята двухсерийная телевизионная документальная драма «Правдивая история. Тегеран-43», с успехом показанная на Первом канале.

2011, декабрь — Геворк Андреевич Вартанян госпитализирован.

2012, 10 января — скончался в Москве. Похоронен на Троекуровском кладбище.

Полковник в отставке, Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян — заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации, почетный сотрудник госбезопасности. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», ведомственными наградами. В июне 1992 года ему вручен знак «За службу в разведке».

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Бережков В. М. Тегеран-1943. М., 1968.
- Бондаренко А. Ю. Разведка без вымыслов и выстрелов. М., 2009.
- Бунин А. Н. 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М., 1994.
- Гладков Т. К. Медведев. М., 1985.
- Голев Н. Стальные сердца // Отечественные записки. 2008. № 27.
- Долгополов Н. М. С ними можно идти в разведку. М., 2002.
- Долгополов Н. М. Гении внешней разведки. М., 2004.
- Долгополов Н. М. Главный противник. Тайная война против СССР. М., 2011.
- Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 2000.
- Королин Вит. {Короткое В. В.) Черный клад Черных озер // Неделя. 1964.
- Кузнец Ю. Л. Тегеран-43. Крах операции «Длинный прыжок». М., 2003.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 6. М., 2006.
- Радненко В. К. Главная профессия — разведка. М., 2010.
- Скорцени О. Неизвестная война. М., 2012.
- Телицын В. Л. Отто Скорцени, или Коммандос — опасное ремесло. М., 2000.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Одно из последних фото Геворка Андреевича Вартаняна. Конец 2011 г.

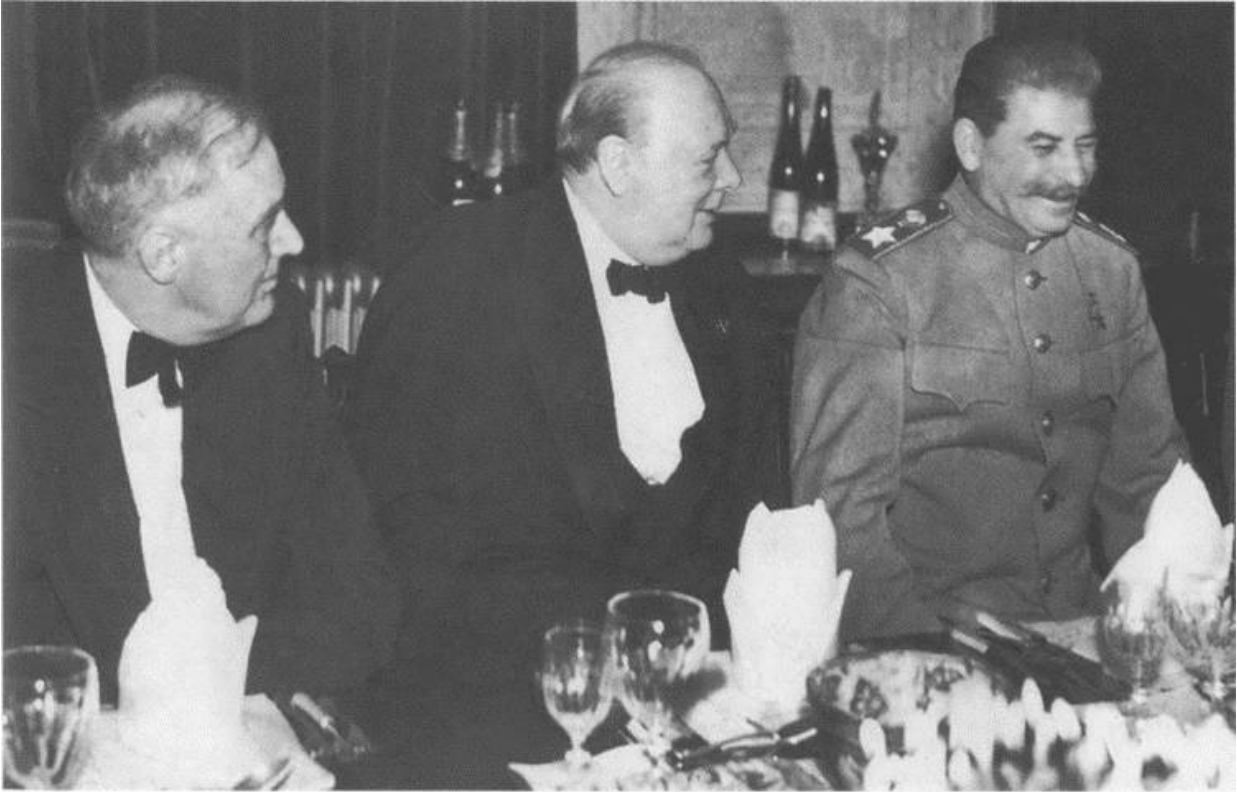
Лидеры союзных держав решили: место встречи — Тегеран

***В сентябре 1941-го Красная армия вошла в Иран с севера, англичане
— с юга***

Советская делегация на Тегеранской конференции 1943 года была самой маленькой. Сталин доверял лишь себе. И еще немного — Молотову с Ворошиловым да переводчику Бережкову

30 ноября 1943 года, Тегеран. «Большая тройка» — Рузвельт, Черчилль, Сталин — празднует день рождения британского премьера

Иван Агаянц

Отто Скорцени

"All the News That's Fit to Print."

The New York Times.

LATE CITY EDITION

Check for change in postage rate today. Available upon request. Telephone—Rm. 37, W. 42 Street, N. Y. 36, N. Y.

VOL. XCIII, No. 32,200

Published for the Proprietors by The New York Times Company

NEW YORK, SATURDAY, DECEMBER 4, 1943

THREE CENTS PER COPY

ROOSEVELT, STALIN, CHURCHILL AGREE ON PLANS FOR WAR ON GERMANY IN TALKS AT TEHERAN; 1,500 MORE TONS OF BOMBS DROPPED ON BERLIN

SOLDIER-VOTE BILL SHIFTED BY SENATE TO LET STATES RULE

Republicans Join With Southern Democrats in Scrapping the Plan for Federal Control

CONGRESS ONLY TO ADVISE

Opponents Charge Substitute Will Make Balloting Impossible for Forces Abroad

By C. P. TRIMMELL

WASHINGTON, Dec. 3.—After spending six days in reviewing the Green-Lucas Service Bill's substitute Voting Bill, the Senate today voted against the bill and passed a substitute which would put the balloting program for the armed forces back into the hands of State election officials and under State laws.

British Reveal Cost of Fields Lent to Us

As Many as 200,000 Acres in England and Wales

The special of returning the land to its original use will be one for Parliament to decide, says the cost of keeping the land.

OLIVE OIL IMPORTS ARE BANNED BY U.S.

Importers Here Say Bumper Crop in Mediterranean Area May Be Begging

By FEFERMAN G. BELL

The U.S. government declared yesterday that the Mediterranean area's bumper crop of olive oil will mean that it will be banned.

1,000 BIG BOMBERS, 7,789 OTHER PLANES BUILT IN NOVEMBER

Record Production Achieved at Pace of One Every Five Minutes Around Clock

NEW PEAKS IN NAVY YARDS

250,000-Ton Output in Largely of Combat Ships, Among Them Many Aircraft Carriers

By C. P. TRIMMELL

WASHINGTON, Dec. 3.—More than 1,000 big bombers and 7,789 other planes were built in November.

Heavy 'Retaliation' Threatened by Nazis

By The Associated Press

WASHINGTON, Dec. 3.—A German spokesman today threatened "retaliation" for the air war against Germany.

WALKER OPPOSES POSTAL RATE RISES

By The Associated Press

By C. P. TRIMMELL

WASHINGTON, Dec. 3.—More than 1,000 big bombers and 7,789 other planes were built in November.

AIR BATTLES SHARP

Nazi Fighters and Gunners Down 41 of RAF's Attacking Planes

SOUTH BERLIN HIT

New Factory Area the Target in Fifth Heavy Blow in 15 Nights

By THE ASSOCIATED PRESS

By THE ASSOCIATED PRESS

WASHINGTON, Dec. 3.—More than 1,000 big bombers and 7,789 other planes were built in November.

8th Army Drives 6 Miles Up Coast Toward San Vito

Own 15 Miles From Key to Road to Rome Is Reported Taken—Inland, Montgomery Wins Castell'Alfano—8th Army Gains

By NELSON BRACKEN

By THE ASSOCIATED PRESS

WASHINGTON, Dec. 3.—More than 1,000 big bombers and 7,789 other planes were built in November.

By THE ASSOCIATED PRESS

WASHINGTON, Dec. 3.—More than 1,000 big bombers and 7,789 other planes were built in November.

DECISIONS VARIED

Moscow Radio Asserts Political Problems Were Settled

PARLEY NOW IS OVER

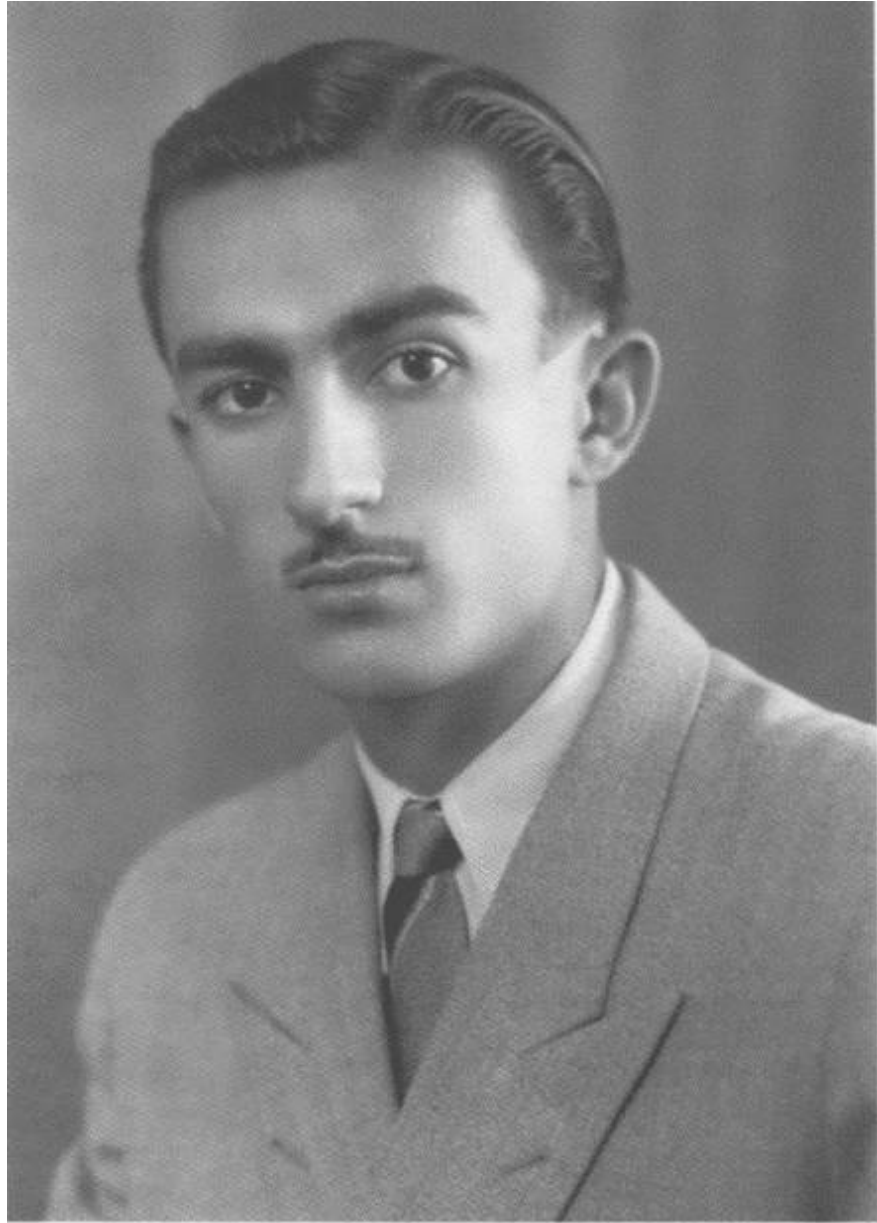
Axis Reports Predict an Appeal to Germans to Quit Hitler

By JAMES D. BEECHER

By THE ASSOCIATED PRESS

WASHINGTON, Dec. 3.—More than 1,000 big bombers and 7,789 other planes were built in November.

«Нью-Йорк таймс» сообщает: на переговорах в Тегеране Рузвельт, Сталин и Черчилль договорились о планах войны против Германии

Среди тех, кто сорвал планы Гитлера одним ударом уничтожить «Большую тройку», были и совсем юные разведчики из «Легкой кавалерии» — ее руководитель девятнадцатилетний Геворк Вартанян и девочка с косичками Гоар. Ей всего шестнадцать

***После войны Геворг и Гоар венчались в армянском храме Тегерана.
Фото публикуется впервые***

А это они уже где-то далеко — далеко и от Еревана, и от Москвы

Где происходит действие? В одной стране. Эти снимки публикуются впервые

И таких вот стран за годы работы в особых условиях было под сотню

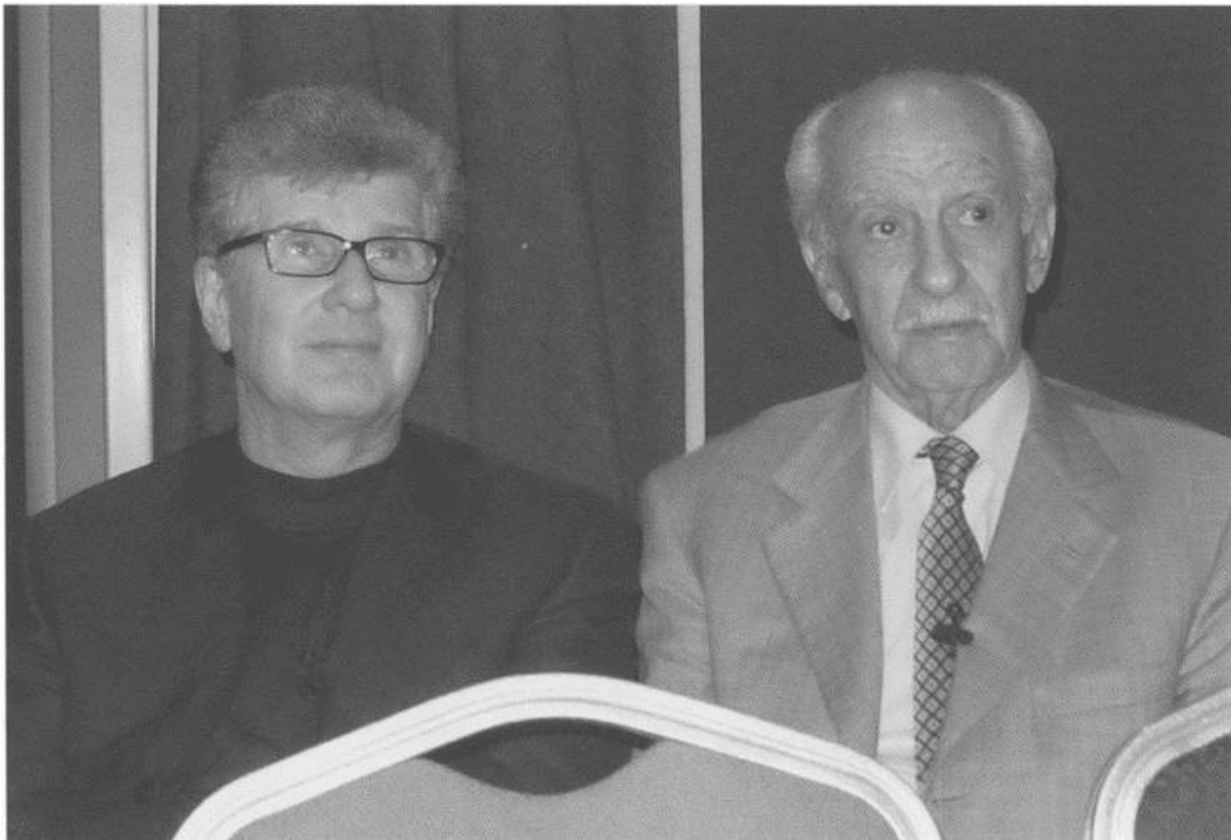

Но иногда нелегалов выводили домой — на отдых и на переподготовку. Снимки публикуются впервые

Геворк Андреевич и внучка Черчилля Селия Сандис

С Игорем Костолевским в Театре им. Маяковского

В документальном фильме «Правдивая история. Тегеран-43» супруги Вартанян сами выбрали главных исполнителей — Валерия Сехпосова и Карину Гондагсазян

Вот как встречали Геворка Андреевича в Армении. Фото публикуется впервые

Геворк и Гоар Вартанян с приемной дочерью Вильяма Фишера (Рудольфа Абея) Лидией Боярской. Фото публикуется впервые

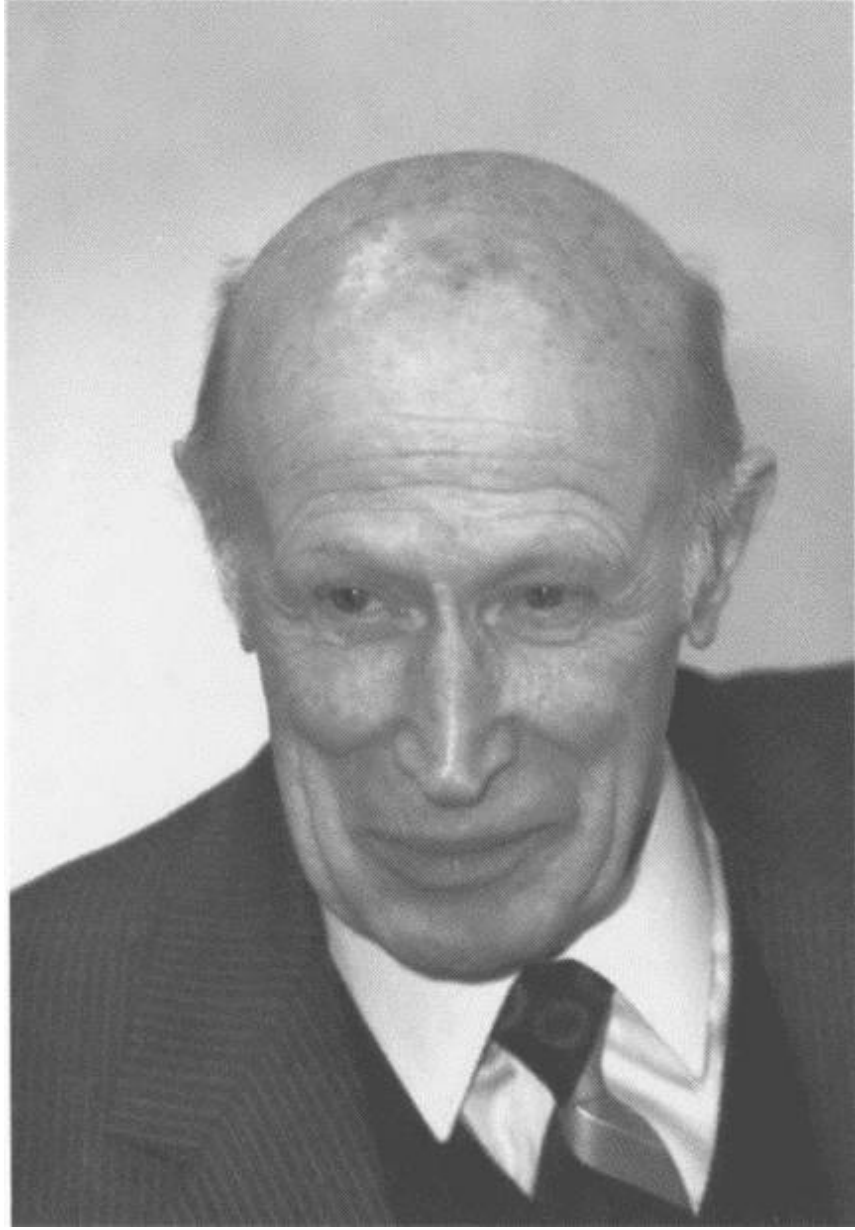
Полковник СВР Джордж Блейк (справа) стал одним из близких друзей четы Вартанян

А вот и прямое начальство. Иван Агаянц (слева) и Александр Сахаровский...

...Юрий Дроздов и Леонид Шебаршин (справа)

***Редкий снимок: Герой Советского Союза полковник Геворк
Андреевич Вартанян в военной форме***

Супруги Вартанян у себя дома. Фото автора

Теперь Гоар Левоновна — одна. Фото публикуется впервые

***Памятник Геворку Вартаняну на Троекуровском кладбище. Мы
помним***

ISBN 978-5-235-03680-2

9 785235 036802 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ